

Низами Гянджеви
ХОСРОВ И ШИРИН

Перевод – К. Липскерова

О ПРОНИКНОВЕНИИ В СУЩНОСТЬ СЕЙ КНИГИ

От снов моей души я ныне недалече.
Под сводом замыслов я словно слышу речи:

«Спеши, о Низами, а то минует срок —
Неверны времена и вероломен рок.

Из животворных вод весну исторгни снова
И облеку весну весенней тканью слова.

Свой звонкий саз возьми, — твой короток привал,
Напев твой по тебе давно затосковал.

В путь опоздаешь, — глядь: ночь сумрак распростерла.
Некстати запоешь — под нож подставишь горло.

Как роза, говори лишь только должный срок,
Болтливой лилии привязан язычок.

Слова — булат. Чекан подобный сыщем где мы?
Чеканом слов своих чекань свои дирхемы.

Хоть выкован клинок, но трудность впереди:
До блеска лезвие ты камнем доведи.

Писать не надо слов, идущих не от мысли,
Их говорить нельзя. Своими их не числи.

Несложно нанизать слова свои на стих,
Но крепость дай стихам, чтоб устоять на них.

Слов много у тебя, — пусть будет их немного!
Сто вправь в одно, — в одно сто обращая строго!

Коль забурлит река неудержимых стоп,
Не полноводие увидим, а потоп.

Коль крови через край и слишком жадно тело,
Ты накажи его ножом врачебным смело.

Не много говори, дай речи удила.

Знай: изобилие слов есть изобилие зла.

Сдержи потоки слов, им предназначив грани,
Иль скажут: «Помолчи!» — и нет постыдней брани.

В словах — душа. Душа на все возьмет права.
Твоя бесценна жизнь — бесценны и слова.

Ты скудоумных брось, и жадных ты не слушай;
Взгляни: они продать за хлеб готовы душу.

Слова — жемчужины. Поэт — он водолаз.
И труден темный путь к ним устремленных глаз.

Страшатся мастера: им долгий опыт нужен,
Ведь бережно сверлят ядро таких жемчужин.

Строги сверлильщики к своим ученикам,
С опаской жемчуга вручая их рукам.

Ты трезв иль разум твой весь в опьянение сладком,
Ты пищи не давай безудержным нападкам.

Ведь соглядатаев до сотни у тебя,
Они снуют вокруг, подол твой теребя.

Будь осмотрителен и недохни беспечно.
Не думай про людей: глядят они беспечно.

И вот, слышав звук тех потаенных слов,
Ушел я, словно дух, под свой безлюдный кров

В уединении, в котором сердце — море,
Бьют все источники, с душой твоей не споря.

И сказку начал я с того благого дня,
В сад райский обратил я капище огня.

Но это капище, вновь явленное взорам,
Я лишь разрисовал мной созданным узором.

Хоть все вмещать в слова живущим и дано,
И может в их ключе все быть заключено, —

Но если отражать в них истину мы можем,
То небылицы мы с их помощью не множим,

От неправдивых слов честь мигом утечет,
Предназначается правдивому почет.

Правдивый всем очам с лучами мнится схожим
Приемля золото, подобен он вельможам.

Зеленый кипарис лишь потому, что прям,
Не предан осенью осенним янтарям.

«Сокровищницу тайн» создать я был во власти,
К чему ж мне вновь страдать, изображая страсти?

Но нет ведь никого из смертных в наших днях,
Кто б страсти не питал к страницам о страстях.

И страсть я замесил со сладостной приправой
Для всех отравленных любовною отравой.

С какою ясностью я всем являю страсть!
К ней пристрастившимся — к моим стихам припасть!

Я взял такой сучок, каких и не бывало.
И фиников на нем нанизано немало.

Известен всем Хосров и знают о Ширин.
Какой рассказ милей и слаще? Ни один.

Но хоть предания отраднее не знали,
Оно, как лик невест, скрывалось в покрывале,

И списки не были известны. И Берда
Таила этот сказ немалые года.

И в книге древних дней, мне некогда врученной
В той местности, сей сказ прочел я, восхищенный.

И старцы, жившие поблизости, меня
Ввели в старинный сказ, исполненный огня.

И книга о Ширин людьми сочтется дивом,
В ней все для мудрого покажется правдивым.

И как же правдою всю правду нам не счесть?
Есть письмена о ней и памятники есть:

И очертания Шебдиза в сердцевине
Скалы, и Бисутун, и замок в Медаине.

Безводное русло, что выдолбил Ферхад,
Скупой приют Ширин меж каменных оград,

И город меж двух рек, и царственные взлеты
Дворцов хосрововых, и край его охоты,

Варбеда памятен десятиструнный саз,
И чтут Шахруд, Хосров там отдыхал не раз.

Мудрец сказал о них, но не дал он рассказу
К сказанью о любви приблизиться ни разу.

Тогда достигнул он шестидесяти лет,
И от стрелы любви уже забыл он след.

О том, как сладких стрел неистова отвага,
Повествовать в стихах он счесть не мог за благо.

К рассказу мудреца не тронулся я вспать:
Уже звучавших слов не должно повторять.

Я молвлю о делах, опущенных великим,
Велениям любви внимая многоликим.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ

Всех зовов сладостней любви всевластный зов,
И я одной любви покорствовать готов!

Любовь — михраб ветров, к зениту вознесенных,
И смерть иссушит мир без вод страны влюбленных.

Явись рабом любви, заботы нет иной.
Для доблестных блеснет какой же свет иной?

Все ложь, одна любовь — указ беспрекословный,
И в мире все игра, что вне игры любовной.

Когда бы без любви была душа миров, —
Кого бы зрел живым сей круголетный кров?

Кто стынет без любви, да внемлет укоризне:
Он мертв, хотя б сто крат он был исполнен жизни.

Хоть над любовью, знай, не властна ворожба,
Пред ворожбой любви — душа твоя слаба.

У снеди и у сна одни ослы во власти.
Хоть в кошку, да влюбись. Любой отдайся страсти!

Дерись хоть за нее, ну что ж — достойный гнев!
Ты без любви ничто, хоть ты и мощный лев.

Нет, без любви ничьи не прорастают зерна,
Лишь в доме любящих спокойно и просторно.

Без пламени любви, что все живые чтут,
Не плачут облака и розы не цветут.

И гебры чтут огонь, его живую силу,
Лишь только из любви к полдневному светилу.

Ты сердце не считай властителем души:
Душа души — любовь, найти ее следи!

Любовь поет кыблу, но помнит и о Лате,
К Каабе льнет, торит в языческой палате.

И в камне — если в нем горит любовный жар —
Сверкнет в добычу нам бесценный гаухар.

И если бы магнит был не исполнен страсти,
Железо привлекать он не был бы во власти.

И если бы весь мир не охватила ярь,
Не мог бы привлекать соломинку янтарь.

Но сколько есть камней, которые не в силах
Привлечь соломинку, — бездушных и застылых.

И в веществах во всех — а можно ли их счесть? —
Стремленье страстное к сосредоточью есть.

Огонь вскипит в земле, и вот в минуту ту же
Расколет землю он, чтоб взвихриться снаружи.

И если в воздухе и держится вода.
Все ж пасть в стремлении придет ей черед.

Для тяготения в чем сыщется преграда?
А тяготение назвать любовью надо.

О смертный, разум свой к раздумью призови,
И ты постигнешь: мир воздвигнут на любви.

Когда на небесах любви возникла сила,
Она для бытия нам землю сотворила.

Был в жизни дорог мне любви блаженный пыл, —
И сердце продал я, и душу я купил.

С пожарища любви дым бросил я по странам,
И очи разума задернул я туманом.

Я препоясался, пылая, — и постичь
Любовь сумеет мир, услышавший мой клич.

Не для презренных он! Мой стих о них не тужит.
Сладкочитающим, взыскательным он служит.

Вот сказ, но исказит мои стихи писец.
Страшусь: припишет мне свои грехи писец.

В ОПРАВДАНИЕ СОЧИНЕНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Когда, замкнувши дверь, в беседе с небосводом
Я время проводил, по звездным переходам

В раздумье странствуя, ища свои пути
Меж ангельских завес, чтоб скрытое найти,—

Я друга верного имел, и не случайно
Ему была ясна моих мечтаний тайна.

И в благочестье лев, он был — я знал о том —
Для всех врагов мечом, а для меня — щитом.

Лишь знание он чтил, в котором нет мирского.
Лишь знание он взял из всех сует мирского.

Вся серебрилась ночь под неземным кольцом,
И стал серебрян перст, гремя дверным кольцом.

Но светлый гость вошел не с миром, а для спора,
И речь его была исполнена укора:

«Да славись вовек, ты, миродержец слов,
Кому счастливый рок способствовать готов!

Тебе ведь сорок лет, — раздел всей жизни ломкой,
Ты благостный свой лист сей повестью не комкай.

Ты соблюдал посты, ты благочестья свет,
Ты костью падали не разговляйся, нет!

Ведь не влеклось к тебе мирское вожденье,
И ты к мирским делам не мчал свое стремленье.

Когда твое перо, горящее как луч,
От всех сокровищниц тебе врученный ключ.

Зачем на бронзу ты наводишь позолоту?
Искать лишь золото найди в себе охоту!

Зачем карунов клад скрыл в недрах ты?
Зачем Ты не учитель всех создателей поэм?

В дверь господу стучись, всем ведом ты в отчизне,
Поклонников огня зачем зовешь ты к жизни?

Ты дух свой умертвил, хоть был он огневым,
Лишь Зенд-Авесты чтец найдет его живым!»

И я внимал словам и горестным и ярим.
Но не обижен был я другом этим старым.

И я прочел пред ним, не терпящим грехи,
О сладостной Ширин отменные стихи.

Свой златотканый шелк явил я, над которым
Трудился, лишь начав работу над узором.

Когда увидел друг всю живопись Мани, —
Сей огнедышащий забыл свои огни.

Я молвил: «Почему молчишь ты? Или слово
Для изъявления хвалений не готово?»

И вот воскликнул он: «Язык мой только раб
Тебе несущий дань. Все выразить он слаб.

Слово о Сладостной услышал я. Молчанье —
Единственный ответ на слов твоих звучанье.

Свои заклатья бессчетно множишь ты!
Каабу идолам воздвигнуть сможешь ты!

Так много сладости рука твоя простерла,
Что сахаром твоим мое застлалось горло.

И коль от сахара язык я прикусил, —
Да льется сахар твой! Да не утратит сил!

Дойди же до конца, коль выступил в дорогу.
Основа есть, весь дом достроишь понемногу.

Пускай же небеса твои труды хранят
И сладость вечную твои плоды хранят!

Что медлишь тут? Зачем ждать зова или знака?
Есть у тебя казна с чеканкою Ирака.

Ты справишься со львом; от этих стен Гянджи
Ты своего коня поспешно отвяжи.

Стреми коня. Ты свеж, а наше сердце нежим
На утренних путях мы ароматом свежим.

В дни наши, Низами, красноречивых нет,
А коль и есть, таких, как ты, счастливых нет.

Тень счастья, как Хума, брось на свои деянья,
На филинов обрушь всю тяжесть воздаянья.

Пусть жалкие певцы и блещут, как свеча,
Лишь крылышки свои сжигают сгоряча.

Их свет — в дому; уйдут лишь на два перехода,
И не видны, но ты — совсем иного рода!

Ты — солнце. Полный день огнистое кольцо
Пылает над землей; всем ведом ты в лицо.

Когда ты выйдешь в путь, твои заслышав речи,
Глупцы в свои углы пугливо спрячут плечи.

Всех дарований грань не станет ли ясна?
И всадника почтит поэзии страна!»

И молвил я ему, взглянув как можно строже:
«Ты с мясником не схож, и я с бараном — тоже.

Светильник мой горит, не дуй на светоч сей.
От веянья Исы не вздрогнет Моисей.

Я — пламень. Пламени воспламенить не надо.
В самосжигании одна моя отрада!

Я хрупкое стекло; кинь камень — и обид
Услышу много я, меня покроет стыд.

Ты бронзой чтишь меня под легкой позолотой,
Ты в розах падалью зовешь меня с охотой.

Ты мнишь, что снедь моя — мне лакомая смесь
Из самомнения, в котором есть и спесь.

Мой знаешь гороскоп? В нем — лев, но я сын персти,
И если я и лев, я только лев из шерсти.

И мне ли на врага, его губя, идти?
Я лев, который смог лишь на себя идти!

Где жизнерадостность? И снов о ней не стало.
И всей кичливости весенних дней не стало.

Слов юных похвальба, самовлюбленный бред —
Лишь опьянение; его потерян след.

Лет тридцать проживешь иль хоть бы только двадцать,
С былой беспечностью куда тебе деваться?

Еще под сорок лет нам радости даны,
А после — крыльев нет иль крылья не вольны!

А минет пятьдесят — ушло здоровье; очи
Ослабли. И для ног пути уже короче.

И неподвижны все, когда им шестьдесят,

И тело в семьдесят как бы впитало яд.

А в восемьдесят лет иль больше — в девяносто
Как одолеть нам жизнь и жить нам как непросто!

Коль дальше выйдешь в путь, и ты дойдешь до ста, —
Со смертью схожи дни, и жизнь, как смерть, пуста.

Столетье проживешь иль только день единый, —
Все ж разлучишься ты с пожизненной долиной.

Что ж, радостным пребудь на всем своем пути
И этой радостью создателя почти!

Будь, как свеча: она в своем восторге яра
И тает радостно от радостного жара.

Сверканье радости ты помни, как свеча, —
Та, что погашена и уж не горяча.

И так как радости не сыщешь ты без горя,
И так как льется смех, с твоей печалью споря,

Я дам тебе совет — я знаю, ты толков —
Лишь радости зная. Послушай, он таков:

Коль осчастливлен ты благой судьбой, — умело
Ты бедняка, о друг, счастливым также сделай.

Ведь солнце радостно, а радостно оно
Затем, что радовать весь мир ему дано».

НАЧАЛО РАССКАЗА

Так начал свой рассказ неведомый сказитель —
Повествования о канувшем хранитель:

Когда луна Кесры во мрак укрылась, он
В наследье передал Ормузу царский трон.

Мир озарив, Ормуз державно создал право,
И правом созданным прочна была держава.

Обычаи отца на месте он держал.
И веру с милостями вместе он держал.

И, рода своего желая продолженья,
Он посвящал творцу все жертвоприношенья.

Творец, его мольбы отринуть не хотя,
Дал мальчика ему. О дивное дитя!

Он был жемчужиной из царственного моря.
Как Светоч, он светил, светилам божьим вторя.

Был гороскоп хорош и благостен престол:
Соизволеньем звезд свой трон он приобрел

Его отец, что знал судьбы предначертанье,
Ему «Хосров Парвиз» дал светлое прозвание.

Парвизом назван был затем царевич мой,
Что для родных он был красивой бахромой.

Его, как мускус, в шелк кормилица укрыла,
В пушистый хлопок перл бесценный уложила.

И лик его сиял, все горести гоня,
Улыбка сладкая была прекрасней дня.

Уста из сахара так молоко любили!
И сахар с молоком младенцу пищей были.

Как роза, он сиял на пиршествах царя,
В руках пирующих над кубками паря.

Когда же свой покой он люлечный нарушил,
Мир положил его в свою большую душу.

Был в те года храним он сменой удач,
Всему неожиданному был ум его — толмач.

Уже в пять лет все то, что дивно в нашем мире,
Он постигал, и мир пред ним раскрылся шире.

Парвизу стройному лет наступило шесть,
И всех шести сторон мог свойства он учесть.

Его, прекрасного, увидевши однажды,
«Юсуф Египетский!» — шептал в восторге каждый.

И к мальчику отец призвал учителей,
Чтоб жизнь его была полезней и светлей.

Когда немного дней чредой миновало, —
Искусства каждого Хосров познал начало.

И речь подросшего всем стала дорога:
Как море, рассыпать умел он жемчуга.

И всякий краснобай, чья речь ручьем бурлила,
Был должен спорить с ним, держа в руках мерило.

Он волос в зоркости пронизывал насквозь,

Ему сплестать слова тончайше довелось.

Девятилетним он покинул школу; змея
Он побеждал, со львом идти на схватку смея.

Когда ж он кирпичи десятилетия стлал, —
Тридцатилетних ум он по ветру пускал.

Была его рука сильнее лапы львиной,
И столп рассечь мечом умел он в миг единый.

Он узел из волос развязывал стрелой.
Копьем кольцо срывал с кольчуги боевой.

Как лучник, превращал, на бранном целясь поле,
Он барабан Зухре в свой барабан соколий.

Тот, кто бы натянул с десятков луков, — лук
Хосров гнуть не мог всей силой мощных рук.

Взметнув аркан, с толпой он не боялся схваток,
Обхват его стрелы был в девять рукояток.

Он зло пронзал стрелой — будь тут хоть Белый див.
Не диво — див пред ним дрожал, как листья ив.

Коль в скалы он метал копья летучий пламень, —
Мог острие копья он вбить глубоко в камень.

А лет четырнадцать к пределу донеслись —
У птицы знания взметнулись крылья ввысь.

Он всё укрытое хотел окинуть взором,
Добро и зло своим отметить приговором.

Один ученый жил: звался Бузург-Умид.
Сам разум — знали все — на мудрого глядит.

Все небо по частям постичь он был во власти,
И вся земля пред ним свои вскрывала части.

И были тайны тайн даны ему в удел.
Сокровищниц небес ключами он владел.

Хосров его призвал. В саду, к чертогам близким,
Тот речью засверкал, — мечом своим индийским.

Он в море знания жемчужины искал,
Руками их ловил, царевичу вручал.

Он озаренный дух овеял светом новым, —
И было многое усвоено Хосровом.

Кольца Кейвана свет и весь хребет земли —
Весь мир именовать слова его могли.

В недолгий срок во власть морские взял он недра,
Все знал он, что открыл ему учитель щедро.

К Познанию дух пришел из безраздумных дней.
В своем пути достиг он царских ступеней.

Когда же для него — пределов звездных друга —
Открылись все круги крутящегося круга, —

Он понял: долга нет отраднее, чем долг
Служения отцу, и пред отцом он молк.

Отец его любил сильнее всей вселенной —
Да что вселенная! — сильнее души нетленной.

Чтоб длительную жизнь на свете сын узнал,
У длинноруких всех он руки обкарнал.

И, укрощая зло, гласил стране глашатай:
«Беда злокозненным!» — и никнул, виноватый.

Гласил: «Пасти коней в чужих полях нельзя,
К плодам чужих садов заказана стезя.

Смотреть на жен чужих — срамнее нету срама.
Не пребывай в дому турецкого гуляма.

Иль кару понесешь достойную». Не раз
Шах в этом поклялся, — да помнят все наказ!

Он к справедливости не погашал стремленья, —
И в эти дни земля достигла исцеленья.

И выпустило мир из рук ослабших Зло.
Не стало злых людей, спасение пришло.

ВЫЕЗД ХОСРОВА НА ОХОТУ

Был весел день. Хосров в час утренней молитвы
Поехал по местам, пригодным для ловитвы.

Всем любовался он, стрелял зверей, и вот
Селенье вдалеке веселое встает.

И тут над росами зеленого покрова
Раскинут был ковер велением Хосрова.

Пил алое вино на травах он, и, глядь, —

Златая роза вдаль уж стала уплывать.

Вот солнце в крепости лазоревой на стены
Взнесло свой желтый стяг. Но быстры перемены:

Оно — бегущий царь — алоэ разожгло,
Раскрыло мрак шатра, а знамя унесло.

И под гору оно коня, пылая, гнало,
Мечами небосвод, ярясь, полосовало.

Но, ослабев, ушло, ушло с земли больной
И свой простерло щит, как лотос, над водой.

В селении Хосров потребовал приюта,
Для пира все собрать пришла теперь минута.

Он тут среди друзей ночную встретил тень.
Пил яркое вино, ночь обращая в день.

Под органона гул — о, звуков преизбыток! —
Пил аргаванный он пурпуровый напиток.

Во фляге булькал смех. Была она хмельна.
И сыну царскому с ней было не до сна.

С зарей Хосровов конь — безудержный по нраву
Меж чьих-то тучных трав был схвачен за потраву.

А гурский нежный раб, всем улаждавший взгляд,
Через ограду крал незрелый виноград.

И вот лишь солнце вновь над миром засияло
И ночи голову от тела дня отъяло, —

Уж кое-кто из тех, что носят яд в устах,
Умчались во дворец, и там услышал шах,

Что беззаконие свершил Хосров, что, верно,
Ему не страшен шах, что шепот будет скверный.

Промолвил шахиншах: «Не знаю, в чем вина»,
Сказали: «Пусть его — неправедность одна.

И для его коня не создана отрада,
И раб его желал чужого винограда.

И на ночь бедняка лишил он ложа сна,
И арфа звонкая всю ночь была слышна.

Ведь если бы он был не отпрыск шахиншаха, —
Он потерял бы все, наведалься бы страха.

Врач в длань болящего вонзает острие,
А тело острием он тронет ли свое?»

«Меч тотчас принести!» — раздался голос строгий.
И быстрому коню немедля рубят ноги.

А гурского раба владельцу лоз дают, —
Сок розы сладостной в поток соленый льют.

Оставили жилье, где пили в ночь охоты,
Как дар, хосровов трон искуснейшей работы.

Арфисту ногти — прочь, чтоб голос арфы смолк,
А с арфы смолкнувшей сорвать велели шелк.

Взгляни — вот древний суд, для всех неукоснимый,
Суд даже над своей жемчужиной творимый.

Где ж правосудье днесь великое, как рок?
Кто б сыну в наши дни подобный дал урок?

Служил Ормуз огню. Свое забудем чванство!
Ведь нынешних времен постыдно мусульманство.

Да, мусульмане мы, а он язычник был.
Коль то — язычество, в чем мусульманства пыл?

Но слушай, Низами, пусть повесть вновь струится:
Безрадостно поет нравоучений птица.

ХОСРОВ СО СТАРЦАМИ ИДЕТ К СВОЕМУ ОТЦУ

Когда Хосров Парвиз увидел свой позор, —
Он призадумался, его померкнул взор.

Он понял: для себя он в прошлом не был другом.
Он понял: прав отец — воздал он по заслугам.

Все дело рук своих! И вот руками он
Бил голову свою, собою возмущен.

Двум старцам он сказал, не ощущая страха:
«Ведите кипарис к престолу шахиншаха.

Быть может, вашему заступничеству вняв,
Шах снизойдет ко мне, хоть я и был неправ»,

И саван он надел и поднял меч, — и в мире,
Как в Судный день, шел плач, звуча все шире, шире.

С мольбою старцы шли. Смотря смиренно вниз,

Подобно пленнику, за ними шел Парвиз.

Лишь к трону подошли, не умеряя стона,
В прах, грешник горестный, царевич пал у трона.

«Так много горести, о шах, мне не снести!
Великим будь — вину ничтожному прости.

Юсуфа не считай ты оскверненным волком.
Он грешен, но он юн, он свет не понял толком.

Ведь рот мой в молоке, и все мне в мире вновь.
Что ж мощный лев испить мою желает кровь?

Пощады! Я — дитя! Сразит меня кручина,
Не в силах вынести я гнева властелина!

Коль провинился я — вот шея, вот мой меч.
Тебе — разить, а мне — сраженным наземь лечь.

Я всякий гнет снесу на перепутьях жизни, —
Лишь только б царственной не внять мне укоризне».

Так молвил чистый перл и начал вновь стенать.
И голову свою склонил к земле опять.

Покорность мудрая толпу людей сразила,
И вновь раздался плач — его взрастила сила,—

И вопли понеслись, как шум листвы в ветрах,
И жало жалости пачуял шахиншах.

Он видит: сын его, хоть молод он и нежен,
Уж постигает путь, что в мире неизбежен.

Он, для кого судьба не хочет вовсе зла,
Сам хочет одного — чтоб скорбь отца прошла.

Подумай: как с тобой поступит сын, — он то же
Увидит от того, кто всех ему дороже.

Для сына ты не будь истоком зла и мук,
Преемником ему ведь твой же будет внук.

И на сыновний лик склонился взор Ормуза,
Он понял: сын ему — целенье, не обуза.

Он благороден, мудр, и как не разгадать,
Что божия на нем почила благодать.

Целуя сына в лоб, обвив его руками,
Ормуз повелевать велит ему войсками.

Когда, сойдя с крыльца, на двор ступил Хосров,
Мир засиял опять: с него упал покров.

Гадал хосровов лик — он был для взоров пиром, —
Дано ли в будущем сиять ему над миром?

Утешен будешь ты сверкающим престолом.
Он деревом златым возвысится над долом.

Четвертое: за то, что, пылкий, не вспылит.
Хоть шах прогнал певца и струн тебя лишил,—

Барбеда ты найдешь; внимать ему услада, —
Припомнившим о нем сладка и чаша яда.

Утратив камешки — клад золотой найдешь,
Костяшки потеряв — ты перлов рой найдешь.

Страхнул царевич тьму дремотного тумана
И встал, и вновь хвалою прославил он Яздана.

Он целый день молчал, был думой взор одет.
Он будто все внимал тому, что молвил дед.

И, мудрецов созвав, он рассказал им ночью
О том, что видел он как будто бы воочью.

РАССКАЗ ШАПУРА О ШИРИН

И некий жил Шапур, Хосрова лучший друг,
Лахор он знал, Магриб прошел он весь вокруг.

Знай: от картин его Мани была б обида.
Как рисовальщик он мог победить Эвклида.

Он был калама царь, был в ликописи скор,
Без кисти мысль его могла сплестать узор.

Столь тонко создавал он нежные творенья,
Что мог бы на воде рождать изображенья.

Он перед троном пал, — и услышал Хосров,
Как зажурчал ручей отрадных сердцу слов:

«Когда бы слух царя хотел ко мне склониться,
Познания моего явилась бы крупица».

Дал знак ему Парвиз: «О честный человек!
Яви свое тепло, не остужай наш век!»

Разверз уста Шапур. В струенье слов богатом

Он цветом наделил слова и ароматом.

«Пока живет земля — ей быть твоей рабой!
Да будет месяц, год и век блажен тобой!

Да будет молодость красе твоей сожитель!
Твоим желаньям всем да будет исполнитель!

Да будет грустен тот, кто грусть в тебе родил!
Тебя печалающий — чтоб в горести бродил!

По шестисводному шатру моя дорога.
Во всех краях земли чудес я видел много.

Там, за чредою гор, где весь простер красив,
Где радостный Дербент, и море, и залив, —

Есть женщина. На ней блеск царственного сана,
Кипенье войск ее достигло Исфахана.

Вплоть до Армении Аррана мощный край
Ей повинуются. Мой повелитель, знай:

Немало областей шлют ей покорно дани.
На свете, может быть, счастливей нет созданий.

Без счета крепостей есть у нее в горах,
Как велика казна — то ведает аллах.

Четвероногих там исчислить не могли бы.
Ну, сколько в небе птиц? Ну, сколько в море рыбы?

Нет мужа у нее, но есть почет и власть.
И жить ей весело: ей все на свете всласть.

Она — ей от мужчин в отваге нет отличья —
Великой госпожой зовется за величье.

Шемору видел я, прибывши в ту страну.
«Шемора» — так у них звучит «Михин-Бану».

Для месяцев любых, в земли широтах разных,
Пристанищ у нее не счесть многообразных.

В дни розы Госпожа отправится в Мугань,
Чтоб росы попить, весны приемля дань.

В горах Армении она блуждает летом
Меж роз и тучных нив, пленясь их ярким цветом.

А осень желтая надвинется — и вот
На дичь в Абхазии вершит она налет.

Зимой она в Барде. Презревши смены года,
Живет она, забыв, что значит непогода.

Там дышит радостней, где легче дышит грудь,
Отрадный обретя в делах житейских путь.

И вот в ее дворце, в плену его красивом,
Живет племянница. Ее ты счел бы дивом.

Она — что гурия! О нет! Она — луна!
Владычица венца укрытая она!

Лик — месяц молодой, и взор прекрасен черный.
Верь: черноокая — источник животворный.

А косы блещущей, — ведь это негры ввысь
Для сбора фиников по пальме поднялись.

Все финики твердят про сладость уст румяных,
И рты их в сахаре от их мечтаний пьяных.

А жемчуга зубов, горящие лучом!
Жемчужины морей им не равны ни в чем.

Два алых сахарца, два в ясной влаге — лала.
Арканы кос ее чернеют небывало.

Извивы локонов влекут сердца в силки,
Спустив на розы щек побегов завитки.

Дыханьем мускусным она свой взор согрела,—
И сердцевина глаз агатом заблестела.

Сказала: «Будь, мой взор, что черный чародей.
Шепни свой заговор всех дурноглазых злей».

Чтоб чарами в сердца бросать огонь далече,
Сто языков во рту, и каждый сахар мечет.

Улыбка уст ее всечасно солона.
Хоть сладкой соли нет — соль сладкая она.

А носик! Прямотой с ним равен меч единый,
И яблоко рассек он на две половины.

Сто трещин есть в сердцах от сладостной луны,
А на самой луне они ведь не видны.

Всех бабочек влекут свечи ее сверканья,
Но в ней не сыщешь к ним лукавого вниманья.

Ей нежит ветерок и лик и мглу кудрей,
То мил ему бобер, то горностай милей.

Приманкою очей разит она украдкой.
А подбородок, ах, как яблочко, он сладкий!

Ее прекрасный лик запутал строй планет,
Луну он победил и победил рассвет.

А груди — серебро, два маленьких граната,
Дирхемами двух роз украшены богато.

Не вскроет поцелуй ее уста — строга:
Рубины разомкнешь — рассыплешь жемчуга.

Пред шеей девушки лань опускает шею,
Сказав: «Лишь слезы лить у этих ног я смею».

Источник сладостный! Очей газельих вид
Тем, кто сильнее льва, сном заячьим грозит.

Она немало рук шипами наполняла:
Кто розу мнил сорвать, не преуспел нимало.

Хоть зрят ее во сне сто сотен человек, —
Им въявь ее не зреть, как солнца в ночь, вовек.

Она, браня свой взор, ища исток дурманов,
В глазах газелевых находит сто изъянов.

Узрев нарциссы глаз, в восторге стал бы нем
Сраженный садовод, хоть знал бы он Ирем.

Как месяц, бровь ее украсит праздник каждый,
Отдаст ей душу тот, с кем встретится однажды,

Меджнуна бы смутить мечты о ней могли, —
Ведь красота ее страшна красе Лейли.

Пятью каламами рука ее владеет
И подписать приказ: «Казнить влюбленных» — смеет.

Луна себя сочтет лишь родинкой пред ней,
По родинкам ее предскажешь путь ночей.

А ушки нежные! Перл прошептал: «Недужен
Мой блеск! Хвала купцу! Каких набрал жемчужин!»

Слова красавицы — поток отрадных смут,
А губы — сотням губ свой нежный сахар шлют.

Игривостью полны кудрей ее побеги.

И лал и жемчуг рта зовут к истомной неге.

И лал и жемчуг тот, смеясь, она взяла
И от различных бед лекарство создала.

Луной ее лица в смятение ввержен разум.
Кудрями взвихрены душа и сердце разом.

Красой ее души искусство смущено,
А мускус пал к ногам: «Я раб ее давно».

Она прекрасней роз. Ее назвали Сладкой:
Она — Ширин. Взглянув на лик ее украдкой,

Всю сладость я вкусил, вдохнул я всю весну
Наследницей она слывет Михин-Бану.

Рой знатных девушек, явившихся из рая,
Ей служит, угодить желанием сгорая.

Их ровно семьдесят, прекрасных, как луна,
Ей так покорны все, ей каждая верна.

Покой души найдешь, коль их увидишь лики.
От луноликих мир в восторг пришел великий.

У каждой чаша есть, у каждой арфа есть.
Повсюду свет от них, они — о звездах весть.

Порой на круг луны свисает мускус; вина
Там пьют они порой, где в розах вся долина.

На светлых лицах их нет гнета покрывал.
Над ними глаз дурной в бессилье б изнывал.

На свете их красы хмельнее нету зелья.
Им целый свет — ничто, им дайте лишь веселья.

Но вырвут в должный час — они ведь так ловки, —
И когти все у льва, и у слона — клыки.

Вселенной душу жгут они набегом грозным
И копьями очей грозят мерцаньям звездным.

О гуриях твердят, что ими славен рай.
Нет, не в раю они — сей украшают край.

Но все ж Михин-Бану, владея всей страной,
Владеет не одной подобною казною.

Привязан в стойле конь. Дивись его ногам:
Летит — и пыль от ног не ухватить ветрам.

Его стремительность не уловить рассудком.
Он в волны бросится, подобно диким уткам.

Он к солнцу вскинется — так что ему до стен!
Он перепрыгнет вмиг небесных семь арен.

В горах взрыхлят скалу железные копыта,
А в море пена волн с хвостом волнистым слита.

Как мысли — бег его, движенья — бег времен.
Как ночь — всезнающий, как утро — бодрый он.

Зовут его Шебдиз, им целый мир гордится,
О нем грустят, как в ночь грустит ночная птица».

Умолк Шапур, чья речь свершила все сполна:
Покой свалился с ног, а страсть — пробуждена.

«Ширин, — сказали все, — должны почесть мы дивом».
Охотно вторят все устам сладкоречивым:

«Все, что возносит он, возвышенным считай:
Ведь живописью он прельстил бы и Китай».

В мечтах за повестью Хосров несется следом.
Стал сон ему не в сон и отдых стал неведом.

Слов о Ширин он ждет, и в них — она одна,
Уму давали плод лишь эти семена.

Дней несколько о ней он был охвачен думой,
Речами ублажен. Но час настал. Угрюмый,

Он руки заломил. Весь мир пред ним померк,
В тоске он под ноги терпение поверг.

Шапура он зовет, ему внимает снова.
Но после сам к нему он обращает слово:

«Все дело, о Шапур, кипучих полный сил,
Ты прибери к рукам, я — руки опустил.

Ты зданье заложил искусно и красиво.
Все заверши. Всегда твои созданья — диво.

Молчи о сахаре. Твой сказ не зря возник.
Будь там, где насажден сей сахарный тростник.

Иди паломником туда, где этот идол.
Хочу, чтоб хитростью ты идола мне выдал.

Узнай, добра ль, узнай, — мне сердца не томи, —
Общаться может ли со смертными людьми.

И коль она, как воск, приемлет отпечаток, —
Оттисни образ мой. Внимай! Наказ мой краток:

Коль сердце жестко в ней, — лети назад, как шквал,
Чтоб я холодное железо не ковал».

ПОЕЗДКА ШАПУРА В АРМЕНИЮ ЗА ШИРИН

И мастер слов, Шапур, поклон земной отвесил.
«Да будет наш Хосров и радостен и весел!

Чтоб добрый глаз всегда был на его пути,
Чтоб глаз дурной к нему не мог бы подойти!»

Воздал хвалу Шапур — отборных слов хранитель —
И вот дает ответ: «О мира повелитель!

Когда любой узор мой делает калам,
То славою с Мани делюсь я пополам.

Я напишу людей — они задышат. Птица,
Написанная мной, в небесный свод помчится.

Мне с сердца твоего пылинки сдуть позволь,
Когда на сердце — пыль, в глубинах сердца — боль.

Все, что задумал я, всегда я завершаю,
Я все несчастья от власти отрешаю.

Утихни, веселись, не думай ни о чем.
За дело я взялся — забудет оно ключом.

Мой не замедлят путь ни усталъ и ни хворость.
У птиц полет возьму, а у онагров — скорость.

Я не усну, пока твой жар не усыплю,
Приду, когда Ширин прийти я умолю.

Пусть, как огонь, она скует чертог железный
Иль будет, как алмаз, скалистой скрыта бездной.

Я силою ее иль хитростью возьму,
Схвачу алмаз, смету железную тюрьму.

Я стану действовать то розами, то терном.
Все огляжу и все свершу ударом верным.

Коль счастье в Сладостной, — найду добычу я.
Тебе должна служить удачливость моя.

А коль увижу я, что не свершу я дела, —
Вернусь к царю царей и в том признаюсь смело».

Едва сказав сие, сказавший быстро встал
И нужное в пути поспешно он собрал.

Пустыню пересек, скакал в другой пустыне,
Спешил к Армении, к возвышенной долине.

Ведь там красавицы, бродившие толпой,
В нагорьях дни вели, покинув тяжкий зной.

Поднялся ввысь Шапур, там были в травах склоны.
Там базиликам путь открыли анемоны.

Там каждый склон горы цветов окраску взял
И в складках красных был иль желтых покрывал.

К вершинам этих гор подъем свершая трудный,
Луга приподняли ковер свой изумрудный.

До пажитей Бугра с большой горы Джирам
Цветы сплетали вязь, подобясь письмам.

В михрабе каменном — а он — устой Ирака
И мощный пояс он вершины Анхарака, —

Вздымался монастырь, он был — один гранит.
Монахи мудрые устроили в нем скит.

И спешился Шапур у каменного входа:
Знавал обычаи он каждого народа.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ШЕБДИЗА

И вот о чем ему там рассказал монах,
Слов жемчуга сверля в струящихся речах:

«Вблизи монастыря находится пещера.
В ней камень схож с конем; того же он размера.

В дни зрелых фиников спешит из Ремгеле
Сюда кобыла. Ждет — зачнет она во мгле.

Она, свершив свой путь, в полуночную пору
В пещерный лезет вход, как змеи лезут в нору.

И к камню черному в ней страстный жар горит.
Трепещет, бурная, и трется о гранит.

Ей волею творца от камня ждать приплода.

Что дивного? Творцу подчинена природа.

А конь, что здесь зачат, — всего быстрее он,
Свой взмах у ветра взяв, а скорость — у времен».

Так был зачат Шебдиз. Уж камня нету ныне.
Исчез и монастырь, как легкий прах в пустыне.

Вершины Анхарак скатилась голова,
У ног ее легла; тут не видна трава.

В одеждах сумрачных по златоцветным взгорьям
Каменьев черный рой сидит, сраженный горем.

И небо в пьяный жар от стонов их пришло,
Об их кремнистый стан разбив свое стекло.

Был роком черный рой отчаянью завещан.
Не заросли окрест — одни провалы трещин.

У бога множество есть назиданий; тут
Он внятно говорит: «Узрите страшный суд!»

Столетий нескольких, быть может, приговоры
Способны повергать взгордившиеся горы.

Ты ж, глиняный ломоть, замешанный водой,
Все алчешь вечности в кичливости пустой!

О Низами, вернись к забытому рассказу,
Чтоб в будущем о нем не забывать ни разу.

ШАПУР В ПЕРВЫЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Когда ночных кудрей раскинулся поток,
А жаркий светоч дня сгорел, как мотылек,

И черною доской, промолвив: «Нарды бросьте!»,
Закрыли желтые сверкающие кости,

Всплыл яркий Муштари, держа в руках указ:
«Шах — выбрался из пут, Шапуру — добрый час».

И вот в монастыре передохнул немного
Шапур прославленный: трудна была дорога.

И старцам, знающим небес круговорот,
Шапур почтительный вопросы задает.

Не скажут ли они, куда пойдет походом
С зарей красавиц рой, к каким лугам и водам?

Велеречивые сказали старики:
«Для неги дивных жен места недалеко.

Под грузною горой, там, на дремучих скатах,
Есть луг, укрывшийся меж зарослей богатых.

И кипарисов рой сберется на лужок,
Лишь их проснувшийся овеет ветерок».

Шапур, опередить стремясь кумиры эти,
Свой пояс затянул, проснувшись на рассвете.

И ринулся он в лес, что вокруг лужайки рос,
Чтоб с россыпью сойтись багряных этих роз.

Взяв листик худжесте, руки движеньем самым
Скупым хосровов лик он набросал каламом.

Рисунок довершил и в сладостную тень
Его он поместил, вложив в щербатый пень.

И будто бы пери, унесся он отсюда.
И вот пери сошлись, они чудесней чуда.

Со смехом на лужке они уселись в круг,
То вязь плетя из роз, то заплетая бук,

То выжимая сок из розы ручкой гибкой,
Сияя сахарной и розовой улыбкой.

И нежит их сердца сок виноградных лоз,
И розы клонятся к охапкам нежных роз.

И, зная, что лужок чужим запрещен взорам,
В хмельной пустились пляс, живым сплетая узором.

Меж сладкоустых лиц Ширин прельщала взгляд,
Сияя, как луна меж блещущих Плеяд.

Подруг любимых чтя, Ширин запиновала,
Сама пила вино и милым пить давала.

Прекрасная, гордась, что лик ее — луна,
Глядит, — и худжесте увидела она.

Промолвила Ширин: «Рисунок мне подайте,
Кто начертал его? Скажите, не скрывайте».

Рисунок подали. Красавица над ним
Склонилась; время шло... весь мир ей стал незрим.

Она от милых черт отвлечь свой дух не в силах,
Но и не должно ей тех черт касаться милых.

И каждый взгляд пьянит, он — что глоток вина.
За чашей чашу пьет в беспамятстве она.

Рисунок видела — и сердце в ней слабело,
А прятали его — искала оробело.

И стражи поняли, признав свою вину:
Ширин прекрасная окажется в плену.

И в ключья рвут они утонченный рисунок:
Бледнит китайский он законченный рисунок.

И говорят они, поспешно ключья скрыв:
«Поверь, его унес какой-то здешний див.

Тут властвует пери! С лужайки — быстрым бегом,
Вставайте! Новый луг отыщем нашим негам».

Сия кадильница в них бросила огонь,
И окурились все, как бы от злых погонь,

И, дымом от огня затмив звезду несчастий,
Конец погнали в степь, спасаясь от напастей,

ШАПУР ВО ВТОРОЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Лишь только красный конь копытом на горе
Взрыл огненную пыль, пророча о заре,

И в каждой щели он отрыл багрянец клада,
В тот час, когда гора парче пурпурной рада, —

Шапур свой начал день; он снова под горой
Был прежде, чем туда примчался райский рой.

Еще заранее, достав бумагу, снова
Он начертал на ней красивый лик Хосрова.

И, услаждая дух, в тени большой горы
Цепь роз опять сплелась для песен и игры.

Посрамлена луна, лишь спало покрывало —
Египетская ткань, что их полускрывала.

Как будто нехотя вошли в игру. Росло
Веселье медленно, — и в пляске расцвело.

Но только увлеклись они живой игрою, —

Над ними начал рок шутить своей игрою.

Едва Ширин свой взор приподняла опять, —
Дано ей было вновь Хосрова созерцать.

Глядит: ее души затрепетала птица,
Язык утратил речь. Иль этот лик ей снится?

Для опьяненного немного нужно сна.
Дал глине горсть воды — насыщена она.

Зовет она подруг: «Что там? Что значит это?
Игра моей мечты? Игра теней и света?

Картину дайте мне». Рисунок скрыли вмиг.
Но солнца не укрыть! Кто сей забудет лик?

И девы молвили: «Здесь духи смяли травы.
Поверь, им не чужды подобные забавы».

И утварь подняли, стремясь от мнимых гроз,
И луг испуганно очистили от роз.

ШАПУР В ТРЕТИЙ РАЗ ПОКАЗЫВАЕТ ШИРИН ИЗОБРАЖЕНИЕ ХОСРОВА

Вот Анка черная, исполненная гнева,
Зерно лучистое в свое внедрила чрево,

Вот гурии в степи, что Анджарак зовут,
Вновь обрета покой, вино тго чашам льют.

В хмелю, меж трав степных, заснули девы наши,
У ножек — базилик, в руках — пустые чаши.

День поднял голову из тканей мглы. Конец
Луне пришел. Весь мир золотой надел венец.

И венценосные на троне бирюзовом
Вино преподнесли его испить готовым,

И мчатся в монастырь — он звался Перисуз, —
В день путь свой совершив, ни в чем не зная уз.

И там, где небеса как цвет глазури синий,
Бродили, протянув узор волнистых линий,

Как души мудрецов — зеленые ковры,
А воздух — ласковость младенческой поры.

Прохладный ветерок приятней ветров рая,
Лужайка в лютиках от края и до края.

Каменья словно храм; обвили их вьюнка.
Причесывая луг, струятся ветерки.

И говор горлинок и рокот соловьиный
Меж пламенных цветов сплелись в напев единый.

Пернатых волен лёт, не страшно им людей,
Порхают радостно меж трепетных ветвей.

Две пташки здесь и там, прижавшись друг ко другу,
Дают пример цветам, дают отраду лугу.

На луг пришел Шапур, и для улады глаз
Хосрова светлый лик он создал в третий раз.

Узрев безбурный луг под куполом лазури,
Здесь гурия вино решила пить меж гурий.

И вновь увидели красавицы глаза
То, чем смирилась бы души ее гроза.

Она поражена подобной ворожбою,
Уж дев играющих не видит пред собою.

Сосредоточен взор, встает она, идет,
Изображение в объятия берет.

Ведь в нем отражено ее души мечтанье,
И вот оно в руках! И счастье и страданье!

Она в беспамятстве, она стоит едва,
Шепча недолжные — забудем их! — слова.

Да! Коль все меры взять и слить все меры эти,
И дивов, как людей, в свои поймает сети.

Лишь те, чей лик из роз и что подобны дню,
Столепестковую увидели родню,

Как стало ясно им, что облик сей красивый —
Не зло, что не грешны тут сумрачные дивы.

В работу мастера вгляделись, — не скрывать
Хотят ее теперь — смотреть и восхвалять.

Кричат красавицы: «Пусть все придет в движенье, —
Клянемся разузнать, чье здесь изображенье!»

Увидела Ширин, что их правдива речь
И что хотят они печаль ее пресечь.

«Ах, окажите мне, — она взывает, — помощь!
Ведь от друзей друзьям всегда бывает помощь.

Чтоб дело подогнать, порою нужен друг,
Порою нужен он, чтоб дел сомкнулся круг.

Лишь с другом не темна житейская дорога.
Нет ни подобия, ни друга лишь у бога».

Промолвила Ширин с великою тоской:
«Навек утрачены терпенье и покой.

Подруги! Этот лик мы от людей не скроем.
Так выпьем за него! Веселие устроим».

И снова на лугу — веселие одно.
Пир начинается, вино принесено.

И за газелями поются вновь газели,
И голос кравчего приятней пьяных зелий.

Напиток горький пьет сладчайшая Ширин.
О горечь сладкая! Властнее нету вин.

И с каждой чашею в томлении великом
Ширин целует прах, склонясь пред милым ликом.

Когда же страсть и хмель ей крепче сжали грудь, —
Терпенье тронулось нетерпеливо в путь.

Ширин, одну Луну поставя при дороге, —
«Кто ни прошел бы здесь, — приказ дает ей строгий, —

Узнай, что делает он в этой стороне,
Об этом облике что может молвить мне?»

Одних спросили вслух, других спросили тайно.
Что ж? Все таинственно и все необычайно!

И тело Сладостной ослабло в злой тоске,
И все от истины блуждали вдалеке.

И, как змея, Ширин в тоске сгибалась грозной,
Из раковины глаз теряя жемчуг слезный.

ПОЯВЛЕНИЕ ШАПУРА В ОДЕЖДЕ МАГА-ЖРЕЦА

Все души Птица чар измучила вконец.
Но вот является. Ее обличье — жрец.

И лишь прошел Шапур три иль четыре шага,
Почудилось Ширин: встречала где-то мага.

Шапур приятен ей: хоть кисть он позабыл,—
Рисунок черт своих ей в сердце он вложил.

«Позвать его сюда, — слова ее приказа. —
Чтоб здесь он все узнал из нашего рассказа.

Быть может, знает он, кто нарисован тут,
И где его страна, и как его зовут».

И вот прислужницы путь истоптали: слово
Шапуру вымолвят — к Ширин несутся снова.

Шапур, потупя взор, неслышно прошептал:
«Я далеко зашел, но все ж далек привал».

Но уж в своих сетях они видит лапки дичи.
В их беге видит он, что ждать ему добычи.

Он молвил: «Этот перл не надлежит сверлить,
А если и сверлить, то надо спесь забыть.

И вот бегут к Ширин служительницы снова, —
То, что сказал им жрец, сказать ей слово в слово.

Лишь луноликая услышала их — вмиг
В ней закипела кровь: в душе огонь возник.

Сверкая серебром, жреца покорна власти.
До гор вздымая звон ножных своих запястий,

Ширин летит к нему, волнуясь и спеша,
Как тополь, стройная, плавна и хороша.

Хрусталь прекрасных рук опишешь ли каламом!
И схожи локоны с буддийским черным храмом.

А косы, обратя в закрученный аркан,
Как бросила она? Обвила ими стан.

И, видя стан ее, и лик ее и плечи, —
Художник рук своих лишается и речи.

Она — игрушка, да! Но странно... не понять:
Играет тем она, кто ею мнил играть.

Индус! Ты сердце взял рукою ловкой, дерзкий!
Она, как тюрк, за ним! Не быть с обновкой, дерзкий!

О тюркская напасть! Покорствуя красе,
Индусами пред ней склонились тюрки все.

Откинула покров. Жемчугоносным ухом,
Блестя как ракушкой, премудрость ловит слухом.

В ее речах есть соль, в очах лукавство есть
Так с магом говорит, как понуждает честь.

«Хоть на кратчайший срок ты будь к моим услугам,
Хоть на мгновение ты стань мне добрым другом».

Сей голос услышав, как опытный хитрец,
Замедлить свой ответ замыслил мнимый жрец.

Но, ведавший язык нарциссов томных, все же
Свой разум он забыл и речь утратил тоже.

Вознес хвалу он той, что всех пери милей,
И, как велит пери, садится рядом с ней.

«Откуда ты, скажи, и где твоя обитель, —
Она промолвила, — и здешний ли ты житель?»

Тут опытная речь Шапура расцвела:
«Я много знал добра и много ведал зла.

Я — избран; для меня нет тайны ни единой
Ни у подножий гор, ни у одной вершины.

Я запад ведаю и ведаю восток.
Все страны я познал, познать всю землю смог.

Да что земля! О всем, что от Луны до Рыбы,
Мои уста, поверь тебе сказать могли бы».

Увидела Ширин: самоуверен он, —
И задает вопрос: «Кто здесь изображен?»

И отвечает ей художник тонкий, мудрый:
«Да будет глаз дурной далек от пышнокудрой!

Сказ о начертанном завел бы в долгий лес.
Но тайна образа за тьмой моих завес.

Я все события, что в сердце мной хранимы,
Тебе поведаю, но здесь ведь не одни мы».

И вот велит кумир кумирам быть вдали,
Велит, чтоб звездный круг вдали они плели.

И звезды растеклись. Шапур не медлил боле, —
Пустил словесный мяч он на пустое поле:

«Пред этим ликом лик померкнул бы любой.

Здесь областей семи светило пред тобой.

Он мощью — Искендер, своим огнем он — Дарий,
Он — Искендер, и вновь скажу о нем: он — Дарий.

В сознании небес он с блеском солнца слит.
Он — семя, что земле оставил сам Джемшид.

Он — царь царей — Хосров, и вымолвлю я смело:
Того, где он царит, счастливей нет предела».

С душой он говорил, текли его слова,
На душу гурии он простирал права.

Текли его слова. Ширин ему внимала,
И речь отрадная ей сердце обнимала.

В реченье каждое вникала, и опять
Все о Хосрове должен был он повторять,

И слово каждое в душе ее пылало,
Преображенное, как рдяный пламень лала.

Уж тайны не было, с нее совок покров Шапур,
явя Ширин ручей прозрачных слов:

«Напрасно от меня ты тайну укрывала.
Что держишь речь свою за тенью покрывала?

О роза, распустись, чтоб сделались видны
Все лепестки. Слова открыто течь должны.

Когда ты обрести желаешь исцеленье,
От лекаря скрывать недуг свой — преступленье».

В кудрях чуть видимый, потупился кумир.
Милей смущения еще не видел мир.

То за полу беря, то в грудь вонзая жало,
Любовь ее слова на привязи держала.

Но, на него взглянув, она решила вдруг
С сосуда крышку снять: пред ней надежный друг.

Шапура не страшась, к нему подседа ближе.
Со рта сняла печать и жемчуг речи нижет:

«Чтобы господь всегда доволен был тобой,
Ты сжался над моей печальною судьбой.

Мою сжигают кровь черты изображенья,
Целую вновь и вновь черты изображенья.

Рок спутал дни мои, спокойствие круша,
Как кудри, скручена, запутана душа.

Мне помоги в любви, о друг мой, хоть немного.
И от меня, дай срок, придет тебе помога.

Все скрытое в душе я в твой вложила слух.
И ты мне все открой, мой дух не будет глух».

И чародей Шапур уж не считает лживость
Оружьем, что верней и лучше, чем правдивость.

И, как запястья, он припал к ее рукам.
И, как запястья, он упал к ее ногам.

И восклицает он: «О светоча сиянье!
О всех увенчанных надежда и мечтанье!

Мрачнее сумрака тебе хотящий зла!
Как месяц молодой, твоя душа светла!

Покорно чту того, кто служит мне защитой,
Тебе открою все, с твоим желаньем слитый.

Рисунок этот мой, и мною создан он.
На нем Хосров Парвиз был мной изображен.

Обличья уловил я каждую примету,
Но лишь рисунок тут, души в нем все же нету.

Я знаю живопись, ей обучился я,
Но душу принести не смог в твои края.

В подобье влюблена! Оно — лишь тень! Взгляни-ка
На прелесть тонкую его живого лика!

Увидишь целый мир, что создан из лучей,
Свет, озаривший мир, но все еще — ничей.

Могуч и ловок он, искусен в каждом деле.
Во гневе — лютый лев, в любви — нежней газели.

Он роза, что зимы не ведала невзгод.
Он юность, в нем весна сияет круглый год.

Вкруг розовых ланит еще не видно тени,
И с лилией он схож, с нежнейшим из растений.

Дохнет — и сто дверей пред ним раскроет рай.
Луну повергнет ниц ланит расцветший май.

Он сядет на коня — и он Рустема краше,
Он Кей-Кобад, когда в его деснице — чаша.

Когда дары сберег для любящих сердец, —
Каруновых богатств разломится венец.

Реченьем извлечет жемчужины из лала,
Его рука сердца из барсов извлекала.

Когда же тронет он в порыве стремени, —
Ему погоня бурь уж будет не страшна.

Спроси — откуда он? Он от Джемшида родом.
Спроси про сан его — он царь земле и водам.

На небе стяг его, нет, не в земной пыли!
И для его коня узки пути земли.

Однажды он во сне твои увидел очи,
И потерял он сон с блаженной этой ночи.

Не поднимает чаш, ни с кем не пьет вина.
Забыл дневной покой, и нет ночного сна.

Друзей покинул он; лишь ты в померкшем взоре,
Пусть никого не жжет такое злое горе!

Я от него пришел, я лишь его гонец.
Я все тебе открыл — моим словам конец».

Так он жемчужину сверлил многообразно.
Немало ловких слов пред ней рассыпал разных.

И, сладкоречнем смущенная, Ширин
Вкушала речь его, как сладость лучших вин.

Изнемогла она, сто раз была готова
Упасть, — и превозмочь себя умела снова.

Помедлила, потом промолвила:
«Мудрец, Как нашей горести положишь ты конец?

«Ты солнца яркого внимаешь укоризне:
Ты ярче, — рек Шапур, — знай только счастье в жизни!

Ты помыслов своих Бану не дай постичь,
А завтра ты скажи: «Стрелять желаю дичь».

Ты на Шебдиза сядь, и, будто без заботы,
Ты на охоту мчись, а там беги с охоты.

Твой не задержат бег ни воины, ни знать:

Их резвым скакунам Шебдиза не догнать.

Пространство пролетай, как быстрое светило,
И мчаться за тобой дана мне будет сила».

С Хосрова именем он перстень ей дает:
«Возьми и совершай поспешный свой поход.

Коль юного царя увидишь ты дорогой,
Яви свою луну, не будь напрасно строгой.

Златоподкованный под ним гарцует конь,
В рубинах весь наряд, их радостен огонь.

В рубинах плащ его, в венце его — рубины,
И рот — рубин, и все — рубинный блеск единый.

Не встретишь ты царя, — узнай, где Медаин,
Спроси про верный путь меж взгорий и долин.

Когда отыщешь путь в пределы Медаина,
Увидишь: Медаин — сокровищниц долина.

Там замок у царя — пред ним ничто Фархар,
Рабыни в нем полны необычайных чар.

У входа встанет конь, в прах ноги врыв с размаха,
Привратнику яви горящий перстень птаха.

О кипарис! Тот сад принять тебя готов.
Будь радостной, как ветвь под тяжестью плодов.

К Парвиза красоте простри свободно длани
И подведи итог томлений и желаний.

Но я — лишь только тень, венцу я не под стать,
И как же смею я тебя увещевать!»

БЕГСТВО ШИРИН ОТ МИХИН-БАЛУ В МЕДАИН

Умолк Шапур, и вот Луну объяли чары,
А хитрость в гурии раздула пламень ярый.

И он ушел, решив: «Надежда мне дана»,
Луну покинул он; луна была одна.

Бегут прекрасные к своей Ширин и рады
С ней рядом заблистать, как светлые Плеяды.

И месяц приказал блестящим звездам: «Прочь
Отсюда всем бежать, пока не минет ночь,

Подковами коней гороподобных горы
Разрыть, как рудники, побег начавши скорый!»

Целительницы душ, отправив паланкин,
Пустились в путь, блестя над ширями долин.

Беседуя, смеясь, речам не зная края,
Путь провели, — и вот луга родного края.

Всем отдохнуть дает родной приветный кров.
Но сердце Сладостной под тяжестью оков.

Вот полночь. Целый мир наполнен дымом ночи,
И сном наполнены ночного мира очи.

Навесили покров над солнечной главой,
Цветок пылающий укрыли под листвою.

Ширин пришла к Бану: «Я к солнцу, я к величью
Пришла. Позволь с зарей мне выехать за дичью.

Назавтра прикажи — о ты, чье имя чтут! —
Шебдиза бурного освободить от пут.

Помчусь я на коне, стреляя дичь проворно,
А вечером к тебе приду служить покорно».

«О светлая Луна! — в ответ Михин-Бану, —
Что конь! Тебе отдать могла б я всю страну.

Но вороной Шебдиз, запомнить это надо,
Неудержим. Скакать — одна его отрада.

Грохочет скок его, что громыханье бурь.
Он бешеной ветров, всклокочивших лазурь.

Шебдиз! Нет ничего быстрее у природы.
В огонь он обратит своим кипеньем волны.

Ну что ж! Коль на него ты все же хочешь сесть. —
Он — полночь, ты — луна, твоих красот не счесть.

Взнуздай коня уздой в серебряной оправе
И приучи к своей уверенной управе».

Розоволикая, как роза, расцвела.
Склонилась ниц, ушла, — и сладостно спала.

Вот синему лапцу с узором из жемчужин —
Так порешил Китай — замок червонный нужен.

Выходит из ларца мечта китайских нег.

В мечтаньях начертав поспешный свой побег.

Явились ей служить китайские изделия
Иль кипарисов ряд — очей благое зелье.

Увидела Ширин черты любимых лиц
И молвит ласково склоняющимся ниц:

«В степь, ради лучшего, что есть на нашем свете,
Помчимся: сотни птиц хочу поймать я в сети».

Повязки сбросили красавицы с голов,
Чтоб по-мужски внимать звучанью властных слов.

Надев мужской кулах на головы, охотно
Укрыли под плащом тончайшие полотна.

Так должно: девушки, охотясь по степям,
По виду каждая должна быть, как гулям.

И вот пришли к Ширин, одетые пригоже,
Вот на седле Ширин, они на седлах тоже.

Вот выехали в ширь с дворцового двора,
И каждая, как Хызр, нашедший ключ, бодря.

И мчатся по степи своей веселой цепью,
В одной степи летят, летят другою степью.

Рой гурий сладостных, быстрее быстрых бурь,
На луг проник, а луг был яркая глазурь —

Земля зеленая! Тут носятся газели,
Порывы ветерков тут просятся в «газели».

И вскачь пустились вновь прибывшие сюда,
Для скачки отпустив свободно поводя.

Шебдизом правящий был смелостью богатый
И опытный ездок, а конь под ним — крылатый.

Все горячит коня Ширин моя и вдруг
Свернула — и летит от скачущих подруг.

Подруги говорят: «Шебдиз понес». Не знали,
Что в ней самой желанья бунтовали.

Как тени, спутницы летят за нею вслед,
Хоть тень ее поймать, — но даже тени нет.

Подруги рыскали за ней до самой ночи,
И вот надежды нет, и мчатся нету мочи.

Водительница их во мраке, далеко.
Устали их тела, их душам нелегко.

К дворцу Михин-Бану стеклись порой ночью
Созвездья. Их луна — за черной пеленою.

Они, к престолу путь очами подмета,
Сказали о Ширин, волнуясь и грустя,

Сказали, не щадя ее судьбы каприза:
«Она не в силах, видно, удержать Шебдиза».

Встает Михин-Бану, внимает им, клянет
Несущий бедствия судьбы круговорот.

Сошла со ступеней, полна тоски и страха,—
И в прахе голова, склоненная до праха.

И, руки заломив над горестной главой,
Потоки слез лила, страх не скрывая свой.

Все плачет о Ширин, все поминает брата, —
Отца Ширин. Иль вновь к ней близится утрата?

«Не дурноглазым ли, — в сердцах твердит она, —
Я к одиночеству, к тоске присуждена?

О роза милая, ты сорвана! В какие
Ты брошена шипы и бедствия людские?

Иль более твоей не стою я любви?
За кем ты следуешь? Ты мне их назови!

О лань! Тебе свои наскучили газели?
Иль ты в плену у льва? О милая! Ужели?

Луна, зачем же ты ушла от звезд своих?
Не солнце ты, — луна. Ты быть должна меж них!

Моя душа — твой сад, о кипарис мой!
Жаждой Я по тебе томлюсь, грущу о ветке каждой.

Кому твой светит лик, о милая Луна?
Я горем и бедой рассудка лишена!»

Так до зари она стенала, и возрастали
Ее тоска и боль и возгласы печали.

Когда ж из кладезя, где замкнут был Бижен,
Светило дня взошло, свой расторгая плен,—

Войска к Михин-Бану явились и стояли
И приказания безмолвно ожидали.

Когда бы повелеть решила им Бану —
На молниях-конях обшарили б страну.

Но молвила Бану, что покидать не надо —
Подобно ей самой — отряд родного града.

Предвидела, она сию беду во сне:
Умчался сокол прочь, блестя в дневном огне.

Но только сожалеть она об этом стала,—
Уселся сокол вновь ей на руку устало.

Бану сказала им: «Хоть птицами нам стать,
Хоть знать все тайное нам было бы, под стать,

Но ведь не отыскать нам даже водопоя,
Где побыл мой Шебдиз, копытом землю роя,

За птицей быстрою не следует лететь.
Поймать не сможем дичь, увидевшую сеть.

Не плачь, что голубь твой твои покинул руки
Он — твой, он прилетит, не вытерпит разлуки.

Я молнии узрю, терпение храня,
Из-под копыт ее строптивного коня.

Сокровище мое отыщется, и снова
Я буду счастлива. Я к радости готова;

В сокровищницу вновь сокровище верну,
Даров на радости немало разверну.

И вот войска Бану, услышав эти речи,
Ей повинуются. А где Ширин? Далече.

Да, той порой Ширин кипучий нес Шебдиз,
А в мире для Ширин был «только лишь Парвиз.

С планетой схожая, неслась она; привала
Не делала нигде, неслась, не уставала.

Как будто бы гулям, свой повязавши плащ,
Селеньями неслась, и ветер был свистящ.

Грозили ей враги, неслась она в тревоге
По взгорьям, по степям, дорогой, без дороги.

Гороподобный конь был, словно ветер, скор.

Был ветер позади, как ряд мелькнувших гор.

Ведь, верно, знаешь ты старинное преданье,
Как встарь ворожея свершала волхнованье.

Не здесь ли зеркало она и гребешок
На землю бросила, и небо долгий срок

Их не могло найти: одно воздвигло горы,
Другой лесами стал, а ведьма, что просторы

Су мела преградить, вошла в стволы дерев
И в камни этих гор, — в свой колдовской посев.

Но путь все ж поддался наездницы усилью,
И взгорий и лесов она покрылась пылью.

Ее усталый лик стал призрачен и бел,
А нежный нрав ее в скитаньях погрубел.

Четырнадцатый день, сияя светлым ликом,
Луна свершала путь в горении великом.

Она спешит вперед — ей остановки нет, —
Расспрашивая всех, сама ища примет.

И побеждал скакун ветров прыгучих племя,
Сказав земле: «Забудь, что есть на свете время».

Лазурью скрытые, чуть виделись Плеяды.
Шиповник с лотосом сплетаться были рады.

Вот всю ее стеной обводит синева,
Луны над синевой сияет голова.

Сеть, свитую из кос, влачит она в затоне,
Не рыба, а луна попалась ей в ладони.

О мускус черных кос над бледной камфарой!
Мир гаснул пред ее победной камфарой.

Иль час грядущего ее душе был ведом?
Иль знала, кто за ней сюда прибудет следом?

Из вод ключа Ширин, что сладостней всего,
Готовила джуляб для гостя своего.

КУПАНЬЕ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Рассвет. Уже вдали мерцает бледный свет,
А изнуренной мгле уже надежды нет.

Нарциссов тысячи с крутящихся просторов
Скатались. Всплыл рубин меж облачных уборов.

Полна и горечи и страстного огня.
Ширин торопит бег прекрасного коня.

И распростерся луг, мерцающий росой,
И чистый ключ сверкнул эдемскою красой.

Стыдась блестящих вод источника, поник;
Померк живой воды прославленный родник.

Скиталица Ширин! Ее разбито тело.
Пыль с головы до ног прекрасную одела.

Вокруг источника — улады этих мест —
Все кружится она; безлюдие окрест.

И спешила Ширин, и скакуна — на привязь,
И взор ее блеснул, безлюдьем ошастливясь.

Источник радости к источнику идет,
Блестя; он взор небес своим блистаньем жжет.

Вот сахарный Сухейль освобожден от шерсти,
И вскрикнул Тиштрия, увидев прелесть персти.

Лазурная вила вкруг чресел ткань. Кумир
Вошел в ручей, и вот — огнем охвачен мир.

ХОСРОВ ВИДИТ ШИРИН В ИСТОЧНИКЕ

Рассказчик на фарси о канувшем читавший,
Рассказывал; узнал рассказчику внимавший:

Когда Хосров послал Шапура в дальний край,
Сказав: «Ты о мечтах Прекрасной разузнай»,

И день и ночь он был в покорном ожиданье,
Что будет сладкое назначено свиданье.

С зарей и в сумерках — как солнце и луна —
Он службу нес отцу; душа была ясна.

И юный был Хосров, согласно древним сказам,
Отцовского венца излюбленным алмазом.

Но хоть сиял отцу сей сладостный алмаз,
Вмиг изменилось все: дурной вмешался глаз.

Тот враг, что кознями весь край бы заарканил,
Дирхемы с именем Парвиза отчеканил.

Он их пустил гулять во многих областях.
Тревогой был объят персидский старый шах.

Он мыслит: сын игру затеял не без толка.
Захватит юный лев престол седого волка.

И царь задумался: какой же сделать ход?
Вот первый: юношу в ловушку он запрет.

О мерах думал он, он думал неглубоко:
Не ведал он игры играющего рока.

Не ведал, что всегда Хосров отыщет путь,
Что месяц молодой в оковы не замкнует,

Что каждый, истину избрав своим кумиром,
Мир победит, ни в чем не побежденный миром,

О шахских замыслах узнал Бузург-Умид.
Он юношу сыскал, спасая от обид.

«Взгляни, твоя звезда плывет по небу книзу,
Царь в гневе на тебя, — промолвил он Парвизу.

Пока не схвачен ты, покинь родимый край,
От кары удались и голову спасай.

Быть может, пламень сей останется без дыма,
Взойдет твоя звезда, вернешься в край родимый».

Хосров глядит: беда, плетя за нитью нить,
Ему готовит сеть, желая полонить.

К мускуснокудым он, в спокойствии великом,
Пошел. И вымолвил Хосров месяцеликим:

«Из замка скучного я на немного дней
Уеду: пострелять мне хочется зверей.

Желаю, чтобы дни вы весело встречали.
Играйте. Никакой не ведайте печали.

Когда ж прибудет та, чей дивен черный конь,
Осанка — что павлин, улыбка — что огонь, —

О луны! Вы ее приветствуйте, в оконце
Взгляните-ка! Она светлей, чем это солнце.

Ее примите вы и станьте с ней близки,
Чтоб знала радости, не ведала б тоски.

Когда ж взгрустнет она в Дворце моем зеленом,
Прельщенная иным: лугов зеленым лоном,

Вы луг пленительный найдите, и дворец
Постройте на лугу владычице сердец».

Уже душа ему пророчила о многом,
И, говоря, Хосров был вдохновляем богом.

Слова он вымолвил, как ветер, и — смотри! —
Пошел, как Сулейман, со свитою пери.

Он взвил коня, чтоб бил он менее дорогу,
Он проторил себе к Армении дорогу.

Чтоб только не узреть отеческих седин,
Два перехода он, летя, сливал в один.

Но обессилели его гулямов кони
Там, где Луна свой лик видела в затоне.

Гулямам он сказал: «Тут сделаем привал,
Чтоб каждый скакуну тут корма задавал».

Хосров Парвиз один, без этой свиты верной,
Направился к ручью; рысцой он ехал мерной.

И луг он пересек, и вот его глаза
Увидели: блестит затона бирюза.

Орел на привязи — и где восторгу мера? —
Не дивный ли фазан у чистых вод Ковсера?

Конь тихо ел траву у золотых подков,
И тихо, чуть дыша, в тиши сказал Хосров:

«Когда б сей образ лун был мой, — о, что бы стало!
Когда бы сей скакун был мой, — о, что бы стало!»

Не знал он, что Луну вот этот вороной
Примчит к нему, что с ней он слит судьбой одной.

Влюбленных множество приходит к нашей двери,
Но словно слепы мы: глядим, любви не веря.

И счастье хочет к нам в ворота завернуть,
Но не покличь его — оно забудет путь.

Повел царевич взор небрежно по просторам,
И вот Луна в ручье его предстала взорам.

И он увидел сеть, что рок ему постлал:

Чем дольше он взирал, тем больше он пылал.

Луну прекрасную его узрели взгляды.
И место ей не здесь, а в небе, где Плеяды!

Нет, не луна она, а зеркало и ртуть.
Луны Нехшебской — стан. Взглянуть! Еще взглянуть!

Не роза ль из воды возникла, полукроясь,
Лазурной пеленой окутана по пояс.

И миндаля цветком, отрадное суля,
Была вода. Ширин — орешком миндаля.

В воде сверкающей и роза станет краше.
Еще нежней Ширин в прозрачной водной чаше

На розу — на себя — она фиалки кос,
Их расплетая мглу, бросала в брызгах рос.

Но кудри вихрились: «Ты тронуть нас посмей-ка!
Ведь в каждом волоске есть мускусная змейка!»

Как будто их слова над ухом слышал шах.
«Ты — раб, мы — господа, пред нами чувствуй страх!»

Она была что клад, а змеи, тайны клада
Храня, шептали всем: «Касаться их не надо».

Нет в руки их не брал, колдуя, чародей.
Сражали колдунов клубки опасных змей.

Наверно, выпал ключ из пальцев садовода, —
Гранаты двух грудей открыли дверцы входа.

То сердце, что узрит их даже вдалеке, —
Растрескается все — как бы гранат — в тоске.

И Солнце в этот день с дороги повернуло
Затем, что на Луну и на воду взглянуло.

Вот струи на чело льет девушки рука, —
То жемчуг на луну бросают облака.

Как чистый снег вершин, ее сверкает тело.
Страсть шаха снежных вод изведать захотела.

Парвиз, улицезрев сей блещущий хрусталь,
Стал солнцем, стал огнем, пылая неся вдаль.

Из глаз его — из туч — шел дождь. Он плакал, млея:
Ведь поднялась луна из знака Водолея.

Жасминогрудая не видела его
Из змеекудрого покрова своего.

Когда ж прошла луна сквозь мускусные тучи,
Глядит Ширин — пред ней сам царь царей могучий.

Глядит пред ней Хумой оседланный фазан,
И кипарис вознес над топодем свой стан.

Она, стыдясь его, — уж тут ли до отваги! —
Дрожит, как лунный луч дрожит в струистой влаге.

Не знала Сладкая, как стыд свой превозмочь,
И кудри на луну набросила, как ночь;

Скрыв амброю луну — светило синей ночи.
Мглою солнце спрятала, дня затемнила очи.

Свой обнаженный стан покрыла черным вмиг.
Рисунок чернью вмиг на серебре возник.

И сердце юноши, кипением объято,
Бурлило; так бурлит расплавленное злато.

Но, видя, что от льва взалкавшего олень
Пришел в смятение, глазами ищет сень,—

Не пожелал Хосров приманчивой добычи:
Не поражает лев уже сраженной дичи.

В пристойности своей найдя источник сил,
Он пламень пламенных желаний погасил.

Скрыть терпеливо страсть ему хватает мочи,
И от стыдливой честь его отводит очи.

Но бросил сердце он у берега ручья.
Чья ж новая краса взор утолит? Ничья.

Взгляни: две розы тут у двух истоков страсти.
Здесь двое жаждущих у двух глубин во власти.

Хосрову в первый день путь преградил поток,
Луну во глубь любви ручей любви повлек.

Скитальцы у ручьев свои снимают кладь,
Размочат жесткий хлеб и нежатся в прохладе.

Они же у ключей большую взяли кладь,
И ключ все мягкое стал в жесткость обращать.

Но есть ли ключ, скажи, где путник хоть однажды
Не увязал в песке, горя от страстной жажды?

О солнце бытия! Ключ животворных вод!
И ты, рождая страсть, обходишь небосвод.

Когда он от пери отвел глаза, взирая,
Где паланкин для той, что прибыла из рая, —

Пери, схвативши плащ, из синих водных риз
Вспорхнув, бежит к коню, — и мчит ее Шебдиз.

Себе твердит она: «Коль юноша, который
Кружился вокруг меня, в меня вперяя взоры,

Не должен вовсе стать возлюбленным моим, —
Как сердце взял, как завладел он им?

Сказали мне: Хосров весь облечен в рубины,
На всаднике ж рубин не виден ни единый».

Не знала, что порой одет не пышно шах:
Ему грабители в пути внушают страх.

Но сердце молвило, путь преградив с угрозой:
«Стой! Этот сахар ты смешай с душистой розой.

Рисунок зрела ты, а здесь — его душа.
Здесь — явь, там — весть была. Вернись к нему, спеша».

Вновь шепчет ум: «Бежать! Мой дух не будет слабым.
Не должно смертному молиться двум михрабам.

Вино в единый круг нельзя нам дважды пить.
Служа двум господам, нельзя достойным быть.

А если самого я встретила Хосрова, —
Здесь быть мне с ним нельзя. С ним встретимся мы снова.

Пусть под покровами меня увидит шах:
Кто тканью не покрыт, того покроет прах.

Ведь все еще пока укрыто за завесой,
И мне одна пока защита — за завесой».

И взвихрила орла, и вот уж — далека,
И гром копыт смутил и Рыбу и Быка.

И ветер, гонясь за ней, узнал бы поражение.
Она была быстрее, чем времени движенье.

Победа в быстроте. Прекрасная пери

От дива унеслась. Смотри! Скорей смотри!

Мгновенье, — и Хосров взглянул назад, — и что же!
Не встретил никого. Нет, мой рассказ не ложен!

И начал он, дивясь, коня гонять окрест,
Но сердце взявшая ушла из этих мест.

Вот у источника он спешился; пытливый,
Склонясь искал следов жемчужины красивой.

Дивился дух его: как быстрая стрела,
Куда направиться красавица могла?

То зорко он взирал на древние деревья...
Хосров! Иль птицами взята она в кочевья?

То очи омывал он водами ручья, —
В ручье ль его Луна? О, где она, о чья?

Он пальцев мостики обвил своей слезою,
Он мост двух рук своих ломал над головою.

Поток прелестного! Ширин! Ее одну
Он видел. Он упал, как рыба, в глубину.

Он горестно стenal. Поняв его стенанье,
Заплакал небосвод, пославший испытанье.

Шебдиза он искал и светлую Луну.
«Где ворон с соколом?» — будил он тишину.

Носился он кругом, как на охоте сокол.
Где ворон? Вместе с ним ушел в полете сокол.

Злой ворон быстротой какое создал зло!
Весь мир так черен стал, как ворона крыло.

День — ворон сумрачный, не сокол он красивый.
Он что колючий лес, — не мускусные ивы.

Царевич ивой стал. Душа его мрачна.
И слезы падают, как ивы семена.

Где Солнце? Скорбен вид согнувшегося стана.
Стан — ива. Вот и стал он клюшкой для човгана.

Из сердца пылкого пошел палящий стон:
«Да буду, как щепы, я пламенем спален!

Лишь миг я зрел весну! Горька моя утрата!
Не освежил я уст прохладою Евфрата!

Жемчужину найдя, не смог ее схватить!
Что ж! Камень я схвачу, чтоб камнем сердце бить!

Я розу повстречал, да не сорвал с зарею, —
И ветер взял ее, и мгла сказала: «Скрою».

Я снежный зрел нарцисс над гладью синих вод, —
И воды замерли, и стали словно лед.

Бывает золото в воде под льдистой мутью.
Что ж сделалась она вмиг ускользнувшей ртутью!

Хума счастливую мне даровала тень,
И трон мой вознесла в заоблачную сень.

Но, как луна, я тень покрыл своей полою,
И света я лишен, и стал я только мглою.

Мой нат уже в крови. Уж близок я к беде!
Меч палача, он где еще свирепей? Где?

Возникла из ключа сверкающая роза.
Все видел я во сне. Мне этот сон угроза.

Теперь, когда в ключе уж этой розы нет,
Не броситься ль в огонь? К чему мне божий свет!

Кто мне велел, красу и взором ты не трогай.
Блаженство повстречав, ступай другой дорогой?

Какой злокозненный меня попутал див?
Я сам покинул рай, разлуку породив.

Терпеньем обладать — полезен сей обычай.
Лишь мне он вреден стал: расстался я с добычей.

Я молнией души зажечь костер смогу.
На нем напрасное терпенье я сожгу.

Когда б вкусил я вод источника, такое
Из сердца своего не делал бы жаркое.

Из моря скорбных глаз я слезный жемчуг лью.
Готов наполнить им я всю полу свою.

Излечится ли тот, кто болен злым недугом,
Пока не пустит кровь? О рок, ты стань мне другими

Рыдал он у ручья меж зарослями роз,
Ладонями со щек стирая капли слез.

И падал наземь он, рассудку не внимая,
Как розы цепкие, источник обнимая.

Где стройный кипарис? Исчез! Его уж нет!
Стан юноши поник, и роз не розов цвет.

О стройный кипарис! Вот он лежит во прахе.
Трепещет, как от бурь трава трепещет в страхе.

Он шепчет: «Коль она — лишь смертный человек,
То бродит по земле, меж пажитей и рек.

Когда ж она — пери, то к ней трудна дорога, —
Ведь у ключей лесных видений бродит много,

Остерегись, Хосров, уста свои запри.
Не разглашай, что ты влюбляешься в пери.

Что обрету я здесь? Мечтать ли мне о чуде?
Пери бегут людей, всегда им чужды люди.

Ведь сокол с уткою — не пара, и вовек
С пери свою судьбу не свяжет человек.

Да! Сделаться сперва я должен Сулейманом, —
Потом смирять пери, за их гоняться станом!»

Он горестно роптал: «Забудь ее, забудь!»
Он жалобы вздымал, терзающие грудь.

Он сердце бедное от девы светлолицей
Отвел. К армянской он отправился столице.

ПРИЕЗД ШИРИН В ЗАМОК ХОСРОВА В МЕДАИНЕ

Судьба, нам каждый шаг назначивши, порой
Намерена своей потешиться игрой.

Пускай для бедняка придет достатка время, —
Обязан он сперва труда изведать бремя.

«Когда им на пути от терний нет угроз,
Они, — решает рок, — не ценят нежность роз».

Верь: за чредою дней, что шли с клеймом разлуки,
Отрадней взор любви и дружеские руки.

Ширин от ручейка была уж далека, —
Но за царевичем неслась ее тоска.

И вот она, узнав, где пышный сад Парвиза,
Пылая, в Медаин направила Шебдиза.

За суженым спеша, обычай дев презрев,
Уж не была Ширин в кругу обычных дев.

И спешиться Ширин с кольцом Хосрова рада
У медаинского отысканного сада.

Прислужницы, смотря на дивные черты,
От зависти свои перекусали рты.

Но знали чин двора — и под царевым кровом
Различья не было меж гостьей и Хосровом.

Ей молвили они: «Знать, севши на коня,
Для поклонения Хосров искал огня.

И вот достал огонь, блистающий, как зори,
И зависти огонь зажег он в нашем взоре».

И хочет знать рабынь шумливая гурьба,
Как привела сюда красавицу судьба.

«Как имя? Где выросла? Что в думах на примете?
Откуда, пташка, ты? Из чьей вспорхнула сети?»

Ширин уклончива. Не опустив ресниц,
Она им бросила крупницы небылиц.

Она, мол, о себе сказать могла бы много,
Да скоро и Хосров уж будет у порога.

«Пред сном он вас в кружок сберет, и при огне
Он сам потешит вас рассказом обо мне.

А этого коня беречь и холить надо:
Ведь ценный этот конь, ценней любого клада».

Так молвила Ширин веселая, — и вот
Окружена она уж тысячью забот.

Сосуд с водой из роз ей дан для омовенья.
В конюшнях царских конь привязан во мгновенье.

Ей принесли наряд. Он был ей по плечу.
Узором жемчуга украсили парчу.

В саду ее надежд раскрылась роза встречи.
Отрадно спит Ширин, тяжелый путь — далече.

Сахароустую хранившие чертог
Рабынею сочли, — кто б вразумить их мог?

Сахароустая не чванилась. Отныне,
Играя с ними в нард, была она рабыней.

ПОСТРОЙКА ЗАМКА ДЛЯ ШИРИН

И сада нежного хранила колыбель
Ширин, чьих сладких уст касался нежный хмель.

И месяц миновал в спокойствии, и снова
Покой пропал: твердят, что нет вблизи Хосрова.

Что он охотился, а будто бы потом
В Армению бежал, отцовский бросив дом.

Чем горе исцелить? Упало сердце, плача.
Воистину бежит за нею неудача!

Не долго охранял красавицу дворец, —
Уж сердце страстное измучилось вконец.

Все стало ясно ей: тот юноша, который,
Попридержав коня, во взор ей бросил взоры,

Был сам Хосров; свой путь забыв, ее одну
Он видел, он взирал, как солнце на луну.

Она бранит себя, хоть мало в этом проку,
Но вот — отвергла скорбь, но вот — покорна року.

Но вот — терпением как будто бы полна,
Но вот — воскликнула: «Я тягостно больна!

Мне замок надлежит на высоте просторной
Построить, чтоб синел мне кругозор нагорный!

Горянка я. Меж роз я рождена. Тут зной
Их всех желтит. На мне — нет алой ни одной!»

Подруге молвила подруг лукавых стая:
«Напрасно, как свеча, ты изнываешь, тая.

Велел властитель наш создать тебе приют
В горах, где ветерки прохладу подают.

Когда прикажешь ты — приказов исполнитель
Построит на горе отрадную обитель».

Ширин сказала: «Да! Постройте мне скорей
Дворец, как приказал вам это царь царей».

Рабыни — ревности их всех пронзало жало —
Там, где ничья душа словам их не мешала,

Строителю жужжат: «Из Вавилонских гор
Колдунья прибыла, ее всесилен взор.

Велит она земле: «Взлетай, земля!» — поспешно
Поднимутся пески, день станет мглой кромешной.

Прикажет небесам застыть — и вмиг тогда
Застынут небеса до Страшного суда.

Она велела там построить ей жилище,
Где обращает зной и камни в пепелище,

Чтоб не было окрест из смертных никого:
В безлюдии творит колдунья колдовство.

Для вещей ты сверши свой путь необычайный.
Найди тлетворный лог и огненный и тайный.

Там замок сотвори не покладая рук,
А плату с нас бери, какую знаешь, друг».

Потом несут шелка, парчу несут и золото:
Ослиный полный груз — строителя оплата.

Строитель принял клад. Обрадованный, в путь
Он тронулся, в пути не смея отдохнуть.

Ища безлюдных мест, он в горы шел, и горы
На горы вставшие, его встречали взоры.

Есть раскаленный край, на мир глядит он зло.
Дитя в неделю б там состариться могло.

В фарсангах десяти он от Кирманшахана.
Да что Кирманшахан! Он марево тумана.

Строитель приступил к работе: «Не найду
Я края пламенней, — сказал он, — ив аду.

И тот, кого б сюда загнать сумели бури,
Поймет: чертог в аду построен не для гурий».

На вечер мускусом ночная пала мгла.
Не жарко, — и Ширин свой путь начать смогла.

Отроковицы с ней. Но было их немного —
Не знавших, что любви злокозненна дорога.

И в замкнутой тюрьме, в которой жар пылал,
Ширин жила в плену, как сжатый камнем лал.

И, позабыв миры, полна своим недугом,
Своих томлений жар она считала другом.

ПРИЕЗД ХОСРОВА В АРМЕНИЮ К МИХИН-БАНУ

Покинувши ручей, Хосров печален. Он
Струит из глаз ручьи: его покинул сон.

Пленительный ручей! Виденьем стал он дальним.
И делался Парвиз все более печальным.

Но все ж превозмогал себя он до поры:
«Ведь не всплыла еще заря из-за горы.

Ведь если поспешу я в сторону востока, —
Мне солнца встретится сверкающее око».

И роза — наш Хосров — достиг нагорных мест, —
И к стражам аромат разносится окрест.

Вельможи у границ спешат к нему с дарами:
С парчой и золотом. Он тешится пирами.

И не один глядит в глаза ему кумир, —
Из тех, что сердце жгут и услаждают пир.

Ему с кумирами понравилось общенье.
Тут на немного дней возникло промедленье.

Затем — в Мугани он; затем, свой стройный стан
Являя путникам, он прибыл в Бахарзан.

Гласят Михин-Бану: «Царевич недалече!»
И вот уж к царственной она готова встрече.

Навстречу путнику в тугом строю войска,
Блестя доспехами, спешат издалика.

В казну царевичу, по чину древних правил,
Подарки казначей от госпожи направил.

Жемчужин и рабов и шелка — без конца!
Изнемогла рука у каждого писца.

К великой госпоже вошел Парвиз в чертоги.
Обласкан ею был пришедший к ней с дороги.

Вот кресла для него, а рядом — царский трон.
Вокруг стоит народ. Садится только он.

Спросил он: «Как живешь в своем краю цветущем?»
Пусть радости твои умножатся в грядущем!

Немало мой приезд принес тебе хлопот.
Пусть нежданный гость беды не принесет».

Михин-Бану, познав, что речь его — услада,
Решила: услужать ему достойно надо.

Ее румяных уст душистый ветерок
Хвалу тому вознес, пред кем упал у ног.

Кто озарил звездой весь мир ее удела,
Любой чертог дворца своим чертогом сделал.

Неделю целую под свой шатровый кров
Подарки приносил все новые Хосров.

Через неделю, в день, что жаркое светило
Считало лучшим днем из всех, что засветило,

Шах восседал, горя в одежде дорогой.
Он был властителем, счастливый рок — слугой.

Вокруг него цветов сплетаются побеги,
С кудрями схожие, зовя к блаженной неге.

На царственном ковре стоят рабы; ковер.
Как стройноствольный сад, Хосрову нежит взор.

Застольного в речах не забывают чина, —
И все вознесены до званья господина.

Веселье возросло, — и в чем тут был отказ?
Налить себе вина проси хоть сотню раз.

Михин-Бану встает. Поцеловавши землю,
Она сказала: «Шах!» Он отвечает: «Внемлю».

«Мою столицу, гость, собой укрась; Берда
Так весела зимой! Ты соберись туда.

Теплей, чем там зимой, не встретишь ты погоды.
Там травы сочные, там изобильны воды».

Согласье дал Хосров. Сказал он: «Поезжай.
Я следом за тобой направлюсь в дивный край».

Привал свой бросил он, слова запомнив эти, —
И, званный, в «Белый сад» помчался на рассвете.

Прекрасная страна! Сюда был привезен
Венец сверкающий и государев трон.

Зеленые холмы украсились шатрами,
И все нашли приют меж синими горами.

В палате царственной Хосрова ни одну
Услугу не забыть велит Михин-Бану.

У шаха день и ночь веселый блеск во взоре:
Пьет горькое вино он — Сладостной на горе.

ПИРШЕСТВО ХОСРОВА

Хоть есть Новруза ночь, есть ночь еще милей:
Она, сражая грусть, всех праздников светлей.

В шатре Хосрова шум. Под сводом величавым
Здесь собрались друзья с веселым, легким нравом.

И мудрецов они припоминают речь,
И от шутливых слов их также не отвлечь.

Вкруг шахского шатра, что в средоточье стана,
Разостланы кошмы из дальнего Алана.

Для вражеских голов угрозу затая,
Ко входу два меча простерли лезвия.

В шатре курения, все разгоняя злое,
Вздымают балдахин из амбры и алоэ.

Напитки зыблются, пленительно пьяня,
Жаровня царская полным-полна огня.

Армянский уголь здесь, он поднимает пламя,
Подобен негру он, вздымающему знамя.

Чтоб черный цвет затмить — где созданы цвета?
Лишь только от огня зардеет чернота).

Иль выучен огонь чредой времен упорных,
Что похищают цвет волос, как уголь, черных.

Сад пламени, а в нем садовник — уголь; он
В саду фиалки жнет, тюльпанами стеснен.

Так люб зиме огонь, как лету вздох рейхана
Рейханом зимним став, огонь возрастает рьяно

Тут кубки пышные подобны петухам;
Что вовремя зарю провозглашают нам.

Их огненным нутрам завидуя и сладким,
То утки на огне, то следом — куропатки.

Вот снеди жареной воздвигнута гряда.
Вот перепелками наполнены блюда.

Вот к яблокам уста прижали апельсины,
А к чашам золотым — рубиновые вина.

Нарциссы ясных глаз! Фиалки! Словно сад,
Всю эту ширь шатра воспринимает взгляд.

К гранатам нежно льнут те ветерки, в которых
Есть изворотливость, как в пляшущих танцорах.

Все пьют и полнят мир душой своей живой,
Все утро проведя за чашей круговой.

Звук чангов, проносясь во вздохах легкозвонных,
Завесы все сорвал: всех выдал он влюбленных.

О пехлевейский лад! О чанга грустный звон!
И в камне бы огонь зажег столь нежный стон.

Вздохнула кеманча, подобно Моисею,
И вымолвил певец: «Я с ней поспорить смею»

И песню он запел и струнам дал ответ:
Веселью мой привет и радости - привет!

О, как бы сладкий сад, сад жизни, был прекрасен,
Когда б осенний хлад был саду не опасен!

О, как бы весел был чертог, чертог времен,
Когда б на все века он мог быть сохранен!

Но ты не доверяй холодному чертогу:
Чуть место обогрел — тебя зовут в дорогу.

О праха монастырь! О мир — непрочный храм!
Так выпей же вина — предай его ветрам!

Дрошедший смутен день, грядущий день — неведом.
За днем умчавшимся другой умчится следом.

Хоть день сегодняшней как будто бы нам дан, —
Но вечер близится, и этот день — обман.

Так смейтесь же, уста! Так отлетай, кручина!
Пусть в мир и нам в сердца вливают радость вина!

На эту ночь одну промолви сну: «Долой!»
Ведь бесконечно спать придется под землей,

ВОЗВРАЩЕНИЕ ШАПУРА

Хосров уже хмелен. Не медлит кравчий. Звуки
Порхают: чанг поет о встречах, о разлуке.

Рабыня нежная вошла, потупя взгляд,
И вот услышал он (пропавший найден клад!):

«Шапур приема ждет. Впустить его иль надо
Сказать, что поздний час для встречи с ним — преграда?»

Хосров обрадован. Вскочил, затем на трон
Себя принудил сесть, к рассудку возвращен.

Он входа распахнуть велит сейчас же полог.
Дух закипел: ведь был срок ожидания долог.

И жил с душою он, раздвоенной мечом,
И скорбной тьмой одет и радостным лучом.

Мы ждем — и сердце в нас разбито на две части.
Взор не сводить с дорог — великое несчастье.

Невзгода каждая терзает нашу грудь.
Невзгоды худшей нет — безлюдным видеть путь.

Коль в горести, о друг, ты смотришь на дорогу, —
Со счастьем дни твои идти не могут в ногу.

И вот Шапур вошел — Парвиз его позвал —
И поцелуями он прах разрисовал.

И, стан расправивши, стоял он недвижимо
С покорностью, что нам в рабах вседневно зрима.

И, на художника склонив приветный взор,
Хосров сказал: «Друзья, покиньте мой шатер».

Шапура он спросил про горы и про реки,
Про все, на что Шапур в скитаньях поднял веки.

С молитвы начал речь разумный человек:
«Пусть шаха без конца счастливый длится век!

Войскам его всегда лететь победной тучей.
С его чела не пасть венцу благополучия.

Его желаниям — удаче быть вождем,
Пусть дни его твердят: «Мы лишь удачи ждем».

Все бывшее с рабом в пути его упорном
Является ковром — большим, хитроузорным.

Но если говорить получен мной приказ, —
Приказ я выполнил; послушай мой рассказ»,

С начала до конца рассказывал он мерно
О непомерном всем, о всем, что беспримерно,

О том, что скрылся он, как птица, от очей,
Что появился он, как между скал ручей,

Что он у всех ручьев был в предрассветной рани,
Что смастерил луну, уподобясь Муканне,

Что к лику одному — другой припал с алчбой,
Что бурю поднял он умелой ворожкой,

Что сердцу Сладостной, как враг, нанес он рану
И к шахскому ее направил Туркестану.

Когда его рассказ цветка весны достиг,
Невольный вырвался у властелина крик.

«Мне повтори, Шапур, — вскричал он в ярой страсти, —
Как сделалась Луна твоей покорна власти?»

И геометр сказал: «Я был хитер, и рок
Счастливый твой пошел моим уловкам впрок.

Был в лавке лучника твой мастер стрел умелый,
И выбрал нужный лук, давно имея стрелы.

Едва сыскав Ширин, не напрягая сил,
Серебряный кумир уже я уносил.

Уста Ширин ни к чьим устам не приникали.
Лишь в зеркале — в хмелю — свои уста ласкали.

И рук не обвила вокруг человека. Ночь
Своих кудрей не вить лишь было ей невмочь.

Так тонок стан ее, как самый тонкий волос,
Как имя Сладостной, сладки уста и голос.

Хоть весь смутила мир прекрасная Луна,
Пред образом твоим смутилась и она.

Ей сердце нежное направивши в дорогу,
Я на Шебдиза речь направил понемногу.

Летящую Луну конь поднял вороной.
Так все исполнено задуманное мной.

Здесь, утомившийся, остался я на время,
Хоть должен был держать я путницу за стремя.

Теперь, все трудности пути преодолев,
Она в твоём саду, среди приветных дев».

Художника обняв, подарками осыпал
Его Хосров, — и день Шапуру светлый выпал.

На рукаве своём «Сих не забыть заслуг» —
Парвизом вышито. Был им возвышен друг.

Луна в источнике, миг их неожиданной встречи,
Поток её кудрей — все подтверждало речи.

Смог также государь немало слов найти,
Чтоб рассказать о том, что видел он в пути.

Да, пташка милая — им вся ясна картина —
Перепорхнула вмиг в пределы Медаина.

Решили все. «Я вновь, — сказал Шапур, — лечу,
Подобно бабочке, к прекрасному лучу.

Вновь изумруд верну я руднику. Дурмана
Жди сладкого опять от нежного рейхана».

ШАПУР ВТОРОЙ РАЗ ЕДЕТ ЗА ШИРИН

Прекрасен край, где смех свою находит сень,
Прекрасен день, когда он молодости день.

На свете ничего нет благодатней жизни.
Что юности милей? Вино веселья, брызги!

Вселенной властелин, венец державных прав,
Был юн и радостен, имел весёлый нрав.

Глотка вина испить не мог бы он без песни,
За песней чаша дней казалась полновесней.

Не плату он давал своим певцам за труд —
То жемчуг им дарил, то лал, то изумруд.

И вот он пировал, вино его кипело,
Вошла Михин-Бану, с Хосровом рядом села.

Ей оказал Хосров особенный почет.
Приятно речь его любезная течёт.

Снедь подана; Хосров — им прервана беседа, —
«Барсема вача» ждёт от чинного мобеда.

За каждой трапезой, что совершал Хосров,
Обычай сей блюсти он с радостью готов,

«Барсема вача» в том обычное значенье,
Что приступить к еде дается разрешение.

Мобед решает все. Он молвит; снедь одна
Годна к приятию, другая не годна.

Вот госпоже Хосров сказал: «Вина отведай»,
И потчевал ее за тихою беседой.

И с той, которой все для радости дано,
Из чаши царственной царевич пил вино.

Когда ж он захмелел, испив из горькой чаши,
Он речь повёл о той, что всех на свете краше.

И, молвя о Ширин, он слов не оборвал,
Ликующий в душе, он — соболезнавал.

«Твоя племянница выросла такой пригожей,
Такою стройною и с дивной розой схожей,

Но необузданный ее похитил конь!
И скрыт ее очей пленительный огонь?

Сегодня был гонец; с ним все решая вместе,
Мы поняли, что к нам о ней доходят вести.

Коль я останусь тут недели две, — Луна
Отыщется. Поверь, — узнаем, где Она.

За розою гонца отправлю я, продлится
Недолгий срок, сюда влетит она, как птица».

Услышала Бану, что молвил ей Хосров,
И от волнения найти не может слов.

Как прах, на землю пав, склоняется в поклоне,
И вся ее душа в ее протяжном стоне.

«О, где жемчужина? Коль зрю ее во сне,
То не в объятьях зрю, а в моря глубине.

Тем, кто, добыв ее, в мою укроет душу,
Всю душу я отдам. Я клятвы не нарушу».

Перед престолом вновь она подымлет стон:
«О месяц и Зухре! Сей лобызайте трон!

От Рыбы до Луны, везде собирая дани,
Ты на обширный мир свои протянешь длани!

Ведь говорила я, она придет. Не слаб
Мой дух пророческий, а светлый рок — твой раб

Он помощь нам подаст, — и мы найдем дорогу,
Добычу приведем к дворцовому порогу.

Но если хочет шах послать за ней гонца,
То надо привести сюда скорей гонца.

Ему Гульгуна дам, Гульгун мой быстроногий
Родной Шебдиза брат; с ним все легки дороги.

Шебдиза бурный бег и яростен и прям.
Так мчится и Гульгун, когда он не упрям.

Когда Шебдиз у той, с черногазельим взглядом,
Сумеет лишь Гульгун с Шебдизом мчаться рядом.

Когда Шебдиз не с той, что всех светлее лун,
Достоин ей служить лишь огненный Гульгун».

«Гульгун поможет нам. Пусть скакуна такого
К Шапуру отведут!» — решение Хосрова.

Сел на седло Шайур, Хосрову дорогой.
Под ним гарцует, конь на поводу — другой.

Он в Медаин к Ширин свой бег направил скорый,
Но с месяц все ж искал тот месяц ясновзорый.

Стал сад Хосрова пуст, усладу не храня,
К нагорному дворцу Шапур погнал коня.

Стучит. Открыли дверь. Не говоря ни слова,
Страж пропустил его, узрев печать Хосрова.

И радостно идет в покой безвестный он,
В чертог, построенный для светоча времен.

Но лишь взглянул вокруг — где радости избыток?
Он хмурится: дворец? Иль место лютых пыток?

Как! Драгоценный перл с камнями в ладу?
В раю рожденная запрятана в аду?

Стал лик его — рубин. Земли коснулся лаком
Он пред жемчужиной в смущении великом.

Хвалы ее красе он все же смог найти.

Затем спросил ее о трудностях пути.

Сказал, что будет он, как прежде, ей пригоден,
Что от ее колод колодник не свободен.

Что и невзгоды все и трудности прошли,
Что уж отрадный свет вздымается вдали.

«Пусть беспокойство ты перенесла такое,
Невзгоды кончены, ты дождалась покоя.

Но грустен этот край, он горестен, уныл,
Кто разум твой смутил и в сумрак заманил?

Как может светлая быть с этой мглою рядом?
Как может гурия довольствоваться адом?

Да, повод к этому, пожалуй, есть один:
Ведь ты — рубин; в камнях всегда лежит рубин».

В его речах узрев всю живопись Китая,
К своим желаньям ключ внезапно обретая,

Ширин прикрыла лик стыдливою рукой
И, восхвалив гонца, дала ответ такой:

«Когда б решилась я в напрасном упованье
Все беды передать в своем повествованье,

Все то, что на своем я видела пути,
Я не смогла бы слов для этого найти.

Был мне указан край: когда ж достигла сада,
Нашла проклятых в нем; взяла меня досада, —

Ведь без присмотра рой прислужниц посягнул
На чин дворца; в саду раскинулся разгул.

И руки, как Зухре, открыв, они в замену
Стыдливости свою всем объявили цену!

Невесте должно быть невинней голубиц.
Я удаления искала от блудниц.

Я от неистовых, едва их постигая,
Уединенного потребовала края.

Они же в ревности — ведь этот пламень ярТ—
Забросили меня в край беспричинных кар.

О город горести! О, нет мрачнее мира!
От горечи черны здесь камни, словно мирра.

Смолчала я, найдя удел мой полным зла.
Я с ними ладила. Что сделать я могла?»

Шапур сказал: «Вставай! К пути готовься снова.
Все указания имею от Хосррва».

И на спину коня вознес он розу роз,
В сад шахских помыслов Сладчайшую повез.

И, на Гульгуна сев и кинувши ограды,
Ширин была быстрее, чем быстрые Плеяды.

Благой Хумою стал блистательный Гульгун.
И мчалась, как пери, сладчайшая из Лун.

А вдалеке Хосров, меж горького досуга,
Все друга поминал, все ожидал он друга.

Да! Ожидание — тягчайшая беда.
Но кончится оно — все радостно тогда.

О ты, что вдаль взирал, не опуская вежды!
Надеющийся! Глянь — исполнены надежды.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О СМЕРТИ ОТЦА

Чуть опьяненный, шах вздремнул; мечтает он:
Его благой удел свой позабудет сон.

И вот спешит гонец, и вот он в шахском стане,
И развернул Слону рассказ об Индостане.

Фарфор китайский — взор: он влагой полонен.
Как волос негра — стан: весь изогнулся он.

О крючья черных строк О черная кручина!
Бесчинна смерть, — и пуст и Зенга трон и Чина.

Где шах? Лишь ты взирай на все его края.
Ему лишь посох дан, уж нет ему копья!

Владыка мира, верь, уж не увидит мира,
А ты — владействуй, тебе дана порфира.

И приближенные, а было их не счесть,
Друг другу не сказавшему послали весть.

«Остерегайся. В путь собирайся во мгновение.
Мир выскользнет из рук, опасно промедленье.

Хоть в глине голова, — ты там ее не мой.

Хоть слово начал ты, умолкни, как немой».

Когда Хосров узрел, что дней круговоротом
Он трону обречен и горестным заботам, —

Постиг он: с индиго хранит поспешный рок
Бакан, и уксус дней от меда недалек,

И воздух, что родят земли неверной доли, —
То шершня кружит он, то в нем летают пчелы.

Опала, почести, любовь, и злость, и яд
С напитком сладостным — все это дни таят.

Земля! Какой ручей ты не засыплешь прахом?
Твой камень много чаш одним ломает взмахом

Кто скован бытием — идет путями бед.
Покой — в небытии. Пути другого нет.

Брось на ветер скорей свой груз напрасный — душу!
Замкни темницу зла, моря забудь и сушу.

Весь мир — индусский вор: чтоб он не отнял кладь,
Чтоб не скрутил тебя, — с грабителем не ладь.

Знай, в этой лавочке ты не отыщешь нитки
Без колющей иглы, лишь иглы в ней в избытке.

Вот тыквенный кувшин, вода в нем что кристалл,
Что ж от водянки ты, как тыква, желтым стал?

Деревьям лишь тогда в весенней быть одежде,
Когда все почки их разломаются, — не прежде.

Пока не сломит рок согнувшийся хребет,
Он снадобья не даст для исцеленья, нет!

Наденешь саван ты, зачем же — молви толком —
Как шелковичный червь, ты весь облекся щелком?

Зачем роскошество — носил бы полотно.
Тебя в предбаннике разденут все равно.

В простой одежде будь, она пойдет с тобой
Пока ты бродишь здесь дорогою любою.

Ты отряхни подол от множества потреб,
Доволен будь, когда один имеешь хлеб.

Творить неправду, мир, намерен ты доколе?
Тебе — веселым быть, мне — корчиться от боли?

Я в горе — почему ж твой слышится мне смех?
Я свержен — и тебе я не хочу утех.

Ты продаешь ячмень, а нам кричишь: пшеница!
Ячмень в твоём пшене сгнивающий таится.

Я — лишь зерно пшена, и желт я, как ячмень.
Пшеницы мне не дав, молоть меня не лень?

Довольно предлагать да прибирать пшеницу,
А мне — быть жерновом, перетирать пшеницу!

Уж лучше в омуте, где ночь, лишь ночь одна,
Ловить ячменный хлеб я буду, как луна.

О Низами! Из дней уйди ты безотрадных,
Весь этот грустный мир оставь для травоядных.

Питайся зернами да езди на осле.
Ты жди Исы, томясь в земном, житейском зле.

Ты — ослик. Вот и кладь! Одну ты знай заботу.
Ведь ослики — не снесь. Их ценят за работу.

ХОСРОВ ВОСХОДИТ НА ТРОН ВМЕСТО ОТЦА

Когда промчалась весть, что царствования груз
Велением творца сложил с себя Ормуз,

Шах, в юном счастье не ведавший урона,
В столице поднялся на возвышенье трона.

Хоть в мыслях лишь к Ширин влекла его стезя,
Все ж царство упустить наследнику нельзя.

То государства он залечивал недуги,
То взоры обращал он в сторону подруги.

И за строительство его уж люди чтут,
Уж много областей он охранил от смут.

В несчастья вверженных залечивалась рана:
Шах справедливостью затмил Ануширвана.

Но вот закончились насущные дела.
Опять к любви, к вину душа его влекла.

Мгновенья не был он без чаши, без охоты.
Когда ж он о Ширин вновь полон стал заботы,

Спросил придворных он, что слышали о ней.

Ему ответили: «Уже немало дней,

Как из дворца, что там, где сумрачно и хмуро,
Она умчалась прочь. С ней видели Шапура».

Круговращеньем бед внезапно поражен,
Шах небо укорял. Но что мог сделать он?

Воспоминания он предавался негам,
И черный конь прельщал его горячим бегом.

Как ночь, его Шебдиз, ну, а Луны — все нет!
Он камнем тешился, но помнил самоцвет.

ШАПУР ПРИВОЗИТ ШИРИН К МИХИН-БАНУ

Ширин в ее края примчал художник снова, —
Но встреча не сбылась: там не было Хосрова.

С Гульгуна сняв Ширин, в цветник Михин-Бану
Ее он снова ввел, как светлую весну.

И снова гурия меж роз родного края
Дарила свет очам, огнем очей играя.

И приближенные, и слуги, и родня,
Которые давно такого ждали дня,

Увидевши Ширин, ей поклонились в ноги
И, прахом ставши, прах лобзали на дороге.

И благодарственным молениям и дарам
Предела не было, и был украшен храм.

А что с Михин-Бану? Да словно от дурмана,
Ей тесно сделалось в пределах шадурвана.

Как сердцу старому, что стало юным вновь,
Что мнило умереть, а в нем разыграла кровь.

Беглянки голову Бану к себе прижала, —
И пробудился мир и начал жить сначала.

Как ласкова Бану! Какой в ней пламень жил!
Ну что бы сотней строк все это изложил?!

Введя Ширин в простор дворцового предела,
Ей предложила все: «Что хочешь, то и делай!»

Покровами стыда ей не затмив чела,
Ей омрачить чела печалью не могла.

Ведь понимала все: ее побег — сноровка
Неопытной любви, влюбленности уловка.

И в шахе виделись ей признаки любви.
Ей шепот лун открыл огонь в его крови.

Вино бродящее укрыть она старалась,
Свет глиною укрыть — хоть солнце разгоралось.

Бану твердит Луне: «Покорной надо стать,
Домашний, тихий мир, как снадобье, принять».

И с ней она нежна и создала — в надежде
Все прошлое вернуть — все то, что было прежде.

И снова куколок прекрасных, как весна.
Дано ей семьдесят, — чтоб тешилась она.

Круговорот небес, что кукольник, баюкал
И пробуждал к игре сереброгрудых кукол.

Ширин, увидев их, — как прежнюю порой,
Луною рассекла веселый звездный рой.

Ширин опять в дому. Как праздник новоселья—
Опять открыт базар досуга и веселья.

БЕГСТВО ХОСРОВА ОТ БЕХРАМА ЧУБИНЕ

Победы ключ сверкнул. Он грозен стал: могуч
Рассудок — золотой преодолений ключ.

Рассудок победит могучих с их мечами.
Венец, прельщая всех, царит над силачами.

Лишь разуму дано тьму воинов смести,
Мечом ты их сметишь не больше десяти.

На трон взошел Парвиз. Все помыслы Бехрама
К Парвизову венцу влекли его упрямо.

И он схватил венец, когда к нему простер
Он руку ловкую. Был ум его остер.

И клевету творить Бехраму — не в обузу.
Он всем шептал: «Хосров пронзил глаза Ормузу»,

Хоть знал он, что когда Юсуф умчится вдаль,
Якубу — света нет: все затемнит печаль.

Он тайно разослал посланья людям разным,
Благое исказив рисунком безобразным.

«Ребенку ли владеть вселенной суждено?
Отцеубийце быть владыкой не данои.

Ста братьев кровь прольет он за глоток напитка,
Напитка, что в домах имеем до избытки.

Арфисту царство даст: над арфами дрожит,
Что царство! Песнею он больше дорожит.

Горячий — он путей к делам не примечает,
Незрелый — он добра от зла не отличает.

Клеймо любовных игр горит на нем. И страсть
К неведомой Ширин над ним простерла власть.

Зол, обезглавливать за малое готовый.
Утратив голову, не обретают новой.

Оковы бы сковать, чтоб им греметь на нем!
Исправить бы его железом и огнем!

Пусть покорится нам! Не покорится — верьте,
Отцеубийцу нам предать разумней смерти.

Ему закройте путь, нежданный меч воздев,
И знайте — я иду, могущественный лев».

Вот так-то этот лев, взыскующий признанья,
Свел шахских подданных с дороги послушанья.

И видит шахиншах — счастливый рок смущен.
И подданных своих в смятенье видит он.

И силу счастья он крепил казной златою,
И слепоту врага он множил слепотою.

И так тянулись дни. Но враг привел войска, —
И тотчас поднялась восстания рука.

Опоры не было — был сломлен трон Парвиза, —
И с трона пересел он на спину Шебдязя.

От вихрей, взвившихся из-за камней венца,
Он голову унес: она ценней венца.

Уж венценосца нет. Владычества порфира
И мира — брошена возжаждавшему мира.

Когда по воле звезд узрел смятенный шах
Меча Бехрамова над головою взмах, —

В сей шахматной игре, что бедами богата,
Без «шаха» для него уж не было квадрата.

С уловов сотнею, свой потерявши сан,
По бездорожию проникнул он в Арран.

Оттуда он в Мугань направился: в Мугани
Жила Ширин; в сей храм свои понес он дани.

ВСТРЕЧА ХОСРОВА И ШИРИН НА ОХОТЕ

Сказитель говорил: мое познание пей.
Когда Хосров Парвиз, домчавшись до степей,

Стрелял и стрелы в дичь без счета попадали, —
Вдали взметнулась пыль: неслась Ширин из дали.

В кругу своих подруг с дворцового двора
Ширин охотиться отправилась с утра.

И два охотника, одним замкнуты кругом,
Коней пустили вскачь, охотясь друг за другом.

И стройных два стрелка, дворцов покинув сень,
Друг в друга целились, как целятся в мишень.

Два друга — им любовь, как хмель, затмила око —
Пылая, всех друзей оставили далеко.

Хосров — ему венец рука судьбы дала;
Ширин — та сто венцов с Хосрова сорвала.

Здесь — гиацинты кос над нежной розой гнутся,
А там — по розам щек их лепесточки вьются.

Здесь — амброю кудрей прикрыты уши там —
Арканы мускуса сползают по плечам.

Здесь — облачко пушка вокруг Луны играет,
Там — подбородка грань Луну оберегает.

Глазами так они друг другу жгут глаза,
Что на зрачках у них уж светится слеза.

Вблизи Ширин — Парвиз; их бег согласный страстен.
Гульгуна обогнать Шебдиз уже не властен.

Ну как заговорить? Она Ширин — иль нет?
Парвиз ли перед ней? Достаточно ль примет?

И вот назвали их. И вот, узнав друг друга,
Без чувств, упав с коней, они лежат средь луга.

Беспамятство прошло, и, головы подняв,
Они свой жемчуг слез рассыпали меж трав.

И, встав, беседуют, по правилам дворцовым
Друг другу поклялись. Но много ль молвишь словом?

О благе и о зле сказали все, — и вот
Примолкли: «Ждать и ждать!» — лишь это разум жжег.

И, чтоб связать с землей ширь голубого крова,
Как птицы на древа, на седла сели снова.

Тут каждый, кто скакал, поводья натянул,
Коней под лунами глухой умолкнул гул.

И видят спутницы: Луна и Солнце рядом
И, встретясь в синеве, друг друга манят взглядом.

В их души обронен огонь любовных снов.
Как бы вдавились в топь копыта скакунов.

И подъезжавших всех дивило это диво:
Они — равны красой, все в них равно красиво.

Шептали муравьи, что в тесный круг сползлись:
«Взгляни, сам Соломон и савская Билькис».

Все новые войска спешили, подъезжали,
Хосрова и Ширин рядами окружали.

Когда сомкнулся строй на склонах ближних гор,
Стон сдавленной земли был для Быка — укор.

И говорит Ширин: «Твой свет на всех высотах!
Как тысячи рабов, и я в твоих тенетах.

Твой царственный престол земле дарует честь.
О благе твой венец в лазурь направил весть.

Хотя семь областей, во всем их протяженье,
В твоём, о царь земли, находятся владенье, —

Недалеко от нас — подарок пышный твой —
В узорах висится шатер наш кочевой.

Коль снизойдет к нам шах и примет просьбу нашу, —
Чтоб услужить ему, я стан свой препояшу.

Коль слон пожалует на муравья ковер, —
В восторг придет мураш, его заблещет взор».

Промолвил государь: «Коль ты принять готова,
Войду, возликовав, под сень благого крова».

Склонилась ниц Ширин, чтоб юношу почтить,
И славословий вновь ему сплетает нить.

На сменных скакунах она к Бану послала
"Служителя, — и та не медлила нимало:

Известье получив, хозяйственных хлопот
Не устрашается: Хосрова в гости ждет.

И Солнце и Луну осыпали дарами.
Навстречу выехав, под синими горами.

Юнца в какой дворец направила судьба!
Что было схоже с ним? Лишь райская туба.

Дворец приподнят был под купол небосвода,
Как два майдана, ширь от входа и до входа.

Прощения прося за скромный дар, послы
Роскошеством даров заполнили столы.

И здесь Парвиз такой осыпан был казною,
Что повестью о ней не скажешь ни одною.

А «дело о Ширин»? Звучит лишь крик: «Ширин!» —
В душе царя. Пред ним чей сладкий лик? — Ширин.

НАСТАВЛЕНИЕ МИХИН-БАНУ ШИРИН

Когда свое зерно крестьянин бросит чистым, —
Родится чистым то, что было в прахе мгlistом.

Коль чистый человек имеет чистый род,—
Бредя в земной грязи, подол он подберет.

И чистая Бану была в невольном страхе,
Узнав и о Ширин и о влюбленном шахе.

Раздумия с них никак ей не избыть.
Ну как ей с хворостом огонь соединить?

И говорит она: «Ширин, моя ты сладость
Не только для меня, ты всем прекрасным радость.

Твой черный томный взор — сто царских областей
От Рыбы до Луны длина косы твоей.

Две тени у тебя, и тень вторая — счастье.
Благополучие, Ширин, твое запястье.

Ты освещаешь мир сияньем красоты,
А красота твоя — в чертоге чистоты.

Ведь ты — сокровище; так будь запечатлена.
Ведь благо есть в миру, и есть в нем то, что тленно.

Лукаво и хитро умеет мир играть:
И красть жемчужины и яхонт растирать.

Мне сердце весть дало, и мне, о роза, мнится,
Что хочет царь царей с тобой соединиться.

Коль сердце отдал он, то счастья ты не кличь
Иного: дивную ты заманила дичь.

Но, увидев его от нетерпенья пьяным
Не покоряйся ты, Ширин, его обманам.

Он так остер; тебе — слова любви новы.
Страшусь: бесплатно он отведаст халвы.

Он посрамленною тебя оставит; страстный,
К другой он бросится, охвачен страстью властной,

Я не хочу, Ширин, — мою запомни речь, —
Чтоб ты скорей, чем хлеб, к нему попала в печь.

Ведь десять тысяч роз есть у него красивых.
Об этом говорят слова людей нелживых.

Коль мчится сердцем он к великолепию роз,
Привяжется ль к одной, обвитый цепью роз?

Но коль не сможет он тайком схватить алмаза,
Не отвратит лица, чтоб не купить алмаза.

Узнав, как ты чиста, как ты ясна на взгляд —
Ко мне он явится. Так правила велят.

Озарена небес ты будешь чистым лоном,
И наградит земля тебя царевым троном.

Коль чистоту души мечты твои таят, —
Противоядием преодолеешь яд.

Но если б овладеть тобою смог влюбленный,
Тебя он, верно б, счел беспечной, опьяненной.

Смотри, чтоб над тобой позор твой не навис.
Стыдом в умах людей была покрыта Вис.

Он — месяц, ты — луна, и род наш так же славен.
Да, мы — Афрасиаб, коль он Джемшиду равен.

Поверь, не мужество мужчинам вслед бежать,
Такая смелость, верь, невестам не под стать.

Сорвали много роз, чуть приодетых в росы,
Вдохнули аромат — и бросили в отбросы.

Немало было вин, что привлекали взор,
Но чуть вкусили их — и вылили во двор.

Ты ведаешь сама: под праведности знаком
Нет лучше нежных игр, чем озаренных браком».

И сладость пьет Ширин, к Бану склонив лицо,
Чтоб вдеть совет в ушко, как рабское кольцо.

Ведь сердцем отвечать на сладостное слово,
Столь близкое душе, давно она готова.

И клятву крепкую дает Ширин. Зарок
Она дает Бану: «Твой выполняю урок.

Хоть пью любовь к нему я огненною чарой,
Клянусь, что будем с ним мы лишь законной парой».

Так молвила Ширин и клятвою такой Уверенность
Бану вернула и покой.

Та разрешила ей в дому и на майдане
Быть с гостем, чтоб иных не жаждал он свиданий.

Чтоб он в безлюдии не требовал утех
И все, что говорит, чтоб говорил при всех.

ОПИСАНИЕ ВЕСНЫ И ВЕСЕЛЬЯ ХОСРОВА И ШИРИН

Уж старец-небосвод, одетый в бирюзу,
Дал молодость цветам и оживил лозу, —

И нежных роз цветник для юных и для старых
Вновь блещет в розовых и золотых пожарах.

Пусть роза царствует! Фиалки, как павлин,
Свой расстилают хвост по зелени долин.

О, сколько птиц! О звон — к любви взывать готовый!
В былых влюбленностях жар пробудился новый.

Веселым стал Хосров: Ширин с ним хороша.

И вспомнил мир весну, веселием дыша, —

Влюбленный, радостный, отринув проволочку,
Играя, разорвал он розы оболочку.

А та — взнесла свой стяг, — ведь так отрадно ей:
Прогнали воронов отряды голубей.

Жасмин за кравчего. Призыв нарцисса: «К чаше!»
Фиалка с розою в хмелю нежней и краше.

Снял с женственных цветов покровы ветерок
И оживлял и звал всех тех, кто изнемог.

А ветер зашумел, затем — единым духом
Согнул «зрачок быка», выиграл «слоновым ухом».

Земля — ковер; взгляни — весь в анемонах он.
«Мышиных ушек» он узором озарен.

Вот кипарисы ввысь свои вздымают станы,
Свои рубахи рвут от страстности тюльпаны.

Фиалок завиток сцепился с завитком,
А слух шиповника зашептан ветерком.

Рейханы прячут лик, страшась отдаться взорам,
Древа плодовые — под свадебным убором.

А воздух, росами осыпав каждый луг,
Дал изумруду перл движеньем легких рук.

Земля родящая свое забыла бремя:
Уж родилось цветов ликующее племя.

Пьяны веселием газели: сосунки
Снуют близ матерей, игривы и легки.

Фазаны на рейхан роскошным опереньем
Склоняются; рейхан украшен их гореньем.

И ветка каждая — весны цветущий дар.
И роза каждая взяла в ладонь нисар.

Вот песни соловьев, вот песни куропаток —
В них нетерпение, в них страсти отпечаток.

В те дни, когда кругом любовью все полно,
Грех не любить. Весной — влюбляться суждено.

Хосров с Прекрасною бродили днем и ночью,
Склоняя взор к цветам и к травкам узорчюю.

То пили на лугу сок благодатный роз,
То на горах они собирали пламень роз.

Они с вином в руках, меж роз, по изумруду,
Хмельные в этот день подъехали к Шахруду.

И спешились они; и плещется Шахруд.
Сидят: поет певец, звенит и плачет руд.

С сахароустою легко достигнешь чуда:
Как сахарный тростник, простой тростник Шахруда.

Красу окрестностям ее дарует стан,
Как жемчуг ракушке порой дает нейсан.

Глянть, мускус этих кос дороже амбр; пропала
Вся спесь у сахара пред медом рдяным лала.

Ее улыбок мед весь сахар приманил,—
И в Хузистане плач варений слышен был.

Кусту прекрасных роз промолвил стан:
«Достоин Ты охранять меня, ты мой надежный воин».

Жасмин, что краше роз казаться мог легко,
Страдал: был по уши влюблен в ее ушко.

А роза, разглядев ее глаза, во власти
Свирепой ревности рвала себя на части.

ХОСРОВ УБИВАЕТ ЛЬВА ВО ВРЕМЯ ПИРА

С Ширин гуляет шах меж радостных долин.
Прекрасно все окрест, прекрасно, как Ширин.

Когда желанная — вершина мирозданья,
То место каждое есть место любованья.

И отдыха ища, глядят: невдалеке
Лишь лилии цветут на сладостном лужке.

И, колышками прах в таком раю ударив,
С поспешностью шатер воздвигли государев.

Гулямы, девушки вокруг шатра видны —
Иль вереница звезд блестит вокруг луны?

Сидят Хосров с Ширин и песен внемлют звуку,
Они ведь за ноги повесили разлуку.

Вот кравчий накренил рубиновый сосуд,

И струны говорят: дни радости несут.

Влюбленность и вино! В них — неги преизбыток.
Пьянит царя царей сей смешанный напиток.

И вот внезапно лев скакнул из-за куста,
И в воздух взвил он пыль ударами хвоста.

Как пьяный, бросился к стоянке он с размаха,
И наземь воины попадали со страха.

И, подскочив к шатру и яростью горя,
Сын логовищ лесных взметнулся на царя.

В рубахе, без меча, в свою удачу веря,
Нетрезвый шахиншах опережает зверя.

До уха натянул он лука тетиву —
И грузно рухнул лев: пронзил он сердце льву.

Льва обезглавили. И вскоре светло-бурой,
Умело содранной все любовались шкурой.

И повелось в стране с Хосрововых времен:
Хоть пиршествует царь — меч сохраняет он.

Хоть мощен был Парвиз, как лев пустыни дикой,
Но был владыкой он — медлительны владыки.

В хмелю он победил своим умением льва.
Не хмелем славен стал, а одоленьем льва.

И эту крепкую, приученную к луку,
Спасенная Луна поцеловала руку.

Как розовой воды коснулся сладкий рот.
И рот в ладонь царя горсть сахара кладет.

С прекрасных уст печать уста царя сломали,
Чтоб не ладони сласть, а губы принимали.

Поцеловав уста, он вымолвил: «Вот мед!
Вот поцелуев край, куда наш путь ведет».

Тот поцелуй гонцом был первым, чтоб второго,
Такого же, ей ждать от жадного Хосрова,

Но хоть и множество мы выпьем ночью чаш,
Все ж чаша первая милей всех прочих чаш.

О хмель, что нам испить дают впервые чаши!
Что нам привычных вин неогневые чаши!

При первой чаше мы восторг найдем в вине,
Испив последнюю, печаль найдем на дне.

И роза первая среди весенних станов
Благоуханнее десятка гюлистанов.

В жемчужнице зерну отрадно первым быть.
Что зерен перед ним последующих нить!

И мало ли плодов мы сладостных встречали,
И что же! Каждый плод нам сладостней вначале.

И вот напиток нег обжег влюбленным рот, —
И отвели они поводья всех забот.

Спеша к безлюдному чертогу или лугу,
Как молоко к вину, тянулись друг ко другу.

Так руку за добром протягивает вор,
Увидевши, что страж смежил беспечный взор.

И за врагом они одним следили глазом,
Другим они к цветам тянулись и к алмазам.

Лишь на мгновенье враг позабывал свой страх.
Они лобзание хватали второпях.

Когда в руках Ширин вина не примечалось, —
То птица райская к ее устам не мчалась.

Когда ж она была беспечной от вина,
То и на ней была любовная вина.

Так мощно он сжимал ее в объятье рьяном.
Что горностаи ее в шелку скрывался рдяном.

Так рот его впивал атлас ее щеки,
Что меж румяных роз возникли васильки.

Тогда, из-за стыда пред синими следами,
И по небу Луна шла синими садами.

Держа в час трезвости и в ночи пьяных гроз
Белила в скляночке, подобно розе роз.

ХОСРОВ И ШИРИН ОСТАЮТСЯ ОДНИ

Весной, в такую ночь, каких у нас немного.
Блеснул блаженства лик, судьбы пришла подмога,

В день обратила ночь высокая луна:

Ведь чашу подняла огромную она.

И в лунном пламени — о света переливы! —
Вновь полилось вино под зыбкой сенью ивы.

И пересвисты птиц и крики: «Нушануш!»
И где разлуки грусть? Она ушла из душ.

Луна ручью в стихах передавала тайны.
Их ветер толковал — толмач необычайный.

Сад кипарисов-слуг сновал на берегах.
Весенняя пора кипела в их сердцах.

Один не кубок взял, а бубен. У другого
Сосуд с водой из роз. И вина льются снова,

И чаша не один свершила круг, — и сна
Сердца возжаждали от сладкого вина.

И, разрешение спросивши у Хосрова,
Все с пиршества ушли, с веселого, с царева.

И виночерпиям уж не хватало сил.
И дремный дух певцов покоя запросил.

Без соглядатаев укромный пир! Подобен
Он розе без шипов: он сладок и незлобен.

С пути терпения шах удалился; он
Уж загоняет дичь в желания загон.

Он кудри Сладостной своими сжал перстами,
Забывши о перстах, простершихся над нами.

Ее целует он: «Я — в рабстве, ты — мой рок.
Я — птица. Дай зерна. Попал я в твой силок.

Ты прошлому скажи: быть не хочу с тобою.
Упьемся новым днем и новою судьбою.

Здесь только ты да я! Ну, оглянись, взгляни!
Чего страшиться нам? Ты видишь — мы одни.

Горит моя душа! Я жажду благостыни!
Ведь ты — моя судьба; будь ею ты и ныне!

Любовь — плодовый сад, родиться должен плод.
Во мне надежда есть, а в чем ее оплот?

Пускай воздвигнут мост из камня голубого, —
Коль мост непроходим, о нем не молвят слова.

Овечью печень ждет собака мясника,—
Да знает лишь свою: в ней горькая тоска.

И тьма солончаков, казавшихся водою,
Рты жаждущих воды зарыла под землею.

И в чашу для чего смертельный налит яд,
Который сладостью является на взгляд?

Сверлят жемчужину, когда она влажнее.
Сверлить ее потом ведь было бы сложнее.

Молочным следует барашка свежевать —
Его, подросшего, ведь может волк задрать.

Лишь только голубок начнет взлетать высоко, —
Ласк не увидит он: в него вопьется сокол.

Подобной льву не будь, смири ненужный гнев.
Есть руки у меня, чтоб стал смиренным лев.

Хоть горд нагорный путь прыгучего джейрана,
Есть руки длинные у хитрости аркана.

Пускай ветров быстрее газель несется вскачь, —
Собака шахская не знает неудач.

Что родинки беречь, таить под спудом кудри?
Ты, подать уплатив, поступишь всех премудрей.

Купец! Где сахар твой? Знать, сто харваров есть?
Что ж двери на замке, коль сахара не счесть?

Ведь индиго, торгаш, находит спрос; уныло
Не хмурься. Вскрой тюки, будь ты хоть в глубях Нила».

ОТВЕТ ШИРИН ХОСРОВУ

И сахар дать ответ ему был нежный рад.
И был ответ его — сладчайший табарзад.

«Я прах, — и пребывать со мной на царском троне
Для шаха значило б — в напрасном быть уроне.

Сочту ль за скакуна я своего осла?
Коня арабского догнать я б не смогла.

И хоть как всадница могу я подвизаться, —
С охотником на львов мне все ж не состязаться.

Моя уклончивость имеет цель, о да!

Кто сахар ест в жару? Не вышло бы вреда!

Остынем, государь! Немного подождать бы,
Чтоб сахар был тебе и мне... во время свадьбы».

Тут на ее губе жемчужинка зажглась.
И змеями она от уст обереглась.

Хоть мысль ее — строга, но клятву дав, иное
Вещала ей душа, в томленьях тайных ноя,

Пусть, рассердясь, она, как острие, остра, —
Не страшно: розы жар — роскошнее костра.

Пусть гнев ее встает жестокой львиной гривой, —
В нем нежный горностаи укрыл свои извивы.

Пусть лук ее бровей натянут, — не грозна
Стрела ее очей, а томности полна.

Пусть взор ее — копье, — ведь круг войны все шире,
Но взор к боям готов и к сотням перемирий.

«Не наноси мне ран», — твердят уста; спроси
Ты их еще разок, услышишь: «Наноси».

Хотя ее уста прикрыло покрывало, —
Но все ж свое ушко она приоткрывала.

Колечко рта сомкнув и отклонив лицо,
Все ж понесла в ушке покорности кольцо.

То прихотливый взгляд ввергал в одни мученья,
То милосердного он полон был значенья.

Лик отвратит, и вот — прельстительна коса.
«Простите лик», — твердит ее спины краса.

Ширин, узрев царя в алчбе кипучей, страстной
И честность в сей игре увидевши напрасной, —

Явила блеск спины, моленья отклони:
Ведь белой серою не загасить огня.

Иль, может быть, явя в стыдливом бегстве спину,
В нем думала зажечь раскаянья кручину?

Не то! Ее спины слоновокостный трон
Напоминал царю, чтоб трон свой занял он.

А может быть, она так поступила, дабы
Он знал, что у любви есть разные михрабы.

Что странного? Одна исчезла сторона,
Сказав: прельстись другой, еще светлей она.

Игра лукавых дев: прогонят с глаз, — и рады
Метать в изгнанников приманчивые взгляды.

Суровый скажет взгляд: «Уйди», — но, погляди, —
Взгляд утешающий сказал: «Не уходи».

«Нет», — молвила, но, глянь, — «да» молвила б охотней.
За это я годов пожертвовал бы сотней!

ОТВЕТ ХОСРОВА ШИРИН

Глядит Хосров: Луна не хочет нипочем
Для страждущего стать внимательным врачом.

Дерзнул он вымолвить: «О нежащая души!
Свои укоры брось. Утихни и послушай.

И ты пила вино, и мне давала пить,
К чему ж мне пьяным быть, тебе же трезвой быть?

Трезва ли ты? О нет, ты в сладостном дурмане.
Ты ведь подобна мне; не думай об обмане.

Где пташка сердца? Где? Признайся, ведь она
Уж соколом любви в копиях унесена.

Коль гайну утаить ты в сердце мнишь, — терпенье
Зови: ведь с сердцем ты должна вступить в боренье-

Иль свертывай шатры, — и, протрубив отбой,
Беги с равнин войны к Капелле голубой.

От торга, что мечом ведется заостренным,
Спасаться и бежать дозволено влюбленным.

Ты знаешь: наземь тот повергнется в бою,
Кто не сумел сдержать заносчивость свою.

Ты сердцу своему, что жестко и упорно,
Дай приказание быть нежным, хоть притворно:

Коль скажет мне: «Я друг», — за друга и приму.
Мне — будет радостно, не горестно ему.

Шутя предсказанный, благой удел сбывался
Нередко. В добрый час ряд нежных дел сбывался.

Сказал один мудрец в далекие года:

«Себе отрадное предсказывай всегда.

Коль устрашишься бед — прийти поможешь бедам,
Предскажешь доброе — оно возникнет следом».

Пусть твой рубин мне даст один лишь поцелуй.
Коль он запрещен Мне, его мне не даруй.

Но и молить о нем, губительна и яра,
Ты запрещаешь мне! Я в пламени пожара.

Мне страшно: раздирать свой завтра будешь лик,
Сразив влюбленного, что в горести поник.

И кровь моя хватать тебя за полы станет:
Кровь страстных не умрет и в просьбах не устанет.

Скажи мне: если ты быть нежной не склонна,
И в поцелуев счет игра тебе странна,

И целовать твой рот я не дерзаю строгий,—
Так что ж мне целовать, рукав твой иль пороги?

Мне поцелуй на срок — ведь я не нищий — дай.
О рте не говорю: для пробы пищи дай!

Дав поцелуй один, взамен получишь десять.
Торговля добрая! Всей прибыли не взвесить!

Харвары сахара припрятала к чему?
Открыла б лучше дверь стремленью моему!

Все разрешишь — на все получишь разрешение,
Всего лишишь — сама изведаеть лишения.

Пусть из ключа воды взял много водонос,—
Ключ, вечно льющийся, ущерба не понес.

Я — туча, влага — ты; не слит ли я с тобою?
И со своей душой готовиться ль мне к бою?

Индиец дерзостный твой локон: в свете дня
Нагрыв, начисто ограбил он меня.

Коль не управлюсь я с твоим индийцем черным,
Сам, как индеец-вор, я стану непокорным.

Хоть будет с топором к тебе ломиться вор, —
Лишь крикнешь на него — уронит он топор.

Но руку молодцу ведь не отрубят? Гладко
Все у него идет: есть воровская хватка.

Ты локона аркан на шею мне набрось,
Хоть дичью тощею разжиться довелось.

Будь покупателем — тебе продам я душу.
Будь кравчим — и вовек я пира не нарушу.

Тебя узрев, сдержать пыланье не могу.
Светильник дружбы я горящим берегу.

Кольцо твоих кудрей пусть на ухо мне ляжет!
Я — раб. Пускай твой рот купить меня прикажет.

Вести лобзаньям счет — вот сладостный удел!
Лобзанья дай! Считать их так бы я хотел!

Приди, чтоб вместе мы вступили в двери счастья.
Мы станем счастливы! Судьба полна участия.

Так сладостно дышать в сегодняшнюю ночь!
День завтрашний — в пути, его не превозмочь.

Платить наличными нам эта полночь рада.
Ждать одолжения грядущего не надо.

Брось локоном играть! Со мною поиграй.
Мне руку помощи сегодня ночью дай.

Я сердцем изнемог, меня здоровым сделай.
В свой райский сад принять меня достойным сделай.

Ты сладостней души, ты — радости поток!
Тебя в объятьях сжать мне предназначил рок.

Что сладостнее — уст иль ног твоих касаться?
Все может в сладости и в прелести равняться.

Все тело сладостно, и все влечет уста!
Да! Названа «Ширин» была ты неспроста!

Так сладость расточай, ликуя, не с оглядкой!
Не Сладостная ты, коль быть страшишься сладкой!»

ХОСРОВ УМОЛЯЕТ ШИРИН

И видит шах: Ширин, его слова проран,
Не кротко говорит, забыв свой кроткий нрав.

Он молвит: «О Луна, горящая, высоко!
Упрек друзей — не зло; страшусь ли я упрека?»

Но как хвалить людей, в которых сердца нет,

Которые молчат молениям в ответ?

Я лишь к тебе стремлюсь, о Сладостной мечтая:
Любого поборю, тебя приобретая.

Я вижу: локон твой меня опутал. Ты —
Победу празднуешь, я — рухнул с высоты.

Ты клятвы не нарушь. Об этом ли толкуем?
Ты отрезви меня одним лишь поцелуем.

Хоть молви, что ко мне придет счастливый век:
«Хоть мертвым да пойдет на волю Мубарек».

Свиданий розами наполни мне кошницу.
Разлука стелет мне на ложе власяницу.

Пусть розы наших встреч мне свой шербет сулят!
О ты, цветник! Даруй ты мне хоть аромат!

В руке — твой локон; ты, опьянена, — причина
Того, что горькая умчалась прочь кручина.

С тобою пью вино — как радости не быть?
Ты здесь — ну как с тобой и сладости не быть?

Ты здесь — и золотым становится мой пояс,
И счастье светит мне, на радость не скупое,

Со мной расстанешься, что камень со змеей, —
Без розы буду я, ты — без колючки злой.

Коль сеть мою поправ, помчишься по раздолью, —
Расстанусь с головой, ты — с головою болью.

Вот сердце! На, бери! Коль хочешь, можешь съесть!
Я думал: друга нет, теперь я вижу — есть!

Когда твой светлый лик мне сердце жечь не будет,
Я сердце сохраню, но свет оно забудет.

Коль требовать мой глаз взаимности начнет,
Пускай мучительный почувствует он гнет.

Но если от тебя моя душа в истоме
Уйдет — невеста к ней придет лишь только в дреме.

Коль ты теперь пошлешь мне хоть один укор, —
Один твой волосок пресечь сумеет спор».

Уснул он, прошептав любовных слов немало,
И локон Сладостной рука его сжимала.

...Лишь кубок небеса пустили круговой,
Напиток пурпурный расплескивая свой,

Проснулся государь и кубок поднял снова.
Еще вчерашний хмель бродил в уме Хосрова.

И ухватила вновь его за полы страсть,
И пламени опять его зажала пасть.

Забушевал огонь вскипающей отравы,
Как будто бы напал на высохшие травы.

Ширин он сжал, сказав: «Я медлить не хочу».
Он будто на тахту натягивал парчу.

Спасен онагра бок от жадной львиной пасти:
Находчивой не быть у сильного во власти.

И, распалившимся увидевши царя,
«Не надо, — молвила, — безумствовать, горя.

Что распалить себя? Ведь жребий незавидный
Мне сделаться, о шах, в твоих глазах бесстыдной.

Нехорошо, что ты таким огнем объят:
Ведь с разогретых роз чуть веет аромат.

Коль господин с рабом в своих речах не сдержан,
Соблазнам дерзостным его слуга подвержен.

Зачем пытаешься с рабами рассуждать,
Коль надо промолчать иль наказание дать?

Царь, ежели под ним царевый конь хромает,
Как нужного достичь, смутись, не понимает.

Когда минует срок твоей невзгоде, — верь,
Тобой любимое к тебе ворвется в дверь.

И пьяный для очей разумных не находка,
Коль с чашей он сидит, а на ногах — колодка.

Ты к царству устремись, а я невядалеке,
Ты в руку власть возьми, а я в твоей руке.

Венчанный! Без твоей быть не хочу я чести.
И честь твоя, и я — мы быть желаем вместе.

Честолюбива я, и под ноги тебе
Повергну душу. Я — верна твоей судьбе.

Возрадуйся, ведь ты откроешь двери власти.
Ликуй, твой светел рок, минуют все напасти.

От царственных удач к любви пойдет стезя.
В тревоге отыскать сокровища нельзя,

С терпением ты найдешь все, что тебя чарует,
В покое обрешь ту, что покой дарует.

Язык, потом — слова; глаза, а после — свет.
Поднимется лоза, вино приходит вслед.

Не в яростном жару у мудрых дело зреет,
«От жаркой беготни козел не разжиреет».

Не должно мне, о нет, в изгнании твоём
Быть прихотью твоей, с тобою быть вдвоем.

Могу ли дружбою связаться я нестрогой,
Быть другом, что ведет недоброю дорогой?

Пусть ты и власть твоя — вы будете друзья,
Тогда, о шахиншах, с тобой сдружусь и я.

Боюсь, что коль во мне одна твоя улада, —
Меж царством и тобой останется преграда.

Коль будешь возвращен к могуществу судьбой, —
То буду я, увы, утрачена тобой.

Наследьем древним был весь мир в роду Хосрова.
Ему ль наследьем стать наследника другого!

Ты хочешь мир схватить — не медли же, не стой!
Завоеватели владеют быстротой.

Чреда верховных дел идет путем размерным,
Но царство должно брать ударом быстрым, верным.

В любого шаха ты попристальной вглядись, —
Решеньем быстрым он в свою вознесся высь.

Ты юн, и мощен ты, ты создан для державы.
Ты родом царственен, прекрасный, величавый.

Стреножена страна: сбрось узы мятежа.
Очнись, и робкий враг покается, дрожа.

Индийца, что, напав, твои поклажи вырвал,
По-тюркски твой венец в мгновенной краже вырвал,

Ударь мечом — и прочь отпрянет голова!

Да канут все следы бывшего колдовства!

Рука царя, что все добудет в жизни нашей,
То быть должна с мечом, то с пиршественной чашей.

Ты должен меч поднять и кликнуть клич; ведь шесть
Пределов мира есть, и войска в них не счесть.

Удача, вымолвив: «С Хосровом рядом встану», —
Направит камень твой ко вражескому стану.

Иль руку приложу я к делу твоему,
Иль руки за тебя в молитве подниму.

**ХОСРОВ ПОКИДАЕТ ШИРИН И НАПРАВЛЯЕТСЯ
В РУМ.
ВЕНЧАНИЕ ХОСРОВА С МАРИАМ.**

И царь был распален ее великим жаром.
И на Шебдиза он вскочил во гневе яром.

Он грозно выкрикнул: «Меня не скоро жди!
Коль море иль огонь увижу впереди,

Клянусь: я от огня не отвращу Шебдиза,
И что его прыжку морей кипучих риза!

Не думаешь ли ты, что буду спать и впредь?
Ручаюсь: дремлющим Хосрова не узреть.

На высоту слона теперь я земли взрою,
И боевых слонов для смотра я построю.

И стану я, как слон, — могучий, грозный слон.
Я на подушке спал. Я ныне пробужден.

Я, все забыв, осла завел на эту крышу.
Свести сумею вниз! Я зов рассудка слышу.

Кувшин, что сделал я, теперь не берегу.
Сумел его слепить — разбить его смогу.

Меня ли разжигать, в меня вперяя очи,
Иль обучать гореть во мраке долгой ночи,

Неисполнением желанья устрашать,
Иль мужеству меня надменно обучать?

Моя любовь к тебе меня миров лишила!
О страсть! Тьму-темь, людей она голов лишила!

Я знал бы, коль во мне ты не родила смут:

Опять края венца мне волосы сожмут.

Не голову ль мою поймала ты арканом?
Сняла его, но все ж я пленным был и пьяным.

Ты мне дала вина смертельное огня,
И опьяненного связала ты меня.

И опьяненному твердишь ты: «Поднимайся,
На трезвого врага неистово бросайся».

Да, мы сразимся с ним! Я вражий сброшу гнет.
Но дай сперва уйти из тягостных тенет.

Душа, опомнившись, движенья захотела.
По следу двинусь я мне радостного дела.

Да, наставленье мне хорошее дано.
И совершится все, что ныне быть должно.

Ты мне сказала все о том, каков я ныне.
Ты мне поведала о зле, о благостыне.

В былом подвластен мне был необъятный дол.
Мой славен был венец, мой славен был престол.

В скитальца ты меня мгновенно обратила,
В того, кто в горестях бессменно, обратила.

Я был пришит к седлу любовною тоской.
Какой бы вихрь занес сюда меня? Какой?

Пока твоя приязнь сверкала мне украдкой,—
И речь твоя ко мне текла, как са.хар, сладкой.

Тобою от любви я ныне отрешен.
На мой отъезд приказ тобою мне вручен.

Я знал, что я уйду, лишь срок укажет небо,
Ведь злонамеренным я гостем вовсе не был.

Был потчеван тобой, — и медлил потому.
Уйду, коль хлеба ты мне сунула в суму».

Гилянского коня направив из ограды,
Путем гилянским он повел свои отряды.

Сердитый на Ширин, он мрачен был, угрюм.
Поход ускоривши, направился он в Рум.

Он знал: стрела врага лететь в него готова.
Венца не стало. Шлем — вот он, венец Хосрова!

Он, зная, что пути оберегал Бехрам,
Скакал без устали по долам и горам.

Четырехкрылый был под ним орел; дракона
Хранил у пояса Бехрам! Страшись урона!

И вот к монастырю примчался он; монах
Ютился там. То был «Всепостиженья шах»

Ему грядущее немало дел открыло,
И для Хосрова он истолковал светила.

Все стало явственной. Он мудрый дал совет.
Он изречениями открыл Хосрову свет.

И к морю поспешил Хосров, и переходы
Он делал одвуконь. И вот сверкнули воды.

Он гнать вдоль берега гнедого не устал,
В Константинополе кайсару он предстал.

И призадумался тогда владыка Рума,
И важное чело изборозила дума.

Удачею он счел для дома своего
Приезд Хосрова в Рум; и обнял он его.

Узнав, что в числах звезд приязнь, а не коварство,
Прибывшему решил свое вручить он царство.

И дать — хоть воздвигал он христанства храм —
Парвизу в жены дочь — царевну Мариам.

И меж владыками в ночь свадьбы было много
Условий скреплено; все обсудили строго.

О Мариам, о нем, кто счастья встретил свет,
О том, какой он смог румийцам дать ответ,

Как с Ниатусом он хитро, хвостом павлина
Построил рать, о всех походах властелина

Не стану говорить; о том сказал иной —
Бреду, а он уснул, пройдя свой путь земной.

Коль захочу я сбить былым рассказам цену,
Сказитель будущий собьет мне разом цену.

СРАЖЕНИЕ ХОСРОВА С БЕХРАМОМ И БЕГСТВО БЕХРАМА

Дни пиршества прошли, и начал собирать
Хосров Парвиз в поход обещанную рать.

Войска созвал кайсар; все, что сулил, — утроил.
Он, с золотым умом, все золотом устроил.

И собранных полков таков был грозный рой,
Что будто бы гора катилась за горой.

Железная гора, пыля, передвигалась,
Как будто, вся дрожа, земля передвигалась.

Шах оглядел бойцов, и тысяч пятьдесят
Он отобрал; о них предания гласят.

Он вышел в ночь, решив связать Бехрама туго.
И чашею стал шлем, одеждою — кольчуга.

Когд» Бехрам узнал, что поднят бранный клич,
Как сильный лев, решил добычу он достичь.

Но с лисьей хитростью судьба замыслит гибель, —
И сила льва — ничто. Какая в силе прибыль?

Лицом к лицу войска, мечи обнажены,
Средине и крылам приказы вручены.

Свист стрел и лязг мечей в своей звенящей силе
С ума свели бы львов, слонов бы умертвили!

Услышал бы мертвец литавров страшный вой.
От воя разум свой утрачивал живой.

Златоподкованных коней в рубинах брони.
То — кровь: она была на латах, на попоне.

И ржанье скакунов, чья полыхала грудь,
Вливало яростно в земное ухо ртуть.

И всадников мечи, как молнии, плескали.
Все львы воспрянули, внезапно зубы скаля.

Смерть бытию в тот час творила западню.
Сей гнев и Судному не мог бы сниться дню.

Смерть направляла в грудь и заостряла дротик
И закружила всех в своем водовороте.

Навис железный лес, мчит остря, грозя, —
И бегство поняло, что убегать нельзя.

В тех зарослях онагр от льва не знал спасенья,

А от клинков и лев не обретал спасенья.

Не ветер проникал под розы лепестки,
А под доспехи — стрел мгновенные броски.

Орлы кровавых стрел! У них, пробивших латы,
На крыльях коршуна написаны бераты.

Кольчугорезы, в медь вбирающие яд,
Кольчугоносцев сном погибельным поят.

И кровью — брызги ввысь до самых звезд несутся!
Вкруг медных манджуков полны до края блюда.

Ломались копья. Ветр, что так по ним рыдал,
К парчамам подлетев, им кудри распускал.

И, обезглавленных мужей увидя, в муке
Земля раскрыла грудь, заря раскрыла руки.

И перевязи все отброшены; рассечь
Один готов врага, другой — роняет меч.

Несется тюркский крик, труба ревет, стеная.
Что громче тюркского зывающего ная?

Распущенных знамен багряные шелка —
Огонь, струящийся по гущам тростника.

О, сколько здесь мечей! И кровь на них не стынет!
Не столько камешков раскинуто в пустыне!

О, сколько стрел в виски внедряет смертный яд!
Не столько листьев шлет на землю листопад!

И на спину слона воздвигли трон Хосрова,
И мощь его меча к сражению готова.

Пред яростным слоном стоял Бузург-Умид.
Он с астроябией; он срок определит.

Базар врага шумел. Но вот пришло мгновенье —
И на базаре том настало запустенье.

Тогда Бузург-Умид сказал царю: «Спешу.
Удачен гороскоп; все разом разреши.

Коль шахматной доской войны прельстился, — следуй
Вперед. Стреми слона. Ладьею бей с победой».

И царь погнал слона, и войско отстранил.
К Бехраму он летал, как закипевший Нил, —

И под слона поверг, промчавшись смертным логом,
Он слонотелого, взмахнувши слононогом.

Губителен врагу был заверченный бой.
Был награжден Хосров приятной судьбой.

Текла потоком кровь, что битва источила,
И не мячи она, а головы влачила.

Как негра волосы, вились арканы; лих
Румиец каждый был, набрасывая их.

И с каждого врага мечом индийским смог он
Вмиг срезать голову, как бы индийский локон.

Как боль, что страждущим порой приносит свет,
Бехрамцев ужас жжет; для них спасенья нет.

Кого же увела спасения дорога?
Бехрама одного да раненых немного.

Бехрам был мощным львом, но бледен стал, понур.
Низвергнут он судьбой, как был низвержен Гур.

Не ждал ни ночью он, ни днем дурного глаза.
Да рок его обжег огнем дурного глаза.

Погибли все; гляжу — и смертный вижу пир.
Быть может, спасся тот, кто взор закрыл на мир?

Когда Бехрама в прах звезда повергла злая,
Хосрову радость он доставил, не желая.

Мир много гумен жжет как будто невзначай.
Сего забавника шутить не обучай.

Какой не вознесет он кипарис! Но скорбью
Он в час назначенный все кипарисы сторбит.

Какой из красных роз, что нежно он взрастил,
Увянуть не дал он, какой не пожелтил!

Не все нам сахар есть, хоть сахар нам и сладок.
Пьем чистое вино, но выпьем и осадок.

Здесь подмели — твой дом, там подметают — свой.
Здесь об пол бьют ногой, там бьются головой.

Тут музыканта саз свои возносит звоны,
А там — прислушайся! — там плакальщика стоны.

Но звук — от скорби ли, от саза ли возник —
Под сводом, зримым нам, звучит лишь краткий миг,

Вселенной логово — все жгучее горнило —
От роз и от шипов следов не сохранило.

Ведь черно-белый конь наш мир задорно мчит.
Нельзя, чтоб он не бил ударами копыт.

На синем скакуне несется рок и разом
Наскочит; от него бежит в испуге разум.

Все на других, о друг, надеешься? Пойми,
Что все изменчиво; мир не в ладу с людьми.

Был на Бехрама зол небесный свод, и снова
На трон торжественно возводит он Хосрова.

Бехрама хмурого не к Чину ль путь повлек?
И где верховный чин? Его отринул рок.

Что ж! Небо ведь не раз венцы с царей снимало.
Под сей завесою таких забав немало.

ВОСШЕСТВИЕ ХОСРОВА НА ПРЕСТОЛ В МЕДАИНЕ ВО ВТОРОЙ РАЗ

Когда из знака Рыб луна свой лик взнесла, —
Луна Парвизова в знак шахства проплыла.

Под благосклонных звезд благоприятным кровом
Хосров Парвиз воссел на троне бирюзовом.

И воссоздал тогда в пределах стран земных,
На радость подданных, он славу дел своих.

Когда великое собрал он царство снова
И вновь державных дел крепка была основа, —

Хосров свой поднял трон от праха до Плеяд.
Дал морю — жемчуга, земле — алмазный клад.

Таких сокровищ блеск не видел мир воочью.
Светлей, чем лунный луч, они сверкали ночью.

Как лев, свой занял он благословенный трон.
Благословения от храбрых слышал он.

Его печать прияв, мир позабыл томленье, —
И мира целого он видел мирволение.

Его величие — сияния поток.

Второго солнца свет весь озарил восток.

И гул шумливого и радостного стана
От Балха людного дошел до Шахиджана.

И вот когда престол Хосровов стал пригож,
Ресницы Сладостной свой начали грабеж.

И можно ль отвратить от сердца эту муку?
И как призвать сюда ту, что сразит разлуку?

Воздвигла Мариам Хосрову пышный трон.
Тем троном был Иса к зениту вознесен.

Но пусть владычества достиг он, словно клада, —
Подруги не было, — и где была услада?

Я знаю, радости он знал от Мариам,
Но дух летел к другой, неистов и упрям.

То с чашей горькою стenal он: «Где ж удача?»,
То чашу сладкую пригубливал он, плача,

То сердцу говорил: «Чем жар твой возбужден?
Любовь тебе мила иль падишахский трон?

Любовь и царство! Нет, им не ужиться рядом!
Иль к царству устремись, иль к сладостным отрадам.

Встарь барсу неким львом совет был мудрый дан:
«Ослицу на приплод пусти или в Зенджан».

И если, взявши трон, я не вздыхал бы сиром, —
Моя душа сполна все получила б с мира.

Но должен я купить, коль спит счастливый рок,
За сто хотанских царств любимой волосок!

Я с милой спал в саду, луна была на небе.
Мне ложе сторожил недремный светлый жребий.

Уснул счастливый рок, — и пробудился я,
И сердца не нашел. Где милая моя?

Где радости пиров, звенящих вновь и снова.
Цветущий рай, не мгла пристанища земного?

Где созерцание луноподобных лиц?
Где пребывание с царицею цариц?

Где сладкая Ширин и сладкие реченья,
Как бы сладчайших вод сладчайшие теченья?

Где та бездремная полночная пора?
Где сказок череда, что длилась до утра?

Где розы лепесток тугой, сахароносный,
Харвары сахара, что собран с розы росной?

Где руки, что плели среди дворцовых стен
Серебряных тенет благожеланный плен,

И розы-сладостной к щеке прикосновенье,
И гиацинтов кос плетенье, расплетенье?

О, где объятий жар, где ласковость Луны
В безлюдье, в сладкий час полночной тишины,

И кубок, данный мне с приветом и любовью,
И час, когда я ник к блаженства изголовью?

Слова, что молвил я, слова, что слышал я, —
Мне сон их нашептал или мечта моя?

Твердят мне: «Весел будь. Ты — солнце; ни обида,
Ни скорбь не омрачат древнейший трон Джемшида».

Но как же наполнять мне сладким смехом рот?
Ютятся стоны в нем; им наступил черед.

Кого мне призывать? К каким взывать уладам?
Злой ветер пролетел моим весенним садом.

«Ты малодушен был!» — смеется надо мной
Рассудок мой, дразня, мой разжигая зной.

Враги отсутствуют — расти удачи стали,
Мой друг отсутствует — и множатся печали.

Незоркий соловей! Твой неудачлив рок:
Ты гнездный пух сменил на шелковый силок.

Без пользы я стремлюсь к садам великолепья:
Дал ноги оковать я золотою цепью.

Мне цепи не сорвать! Узка моя стезя!
Мне с цепью улетать к возлюбленной нельзя!

Коль дела об одной мы с сердцем не рассудим,
То как же, царствуя, страдать по стольким людям?

Сто утешителей мне надобно иметь.
Сто горьких горестей возможно ли терпеть?

Я на себя с ослов перелагаю грузы,
Посмешищем ослов от этой став обузы.

И солнце и луна — они горят костром,
Сдружившись над земным раскинутым ковром.

Рассеянна душа, — и мраком все одето,
Рассеян сердцем был, — и вот не стало света.

Пусть полон синий сад цветущих звезд игрой, —
Не мощен звездный свет: ведь звезд разрознен рой.

Рассеян свет свечи, — и в нем не стало жара,
Сосредоточенный — властнее он пожара.

Не хочет сердце, нет, чтоб царством правил я.
А с сердцем враждовать не хочет мысль моя.

Вновь сердцу суждена с судьбою темной схватка,
Ко мне, окрепшему, вернулась лихорадка.

Мышь в норку ящериц пробраться не смогла, —
И глупой ко хвосту подвязана метла.

И так уж черный негр обличьем не прекрасным
Страшит, а заболев, он делается красным».

Себя корит Хосров, к себе взывает он:
«Ты силу получил, ты властью осенен.

А коль имеем власть, судьбу смиряем нашу.
Ты властен — женщина с тобой поднимет чашу.

Не должен человек с собою в распре быть.
Всевластный может ли о власти позабыть?

Власть у тебя — и страсть все обрести готова.
«Власть» — лучшего судьба найти не сможет слова.

Все достижения всевластному легки.
Зерном ведь всяких птиц заманишь ты в силки.

Для пропитания посеяна пшеница,
Сей снова, а трава с ней рядом уродится.

Есть власть — и беды все мы можем превозмочь.
Пускай безвластие от нас умчится прочь!»

Так с сердцем пламенным не раз он вел беседу.
Когда придет любовь — терпенья нет и следу.

Но твердо протерпел он разлученья срок,

И час пришел: зарю к нему направил рок.

СТЕНАНИЯ ШИРИН В РАЗЛУКЕ С ХОСРОВОМ

Так в книге начертал великий мастер слова,
Тот словомер, чья речь готова для улова:

Ширин, когда ее оставил шах одну,
Была как бы в цепях, была как бы в плену.

Из влажных миндалей шли розовые струи,
К цветущим миндалям стремясь, как поцелуи.

Овечкой бедною, зарезанной она
Упала в трепете, отчаянья полна.

И в ней не стало сил; она лежит устало.
И с муравьиный глаз ее сердечко стало.

Смел ветер урожай, развеял полный ток!
И наземь ниспадал кровавых слез поток.

Запуталась в силках. Где милый? Стал далек он.
Она в смятении, как беспокойный локон.

Разлука стелет ей свой горестный рассказ.
Колени в жемчугах из моря черных глаз.

То падает она, — пьяна она от муки, —
То в исступлении заламывает руки.

Уста безмолвствуют, иссушен бедный рот.
Сидит у ручейка, что из очей течет.

Прекрасный кипарис дрожит, как листик ивы.
Что мускус рядом с ней и нежный мех красивый!

Вот на земле она. Лежит, как смятый знак,
И мускусных кудрей разбрасывает мрак.

Ногтями, что сродни лишь лепесткам несрина,
Терзает розы щек. О горести пучина!

На сахар уст ключи из миндалей пошли.
Уннаб! Он ноготков кусает миндаля.

То мечется, как мяч, свою смиряя рану,
То изгибается, подобная човгану.

Весна — огнем луны преображенный путь —
Уж распадается как пролитая ртуть.

В ночных набегах мук ее души дорога, —
И лагерь сердца пал, — но мук в засаде много.

И прянули они из мрака на конях,
Терпенья первый полк они разбили в прах.

От корня печени до сердца — разграбленью
Все было предано, все предано томленью.

Султан души разбит; насилу спасся он,
Свой препоясав стан, приветствуя полон.

То день она кляла, когда заныло сердце, —
Как бессердечная, в сердцах бранила сердце,

А то кричала: «Рок! Ты горшей с той поры,
Как существует мир, с людьми не вел игры!

Все, что желанно мне, о чем томлюсь в разлуке,
Ты выхватил из рук, сперва давая в руки.

Ширин! Твоя нога задела ценный клад,
Но за находку ты не видела наград.

Весне открывши дверь, сама, ветров усердней,
Убила ты весну, схватив колючки терний.

Ты светоч избрала из светочей, и свет
Его задула ты, — и светоча уж нет.

К живой воде пришла, и вмиг вода пропала
За то, что с жадностью ты к влаге не припала.

Что у печи нашла? Пылание огня.
Он истомил тебя, все милое гоня.

И ныне ты в огне и в тяжких клубях дыма.
Без нужды ныне ты отчаяньем томима».

То с неба возвещал ей благостный Суруш:
«Ты чаемого жди. Есть утешитель душ».

То див страстей ей мозг укором жег суровым:
«Должна была, Ширин, ты мчаться за Хосровом».

Пробыв немало дней в отчаянья краю,
Ширин в другой предел направила ладью.

С дорожной пылью рок ее сродняет строгий.
Она минует пыль мучительной дороги.

И ко двору Бану приблизилась она.

И стала для Бану ее тоска ясна.

Душа Михин-Бану рыдающей внимала.
Разумных слов Ширин слышала немало:

«Немного потерпи, твоя пройдет беда.
Ты цепью скована, поверь, не навсегда.

Что быстрочастной быть, как роза? Будь мудрее.
Тем раньше рухнет мост, чем водный ток быстрее.

Взгляни, дано мячу и падать и взлетать.
Знай, всякий, кто упал, — поднимется опять.

Прозябнуть, а потом — взрасти всем должно зернам.
В срок все, что связано, развяжет рок проворно.

Желанье сладостней, когда его я длю.
Все быстропьющие — мгновенно во хмелю.

Кто понукать коня для бега не устанет, —
Обгонит всех. Потом — от спутников отстанет.

Осел, что шестьдесят легко взял менов, — он,
Приняв еще пяток, не будет утомлен,

А тучи, что летят, как мчащиеся бури,
Все выплачутся вмиг, — и нет уж их в лазури!

Дух в нынешней беде смирением одень.
Кто знает, что тебе пошлет грядущий день?

Ты унижения была сносить готова,
Немало горестей терпела от Хосрова.

Он бесполезен был? Что ж! Скорбь угомони.
Бояться нечего: не съедено яхни.

Настал терпенья час, и счастье светит скудно.
Не торопись, ведь вверх воде взбираться трудно.

Когда придет пора воде помчаться вниз, —
С ней счастье потечет, к тебе придет Парвиз.

Ты скажешь: «Я добро и зло постичь сумела»,
Когда своим ключом раскроешь створки дела.

Сине-зеленою нам кажется парча,
А в складках скрылся цвет багряного луча.

Немало мест, что нам простой землею мнятся,
А там и бирюза и яхонты таятся».

И удалось Бану — кто был бы ей под стать? —
Кумир, что без четы, с терпением сочетать.

И опытный Шапур, властитель изречений,
Привел ей несколько тончайших заключений.

И сердце жаркое в покой заключено,
О милом памятью утешено оно.

Ширин сносила дни, что горестно летели,
Без счастья прочного, без сердца в нежном теле.

ЗАВЕЩАНИЕ МИХИН-БАНУ

Бану тоску Ширин стремилась превозмочь.
Опять ее Луна должна украсить ночь.

Но к благу бытия пресытившись любовью
Она, призвав Ширин однажды к изголовью,

Ей подает ключи: «Сокровища принять
Готова будь, Ширин, твоя уходит мать».

С недугом тяжкий спор стал глуше, бесполезней:
От благоденствия Бану пришла к болезни.

Недуга быстрого ее промучил зной;
Отвергло тело — дух, дух — мир отверг земной.

Рок разлучил ее с отрадой жизни краткой, —
И мир столь сладостный она вручила Сладкой.

Ушел ее закат за черный небосклон,—
И в землю снизошла, покинув царский трон.

То мирозданья власть; иного нет удела.
Всем веснам свой предел земля иметь велела.

Хоть склянка из камней, но склянка не снесет
Удар кремня, и все свой обретет черед.

Судьба творит стекло, иначе не бывает,
Но каждое стекло она же разбивает.

Пусть мудрая пчела скопить сумела мед, —
В чем польза, коль сама весь этот съела мед?

Вкруг зримого всего не вихри ли завывли?
Ты зримым не пленись: оно — пригоршня пыли.

И ветер, налетев, раскинет складки риз.

И травы разметет, и сломит кипарис.

В основу ветер взят, и вот — жилье готово.
Не радуйся жилью: плоха его основа.

Из-за чего в силках ты бьешься? Посмотри:
Нам дан гнилой орех, лишь пустота внутри.

Как заяц, как лиса, прельщаться ль в жизни краткой
Сном рока заячьим да лисьею повадкой?

Охотники на львов! Их мощный ряд — не мал.
Но сей лисице барс их в должный срок подмял.

Я взором опыта на мир взглянул, — и что же?
С чесанием руки все наслажденья схожи.

Так хорошо руке! А тронь, а снова тронь, —
И скоро руку жжет мучительный огонь.

Хоть сладостно пьянит благая чаша мира,
Похмелье — лишь оно останется от пира.

Забудь свою печаль: ее не стоит свет,
И радости твоей твой мир не стоит, нет!

Уставил яства мир направо и налево, —
Но вкусишь только то, что умещает чрево.

Сто кладов у тебя иль только лишь динар, —
Лишь то, что сможешь съесть, от мира примешь в дар.

Пока во здравье ты, пока не стал ты хилым,
Твой дух всем сумрачным противостанет силам.

Коль поколеблен дух, коль в нем не стало сил —
Напрасно бы у звезд здоровья ты просил.

Твой улыбнется рот земному пепелищу,
Коль естество твое усваивает пищу.

Коль человек взомнит: «Уж мне надежды нет», —
Путей спасения он забывает след.

Мир и дела его — все кажется мне ядом.
Ешь осторожно снедь; мирским не верь усладам.

О жадный! Кто жадней могильных злых червей!
Ты пояс подтяни, как скромный муравей.

Недуг обходит тех, кто скромнен, а сегодня.
Как и вчера, умрет обжор дебелых сотня.

Не надо истреблять чрезмерно много трав,
Иль станешь ты искать лекарственный состав.

Коль будешь хлеб вкушать, как долю гюлышакара,
Ты тело не отдашь в неволю гюлышакара.

Как роза, блещет все, что не пошло на снесь,
Но съеденным плодам уж не блистать, а тлеть.

Зачем стяжаешь ты, коль жизни ты не просишь?
Спеша к мирским делам, зачем ты их поносишь?

Тому дает покой житейский горький дол,
Кто в нем подобно мне приюта не нашел.

Кто поселился в нем, тот должен на потребу
Иметь хоть горсть воды к ниспосланному хлебу.

Ты, смятой глины ком, — в смятении не будь!
Ты — прах, но пусть твоя не изнывает грудь.

Стыдится мир того, кто может из-за мира
В уныние прийти, чей дух блуждает сиром.

О пропитанье, друг, ты не имей забот:
Кто жизнь тебе послал, тебе и снесь пошлет.

Как небо ни хитро, как небо ни зловеще, —
Две клячи — день и ночь — оно посменно хлещет.

Знать, одвуконь езда ему на ум пришла —
То оседлает свет, то сумрак у седла.

Коль унесен отец в сей горестной стремнине,
Как сыну, в свой черед, не близиться к кончине?

Когда индеец — мир — убьет наследник, он
Клинком отмщения не будет поражен.

В ладу с индейцем ты, отца убившим? Воин!
Как не бесстрашен ты, — быть сыном не достоин.

Кинь горбуну стрелу в изогнутый хребет!
Он весь твой род убил, в нем снисхожденья нет.

Пока небесный свод свой лук тугой имеет, —
Жир нагулять себе добыча не сумеет.

Коль по траве олень идет к приюту льва, —
Клинками острыми становится трава.

Ты ль в безопасности? Подумай, друг любезный,
Ведь за тобою — смерч, а пред тобою — бездна.

Страшись! На сей реке спокойствия печать,
Но ей дано людей спокойно поглощать.

Найти ль цветущий сад, что, побежденный днями,
Не стал бы пустырем с обглоданными пнями?

Пред мудрецом наш мир не горестно ль возник?
Кто сладостно живет, тем горек смертный миг.

Тот, кто весь этот свет со скорбью озирает.
Тот, светочу сродни, сияя, умирает.

Взлюбивших мир сравню с кустом цветов лесных:
Лобзают руки тех, что обезглавят их...

Вот проповедник наш, кричит он: «Как солому,
Брось мир, — я подниму, он пригодится дому!»

А вот подвижник наш, в сто человеческих сил
Он молит: «Скинь его, чтоб я его носил!»

Но если хрупкий мир — расколота чара,—
Все царства на земле не стоят ни динара.

Гостинец пустоте, небытию припас, —
Та сущность чистая, что обитает в нас.

Сказали мудрецы всезнающие: «Верьте,
Кто плох, а кто хорош, — узнается в день смерти».

Есть женщины, они — мужи в предсмертный миг.
Иной дрожащий муж от смерти прячет лик.

Творец! Когда наткнушь на камень и с разлета
Нырнет моя ладья во мрак водоворота, —

Ты одари меня, под кров благой возьми,
Успокоением возрадуй Низами!

ВОЦАРЕНИЕ ШИРИН

И перешла к Ширин Михин-Бану держава.
От Рыбы до Луны о ней сверкнула слава.

И справедливости возрадовался люд.
Былые узники свободный воздух пьют.

Все угнетенные забыли время гнета:
Ширин с времен своих отбросила тенета.

Уж не взимался сбор у городских ворот,
Налогов не платил за пажити народ.

Облагоденствовав и город и селенья,
Ширин, не ждя даров, сыскала восхваленья.

И вот и перепел и сокол уж друзья,
И даже волк с овцой встречались у ручья.

Народ и дальних мест и живший недалеко,
Царицу полюбил бесхитростно, глубоко.

Обилье все росло, все ширилось оно.
Сам-сто смогло давать единое зерно.

Добра исполнен шах — и щедрых трав цветенье
Рождает не цветы, а ценные каменья.

У злонамеренных сады иссушит рок.
Добра исполнен шах — и путь его широк.

И ширь и тесный лог в его краю счастливым
Гордятся временем и шахом справедливым.

У шаха, коль он — шах, дух не спует во тьме.
Нет злодеяния у шаха на уме.

Но о царе царей к Ширин не мчатся вести.
Хоть царство у нее, но сердце не на месте.

Хоть кейхосровову она имеет власть,
В пустыню смотрит взор, а в этом взоре — страсть.

От караванов ждет и ждет, сгорая, снова
Живительных вестей о странствии Хосрова.

Узнав, что счастлив шах, что, как Юпитер, он
От праха до Плеяд свой прежний поднял трон,

Она рассыпала сокровища, — и люду,
Законы дружбы чтя, их раздала груду.

Но весть о Маркам ей муку принесла:
Законы Маркам строжайшие блюла.

И в Руме Мариам принудила Хосрова
В великой верности дать клятвенное слово.

Ширин, поведавши о горести такой,
Вздыхая горестно, утратила покой.

«Судьба, — твердит она, — мне все свершает назло».
Ширин, как мул в грязи, в страданиях завязла.

Она царила год, храня свои края,
Ни птахи не спугнув, щадя и муравья.

Как мрак разбойных глаз, и сердце стало темным,
Как буря локонов, и дух стал беспокойным.

Ширин устрасена: ее тоска вот-вот
Честь справедливых дел в смятении сметет.

Другого не нашел сей кипарис исхода,
Чтоб чистым был диван, как в дни бывшего года,

Как только, чтоб сиял пред ней один — Хосров,
Причина всей тоски и всех кручин — Хосров.

Решительности нет, ее душа устала.
Ведь твердости всегда влюбленным не хватало.

Наместник принял власть и все свершал один.
Ношением венца пресыщена Ширин.

ПРИБЫТИЕ ШИРИН В МЕДАИН

Гульгун навьючен; в путь пуститься вышло время.
Ширин в седле, Шапур ее хватает стремя.

Ширин сбиралась в путь, окружена гурьбой
Красавиц; только тех взяла она с собой,

От коих в дни трудов и в час досужий смеха
И помощь ей была и светлая утеха.

Динары и парчу с собой она взяла.
Четвероногих взять приказ она дала:

«Верблюдов и коней, овец, коров!» И долам
Дано наполниться потоком их веселым.

К чертогу горному спешит она; стада
За нею тянутся, как зыбкая гряда.

И в раковине блеск вновь затаился щедрый.
И драгоценный лал вновь погрузился в недра.

Индийской топи мгла клад убрала от глаз,
В кремнистый лог тоски запрятался алмаз.

Но от жемчужины блеснул окрестный камень.
Так мрачный храм огня вмиг озаряет пламень.

От лика Сладостной, что розовой весны,
Тюльпаны меж камней нежданные видны.

От пламени Ширин, что разгорался яро,
В горячем воздухе все больше было жара.

И царь, проведавши, что друг невдалеке,
В надежде возомнил: срок миновал тоске.

Но страх пред Мариам сражал огонь порыва:
Глядела Мариам в глаза его пытливо.

Не знал он, как завлечь Ширин в свой паланкин,
Не ведал, как бы мог он встретиться с Ширин.

Лишь вестью о Луне, лишь ветром он доволен,
Что плыл с ее путей. Он вновь любовью болен.

Взывая каждый миг: «Где милая моя?»,
Он извивается в томленье, как змея.

ХОСРОВ ПРОСИТ У МАРИАМ СНИСХОЖДЕНИЯ К ШИРИН

Лишь из кармана тьмы явился месяц, — горы
Прикрыли им чело, явив свои просторы.

Из трапезной пошел в опочивальню шах.
Опять одну Ширин в своих он видел снах.

Но лишь его слова о Сладкой зазвучали,
Рот грустной Мариам стал горьким от печали.

В своей тоске поник пред Мариам Хосров.
Ису он поминал среди потока слов.

«Я знаю: хорошо то, что Ширин далеко.
Мне в рану сыпать соль ее не может око.

Все ж радостны враги, поступок мой браня,
И обесславлена она из-за меня.

Когда б сюда Ширин явилась без опаски,
Все к справедливой бы приблизилось развязке.

Из горного дворца позволь Ширин мне взять,
Среди дворцовых дев приют ей оказать.

Когда на лик Ширин взгляну хоть ненароком,
Пускай расстанусь я с моим горячим оком».

Сказала Мариам: «О миродержец! Ты,
Как звезды, на людей взираешь с высоты.

С тобою распрю мир оставил за вратами,
Склоняешь небеса ты властными словами.

Коль имя Сладостной твоей душе — халва,
Тебе не сладостна и неба синева.

Ты с мягкой халвой свои уста сливаешь.
К чему ж остывший рис ты все подогреваешь?

К чему тебе шипы? Здесь каждый финик — твой.
Верь, лишь бездымную все тешатся халвой.

В один ларец меня упрятать с ней — затея
Не вавилонского ли это чародея,

Что знает множество присказок, и народ
Сзываючи, пустить готов любую в ход?

Нас разлучат с тобой Ширин лукавой руки.
Тебе — довольным быть, мне ж — горевать в разлуке.

Ведь чары Сладостной я знаю хорошо.
Такие сказки я читаю хорошо.

Есть жены, до пяти не сосчитают с виду,
А хитростью пути отрежут Утариду.

На обливных горшках узоры рассмотри:
То — жены; ясный блеск, да мерзостно внутри.

И верности искать в миру, что полон яда,
У сабли, у коня, у женщины — не надо.

Мужскую верность ты жене не вложишь в грудь.
Промолвил «женщина» — о верности забудь.

Мужчины ищут путь, что служит им защитой.
Но в женах не найдут игры они открытой.

Из левого бедра мы вышли. Должен знать.
Что в левой стороне вам правой не сыскать.

Что тянешься к Ширин? Она не знает бога.
Тебе лишь бедами грозит ее дорога.

Узнаешь ревность ты, она — пучина бед.
Когда ж ты не ревнив, ты не мужчина, нет!

Так шествуй же один — и, лилии подобно,

Веселое чело ты вознеси свободно».

И молвит Мариам с горячностью большой:
«Клянусь я разумом и мудрою душой,

И кесаря венцом, и шахиншаха саном, —
Коль двинется Ширин к прекрасным нашим странам,

Петлею мускусной тоску я утолю
Тобой обижена, себя я удавлю.

Пусть ей меж голых гор чертог послужит кровом.
Ведь населенных мест не видеть лучше совам».

Из речи Мариам Хосров постиг одно:
Двум женщинам вовек ужиться не дано.

Он после речь свою с конца другого строил,
Терпенье проявил и ласковость утроил.

И приезжал Шапур к Хосрову; из долин
Печальных привозил он вести о Ширин.

И возвращался он с уловкою привычной.
От кровопийцы вез ответ он горемычной.

Ширин такой игре дивится: столько дней
Томленья сносит шах, все думая о ней!

Все ж сердцем ведала: его любовь — не ржава,
Но в терпеливости нуждается держава.

ХОСРОВ ПОСЫЛАЕТ ШАПУРА ЗА ШИРИН

Шапуру вымолвил однажды властелин:
«Доколе тосковать я должен о Ширин?

Ты в башню Лунный свет введи ночной порою,
И словно лал в ларце я там его укрою.

Свой возвратив престол, державу берегу
И быть с желанною открыто не могу.

Страшусь, что Мариам в неистовой печали
Сама себя распнет, как их Ису распяли.

Для сладостной Луны не лучше ль — посмотри —
Мне тайным другом быть; так дружатся пери.

Хоть на ее пути свои обжег я ноги,
Хочу ее беречь, как руку, что в ожоге.

Коль явно все свершу, жене не угодив, —
Вмиг, дива оседлав, она мелькнет, как див».

«Спокоен будь, — сказал художник островзорый, —
Я начерчу тебе китайские узоры».

И прибыл к замку он. Был замок — пенный шквал,
Шквал, что не пену вод, а пену вин взвивал.

Склонясь перед Ширин, сказал Шапур с участием,
Что следует порой заигрывать со счастьем.

«Чтоб гнаться за тобой, есть Рахш, но остриям
Царевых стрел сверкать мешает Мариам.

Он должен чтить ее. Он молвил мне угрюмо:
«В том клятву шахскую я дал владыке Рума».

Так выйди же со мной, мы сядем на коней,
В укромной башне ждут, — и мы помчимся к ней.

Будь с милым, час назначь утечи, а не плача.
Сумеешь — улетит соперницы удача».

УПРЕКИ ШИРИН ШАПУРУ

Кумир в безлюдье злом, в злой пустоте Луна,
Что вся изнемогла, что все была одна,

Вскричала гневная, блестя очами строго:
«Стыдись речей своих, не ведающий бога!

Сомкни уста! Мой мозг ты словно сжечь готов!
Молчи! Достаточно безумных этих слов.

Дано тебе сверло, да не для всех жемчужин!
Не каждый помысел с умелой речью дружен!

Не к каждому ручью отыщется стезя!
Пусть руки могут все, — всего свершить нельзя!

Ты справедливым был? Об этом я не знаю.
Что ты несправедлив, теперь я понимаю.

Пусть удалит господь тебя от низких дел!
Пускай рассудок твой укажет им предел!

Ты царства моего лишил меня, а ныне
Взломил души лишить — последней благостыни.

Как лют разбойник мой! Я — словно крепость, он
Метнул в нее огонь, — и мой напрасен стон.

Я здесь, а там к другой спешит душа Хосрова,
Базар любовный там он затевает снова.

Честь утекла моя, но не замочен он.
Как будто я — ничто, ничем он не смущен.

О, как дозволено разбойнику такому
Меня, достойную, предать бесчестью злему!

Нет! Он в бою со мной так разогнал коня,
Что с ним уже ничто не примирит меня!

Из замка мне бежать, когда б он был и раем,
Не должно, хоть судьбы мы будущей не знаем.

Хотя бы не Шалур, дочь кесаря пришла, —
Ее с позором бы из замка прогнала.

Что басни мне твердить! Ведь не хмельна я, право!
Меня не уловить играющим лукаво!

Да что царя хвалить иль слать ему хулу!
Господь! Ты знаешь все. Ты не прощаешь злу.

Молящему о том свои отдам я губы.
Нет, не берут халвы рукой такую грубой.

Весеннему цветку милей на землю пасть,
Чем в ветре осени метаться и пропасть.

Уж лучше, если псы на ловле схватят, — дабы
Не устроятся львов, вгрызающихся в слабых.

Приди, все сам скажи и сам ответ мне дай.
Есть ноги у тебя, других не утруждай.

Лев, чей умелый лов народ повсюду славит,
Лишь на своих ногах весть о себе доставит.

Ты ноги мне связал. Своих не мучишь ног.
Ты шлешь ко мне других, хоть сам прийти бы мог.

Не на чужих плечах свои таскаю грузы.
Не зубы посланных перегрызают узы.

Долготерпенья жар горит в моей крови.
Меня «Красавицей Терпенья» ты зови.

Но и в чужом краю, вдали родного дома,
Вольна в поступках я, с неволей незнакома».

Но хоть упрек Ширин о камни бьют стекло,
Смиряет сердолик ее упреков зло.

Весь гнев ее слова излили на Шапура, —
И сердцу легче вновь; взглянув не так уж хмуро,

Шапуру молвила: «О, ты красноречив,
И речь твоя течет, как плавных вод прилив.

Когда приветствовать ты шаха будешь снова,
То передай ему... мое послушай слово:

«Так говорит Ширин: неверный! Не поймет
Моя душа, где речь мне сладкая, как мед?

Я мнила, что бродить не суждено мне сирю, —
Ты ж покупателем другого стал кумира.

Я прошлый облик твой в душе не берегу,
Ведь сердце отворил ты моему врагу.

Да от неправых дел твой дух влечется к правым!
Да вспомнишь вздох Ширин ты сердцем нелукавым!

Ты — счастье спящее. С тобой ли мне дружить?
Ты — рок. Могу ли я с тобой в согласье быть?

Ведь я унижена. Зачем искать такую?
Ведь если я — раба, пошли мне отпускную.

Нет! Я тебе ровня! И мой возвышен трон.
Припомни, что мой рок тебе не подчинен.

Меня поставил вниз, но буду я другою.
Знай: на твои врата я обопрюсь ногою.

Рассыплю зерна я кипящих слез, — и вмиг
На мой порог взбежишь; я твой услышу крик.

Ты на моей крови сад насаждал с усладой,
Плоды собираешь ты. А я? Я — за оградой.

От твоего огня не стало мне теплей,
Но дымом взор мой жжешь все чаще ты и злей.

Как вероломен ты! Ведь ты мой стан разграбил.
И честь, принявши вновь свой царский сан, разграбил.

Ты был скитальцем, — я дружить с тобой хотела.
Ты дело совершил — и нет до Сладкой дела.

Меня ты вверг в позор; он тяжек и глубок.

Ты свой забросил щит в надменности поток.

Ты подписал приказ, ты мне назначил муки.
Уйдя, поверг меня в мучения разлуки.

Картину ты сыскал в румийской мастерской.
К армянской сладости что ж тянешься рукой?

Цветы румийского ты обрываешь дола,
Так не терзай венец армянского престола.

Страшусь: не зажигай ты снова свой огонь.
Огонь рождает дым; ты прошлого не тронь.

Ты не бросай шипов в полу судьбы. Послушай.
Не надо сыпать соль на разлученных души.

Ты ввержен в сладкий сон меж царственных пиров.
Что ж, отвернись от всех скитальческих шатров.

Пусть терзаюсь я, забудь ко мне дорогу,
Чтоб я могла себя отдать служенью богу.

Считай, что заманил ты птицу снова в сеть,
Но птица снова в степь сумела улететь.

Теперь безгорестных ночей я не имею,
И благосклонности твоей я не имею.

О, как терплю я гнет мучительных дорог!
Ведь охромел мой конь, а мой привал далек.

И сколько слез я лью, меня сжигает горе.
Пред ними ад — свеча, и с каплей схоже море.

И в море, где в огне горит моя ладья,
И в райских долах я, и в адских горнах я.

И все ж близ адских бездн, о сладостной отчизне
Припомнив, я тайком ищу истоков жизни.

Могу ли не скорбеть в пустыне без тебя?
Тот год была с тобой, а ныне — без тебя.

Твоей землянки дверь засыпана землею,
Моей воды поток потек над толовою.

О, долго ль мне ладью потоком слез вести!
О, долго ль дружеским свиданьям н« цвести!

Ведь без тебя мое не завершится дело,
Чтоб зреть ему, должны быть вожденья зрели.

Покуда бытия не оборвется нить,
Больной надежд на жизнь не может не хранить.

Рассудок мой велит лишь к мудрости стремиться.
Но выводы любви не на ее странице.

На пегом скакуне уверенный ездок,
Ристалищем любви помчавшись, — изнемог.

Творит ученый смесь, что умудряет разум.
Но смесь дают тому, кто уж теряет разум.

Ты терпеливого влюбленным не зови.
В тревоге сладостной — рождение любви.

Терпенье не идет путем любви счастливым.
Любви блаженный жар не свойствен терпеливым.

Но пусть в тоске Ширин и в горе. Никогда
Пусть шаха не гнетет подобная беда!»

И вот, когда Ширин прочла всю повесть, землю
Поцеловал Шапур и вымолвил он: «Внемлю.

Решенье царственной всех наших слов ценней.
Твоя уместна речь», — и он поник пред ней.

Пусть мысль его была сверлить его готова,
Не говорил Шапур, сперва не взвесив слова.

Да, слово каждое, что твой рождает рот,
Ты взвесь, как золото, пуская в оборот.

НАЧАЛО ЛЮБВИ ФЕРХАДА

Серебряный кумир был весь исполнен гнева.
Подобная пери, в шелках шуршащих дева,

Там, где меж хмурых гор раскинулась тоска,
Не знала ничего приятней молока.

Хотя бы сто сортов халвы пред нею было,
И то бы молоко ей пищею служило.

Но далеко паслись ей нужные стада,
И путь к ним требовал немало труда.

Вкруг логова тоски, по скатам гор разлитый,
Желчь источающий, рос лютик ядовитый.

И гнал стада пастух, проведавши про яд,

Туда, где пастбища угрозы не таят.

Ночь локоны свои широко разметала,
В ушко продев кольцо из лунного металла.

В кольце тоски Луна, что жжет, тоской поя,
Кольцом до самых зорь свивалась, как змея.

Пред ней сидел Шапур; готовясь вновь к дорогам,
Он с грустною Луной беседу вел о многом.

В заботы, что несла услада рая, он
Вникал, и обо всем он был осведомлен.

Узнав, что пастбища в такой дали от стана,
Внимающий расцвел, как лепестки тюльпана.

Индусом пред Луной он свой склоняет лик.
Как пред Юпитером Меркурий, он поник.

«Есть мастер-юноша, — сказал он, — будешь рада
Ты встретить мудрого строителя Ферхада.

Все измерения он разрешает вмиг.
Эвклида он познал и «Меджисте» постиг.

С искусною киркой склоняясь к кремнистой глыбе,
Начертит птицу он, сидящую на рыбе.

Он розе пурпурной даст пурпур, и меж гор
Скале железом даст китайский он узор.

Пред ним поник весь Рум; и, сделав камень плоским,
На нем рисует он, его считая воском.

Помочь твоей беде, я знаю, он бы смог.
Он — ключ, и каждый шип он обратит в цветок.

Без мастера ни в чем достичь нельзя предела.
Но мастера найдешь, и завершится дело.

Мы с ним — ровесники; в Китае рождены.
И мастером одним нам знания даны.

Тот мастер ведал все; как лучшую награду,
Мне бросил он калам, кирку вручил Ферхаду».

Когда умолк Шапур, с души Сладчайшей гнет
Был снят, — докучный гнет хозяйственных забот.

День зеркало свое подвесил, и закрыла
Ночь многоокая все очи — все светила.

И стал Шапур искать, и вскоре разыскал
Того, кто был сильнее неколебимых скал.

Он ввел его к Ширин. Приветливо, с поклоном,
Как гостя важного, его почтил он тронем.

Вошел, с горою схож и всех ввергая в страх,
Ферхад, что груды скал раскидывал в горах.

Был высотой силач, что мощный слон; почтила
В Ферхаде двух слонов чудовищная сила.

И каждый страж из тех, кем был гарем храним,
Его приветствуя, склонился перед ним.

Он засучил рукав, как должен был по званию,
Он, препоясанный, встал пред широкой тканью.

В смущенье был Ферхад: рок на своем пиру
Вел за завесою какую-то игру.

И вот — ночной набег! Внезапное злодейство!
Рок развернул свое за тканью лицедейство.

С улыбкой, что в себя весь сахар собрала,
Вся сладость Сладостной свой голос вознесла.

Два сахарных замка сняла Ширин с жемчужин.
Стал сахар с жемчугом в одном звучанье дружен.

И пальма сладкая те финики дала,
Чья сладость финики терзала, как игла.

И сахар сладость слов — о молоко с хурмою! —
Почтя, сказал, что мед без них пойдет с сумою.

И сахар услышал: мир сахарный возник, —
И отряхнул полу от Хузистана вмиг.

Ее ведь Сладкою назвали, — и на диво
Беседу Сладкая вела сладкоречиво.

Ну что сказать еще? Да все, что хочешь, друг!
Пленял и птиц и рыб ее речений звук.

Когда уста Ширин свой сахар источали,
С поклоном леденцы Сладчайшую встречали.

Едва на сборище Ширин откроет рот, —
Сердца внимающих в полон она берет.

Сражала речью всех! От Сладкой оборона,
Клянусь, не найдена была б и для Платона.

В Ферхада слух вошла речь Сладостной, — и жар
В нем запылал, и дух в нем стал кипуч и яр.

Смятенная душа вздох извергает жгучий, —
И падает Ферхад, как падают в падучей.

Удар по темени Ферхада жег, — и он
Крутился, как змея, ударом оглушен.

Ширин, увидевши, что сердце у Ферхада,
Как птица трепеща, свой плен покинуть радо,

Взялась его лечить, но лишь сумела сеть,
Рассыпав зерна слов, вновь на него надеть.

«О мастер опытный, — услышал он от Сладкой, —
Ты разрешенною обрадуешь загадкой.

Желание мое, о мастер, таково,
Чтоб услужили мне твой ум и мастерство.

Ты, зная мудрый труд и замыслами смелый,
Сей заверши дворец своей рукой умелой.

Ведь стадо — далеко, а в молоке — нужда,
Дай талисман, чтоб нам иметь его всегда.

Меж стадом и дворцом в фарсанга два преграда:
Уступы скал, и в них проток устроить надо,

Чтоб пастухи в него вливали молоко,
Чтоб мы сказать могли: достали молоко»,

И, сладкоречия журчанию внимая,
Впал в немощность Ферхад, речей не понимая.

В свой жадный слух вбирать еще он маг слова,
Но что в них значилось, не знала голова.

Хотел заговорить — да нет! — умолк он сразу.
Он перст беспомощно прикладывает к глазу.

Он вопрошает слуг: «Что приключилось тут?
Я пьян, а пьяные как ошупью бредут.

Что говорила мне, мне говорите снова,
Что просит у меня, о том просите снова».

И слуги речь Ширин пересказали вновь,

По приказанию слова связали вновь.

Когда постиг Ферхад красавицы веленье,
Его запечатлел в душе он во мгновенье.

И в, мыслях приступил он к сложному труду,
Подумав: «Тонкое решение найду».

Он вышел, сжав кирку, за ремесло он снова
Взялся; служить любви рука его готова.

Так яростно дробил он мускулы земли,
Что скалы воском стать от рук его могли.

Был каждый взмах кирки, когда ломал он камень,
Достоин тех камней, чей драгоценный пламень.

Он рассекал гранит киркою, чтоб русло,
Что он вытесывал, *меж* кряжами прошло.

Лишь месяц миновал, — и путь, киркой пробитый,
Вместить бы смог поток в разъятые граниты.

От пастбища овец до замковых ворот
Он камни разместил, укладывая ход.

И так он все свершил, что водоемы рая
Пред ним простерлись бы, ступни его лобзая.

Так слитно ялитамн он выложил проток,
Что между плитами не лег бы волосок.

Ложбиной, созданной рукой творца умелой,
Сумели струи течь, гонимы дланью смелей.

Пусть кажется порой: безмерного труда
Рука преодолеть не сможет никогда.

Но сто булатных гор, воздвигнутых от века,
Сумеют разметать ладони человека.

Где то, чего б не смял всесильный род людской?!
Лишь смерти не сразить невечною рукой.

ПРИЕЗД ШИРИН К МЕСТУ РАБОТ ФЕРХАДА

И вот возникло то, что людям незнакомо:
Стекает молоко в пределы водоема.

И мастером Луне известие дано:
Водохранилище им сооружено.

И гурия, прибыв, всему дивясь глубоко,
Вкруг водоема шла, прошла и вдоль протока.

Ей мнилось: водоем и новое русло
Здесь только божество расположить могло.

Не дело смертного водоразделы рая,
Где бродят гурии, у млечных рек играя!

Услышал от Ширин хваление Ферхад:
«Да будешь промыслу божественному рад'!»

И счастлив он, призыв от луноликой слыша.
И был посажен он всех приближенных выше.

«Мне нечем наградить такое мастерство.
Тут и помощникам не сыщешь ничего».

У дивной меж камней, и в полумраке ясных,
В ушах светились две жемчужины прекрасных.

И каждая красой венцу была равна.
Дань города была — жемчужинам цена.

И серьги сняв, Ширин с пьянящею мольбою
Сказала: «О, прими! Продай ценой любой.

Когда смогу добыть я лучшее — ценой
Достойной оплачу все то, что предо мной».

Жемчужины приняв, их восхвалив, — проворно
Ферхад к ногам Ширин бросает эти зерна.

И устремился он, смиряя горе, в степь.
Слезами заливал он, словно море, степь.

Нет! Страстью не затмит он созданного дела!
Он ждал, чтоб даль его забвением одела.

ПЛАЧ ФЕРХАДА ОТ ЛЮБВИ К ШИРИН

Лишь сердцем к образу он Сладостной приник, —
Из сердца глубины любовь исторгла крик.

И вмиг все дни его мучительными стали.
И руки крепкие как бы навек устали.

И от людей бежать пришла ему пора.
Он падал, как больной, поднявшийся с одра.

В смятенье мчался он в ущелия и в степи.
И с ним врывался стон в ущелия и в степи.

Он, стройный кипарис, поникшей розой стал,
Как роза, в ста местах рубаху он порвал.

Рвя тернии с пути, он сгорбился. Несчастный
Шипы из ног своих вытаскивал всечасно.

Что нужды, что полу рвут терны, что от плеч,
Быть может, голову ему отторгнет меч.

Обуреваемый неудержимой страстью,
Он нетерпения охвачен был напастью.

Вокруг него нисар пурпуровый возник:
В тюльпанов заросли он обращал свой лик.

Рыданьем в воздухе свои он ставил мрежи.
Разбили небосвод и стон его, и скрежет.

Застигнутый огнем, рассудок изнемог,
Из сердца взвившийся огонь его обжег.

Сто смертоносных ран горят в груди Ферхада,
И дерзкая душа идти на гибель рада.

Для мук и бедствия он как бы стал метой.
Где грань страдания? Не сыщешь грани той.

Людей он избегал в краю сердечной смуты,
Как бы железа — див иль словно ведьма — руты.

Он рад беде, хоть взят печалью за полу:
Рад запустенью клад, забившийся во мглу.

Страдал он, снадобья от ярых мук не зная,
Как разомкнуть навек страданий круг, не зная.

И страстотерпец был безмерно одинок.
Был мир его друзей и спутников далек.

Страсть, сжав его в руках, в него впивалась взглядом.
И забывал Ферхад, что связан он с Ферхадом.

Он чашу бед своих направил бы к Ширин.
Да кто б отнес ее к Прекрасной? Он один.

И прячась и смущен хмельной любви загадкой,
Слова сладчайшие слагает он о Сладкой.

И, сердцеогненный и опьяненный, мнит,
Что сердце каждого подобный жар таит.

Тот, чей замучен дух пыланьем, полагает,
Что вся подлунная в пыланьях полыхает.

Лишь имя Сладостной всплывет в его мечтах, —
Упав, стократно он земной целует прах.

К ней обращая лик, не ведая надежды,
Он душу разрывал, как рвут свои одежды.

Как неумный конь, Ферхад снует вокруг,
И каждый дикий зверь для страждущего — друг.

Из шири, из силка для всех с пронзенным сердцем,
Шли звери, чтобы грусть делить со страстотерпцем.

Зверь землю подметал, другой — страдальцу смог
Для сна постлать траву, иной лежал у ног.

Ферхад с газелями делил уединенье,
А то с онаграми текли его мгновенья.

Он лани видел плач, свои с ней слезы слив.
Порой расчесывал он космы львиных грив.

Он жизни не берег, он был пресыщен миром,
Несчастье вокруг него тугим крутилось виром.

И радость, что могла б томление спугнуть,
Он гневно прогонял, храня свой скорбный путь.

И к горю, дружному с его стремленьем страстным,
Спешил он, как спешат, скача с конем запасным.

Он лика своего слезами мыл сафьян.
Он мнил: Сухейля свет глазам печальным дан.

Не спал он, хоть и вся спала вокруг природа.
Ведь если друга ждут, не преграждают входа.

Душа отвергла кладь, что называлась «я».
Он жил, чужую кладь в дому своем тая.

Он сбросить навсегда свое хотел бы тело,
И в теле друга быть — душа его хотела.

Но в клетке сломанной уж места птице нет.
Царь вышел воевать, огней в столице нет.

Так волю с волею иной связал он тугу,
Что отличить не мог двух слитых друг от друга.

Он, встретив пламень злой иль благодатный свет,

Лишь видел череду благих иль злых примет.

Вес образы вокруг он видел, как задачу,
И в них искал примет, вещающих удачу.

Но каждый любящий отвергнет знак дурной
Иль предназначит зло он для души иной.

И образ, будь он плох иль будь он сладок небу,
Пригодным сделает себе он на потребу.

Он к замку подходил в неделю только раз,
От замка Сладостной не отрывая глаз.

И вновь стремился он в спасительные степи,
Вновь славя давшую мучительные цепи.

И к млечному пруду в ночах, издалека
Он брел, что лань, и пил немного молока.

И нету для него иных желаний в мире...
Лишь этот водоем пред ним в подлунной шири.

И, не смыкая глаз, во тьме бродил он тут,
Где расположен был им выложенный пруд.

Стал сопричастен мир его любовным ранам:
Об одержимом весть раскинулась по странам.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ЛЮБВИ ФЕРХАДА

И передал царю один из царских слуг
То, что сказал ему его ближайший друг.

Он слышал, что Ферхад, рыдающий в пустыне,
Лишь о себе весь мир твердить заставил ныне,

Что устремления любовного напасть
В пустыню бедняка заставила попасть.

От страсти к красоте, что всем сжигает очи,
Стеная, бродит он во мраке долгой ночи.

Он говорит: «Душа из-за Ширин больна!»
И речь его громка, и всем она слышна.

Ни стрелы, ни мечи, разящие с размаха,
Ни старцы, ни юнцы в нем не рождают страха.

Но знаю: лишь душой привязан он к Луне,
Лишь слухом о красе довольствуясь вполне.

Серебротелую всечасно поминая,
Про самого себя не помнит он, стена.

В неделю раз он к ней приходит в замок; есть
Ему услада в том: о ней услышит весть.

Едва лишь внял Хосров нежданному рассказу,
К грабительнице душ страсть возрастает сразу.

В соревновании бойцы отважней бьют,
Два соловья нежней над розою поют.

Коль двое второпях становятся у, лавки,
Ты должен от купца ждать на товар надбавки.

Хосрова сердцу вновь ристалище дано:
Тот, сердце бросивший, с Хосровом заодно.

И по-иному шах заревновал подругу.
Придал соратник жар ревнивому недугу.

Все просит мысль его: «Ты делу помоги».
Не в глине ль он увяз? Не вытащить ноги!

Когда недуги нас охватят или скорби,
То стройный кипарис свой стан высокий сгорбит.

Очам болящего подмога не видна,
Ведь мысль болящего, как сам больной, больна.

Во здравье человек — и мысль его здорова,
А хил — всех дел его колеблется основа.

Врач, щупавший, леча, биенье многих жил,
В жару свой щупать пульс другому предложил.

СОВЕЩАНИЕ О ФЕРХАДЕ

И, отобрав людей из приближенной знати,
Шах в совещательной задумался палате.

«Как одержимого неистовство сдержать?
Как этой костью нам игровой сыграть?»

Коль сохранить его — мое погибнет дело.
Сразить невинного — мне честь не повелела.

В могуществе царя я мыслил быть один.
На праздник мой прийти решил простолюдин.

Прекрасною Луной мне празднество готово.
Безумца позвала, чтоб радовать Хосрова».

И дали мудрецы царю такой ответ:
«Удача лишь тебе свой зажигает свет.

И венценосные перед тобой во прахе.
И прахом ног твоих окрест клянутся шахи.

Да будут, слоено мир, твои бессмертны дни, —
Да счастьем вечному сопутствуют они!

Ему, чтоб для царя не стало вновь обузы,
Из золота скуем, не из железа, узы.

Ведь зелье от тоски — лишь золото, да, да.
Да! С золотом та смесь целебная всегда.

Ты призови его, ты в нем роди надежды,
Чтоб он на золото свои приподнял вежды,

За золото Ферхад и веру отметет,
За сладость звонкую от Сладкой отойдет.

Ведь с золотом мошна немало глаз гасила.
В железе от него оскудевала сила.

Коль золотой глупца не отмести метлой,
Тогда займи его работой над скалой.

Чтоб до поры, когда его иссякнет время,
Напрасно бы он бил в скалы гранитной темей.

ХОСРОВ ВЫЗЫВАЕТ К СЕБЕ ФЕРХАДА

И, речи выслушав, уж не бродя впотьмах,
Гор сокрушителя велел доставить шах.

И вот ввели его, могучего, как горы.
Вокруг стоял народ, в него вперяя взоры.

В страданье он склонил открытое чело.
Забвение всего на мощного нашло.

Он в тягостной тоске, в смятении глубоком
Стоял, овеянный неблагоприятным роком.

На шаха не взглянув и не взглянув на трон,
Ногами в прах, как лев, уперся крепко он.

Он, унесенный прочь томленьем по Прекрасной,
Счел думу о себе и о царе — напрасной.

Ферхаду мощному оказан был почет.

Предложенным дарам ты потерял бы счет.

Слоноподобный сел, почтен многообразно.
Ларь с золотом, как слон, вздымался для соблазна.

Но в госте яхонтов огни сохранены,
И золото и прах для чистого — равны.

Поняв, что лучший дар могучему не нужен,
Хосров разверз уста — ларец своих жемчужин.

На острые слова, что складывал Хосров,
Гость острые слова был складывать готов.

СПОР ХОСРОВА С ФЕРХАДОМ

Хосров спросил: «Ты кто? Тут все я знаю лица».
Ферхад: «Мой край далек, и Дружба — в нем столица».

Хосров: «Чем торг ведут, зайдя в такую даль?»
Ферхад: «Сдают сердца, взамен берут печаль».

Хосров: «Сдавать сердца — невыгодный обычай».
Ферхад: «В краю любви не каждые с добычей».

Хосров: «Ты сердцем яр. Опомнись спеша».
Ферхад: «Разгневан ты, я ж молвил — от души».

Хосров: «В любви к Ширин тебе какая радость?»
Ферхад: «Сладчайшая душе влюбленной — сладость».

Хосров: «Ты зришь ее всю ночь, как небосклон?»
Ферхад: «Когда усну. Но не доступен сон».

Хосров: «Когда гореть не станешь страстью злою?»
Ферхад: «Когда усну, прикрыв себя землею».

Хосров: «А если ты войдешь в ее чертог?»
Ферхад: «Я голову склоню у светлых ног».

Хосров: «А коль она твое поранит око?»
Ферхад: «Скажу: рази, второе — недалеко».

Хосров: «Когда б другой Прекрасную сыскал?»
Ферхад: «Узнал бы меч, хоть был бы тверже скал».

Хосров: «Коль к ней дойти тебе не станет мочи?»
Ферхад: «Что ж! Издали луна ласкает очи».

Хосров: «Быть вдалеке не надо от луны».
Ферхад: «Больным нужна ограда от луны».

Хосров: «Коль «все отдай» она промолвит строго?»

Ферхад: «Я с воплями прошу об этом бога».

Хосров: «Коль вымолвит: «Где ж голова твоя?»

Ферхад: «...то сей заем вмиг с шеи сброшу я».

Хосров: «Любовь к Ширин исторгни ты из тела».

Ферхад: «О, чья б душа погаснуть захотела?»

Хосров: «Найди покой, не жди благого дня».

Ферхад: «Спокойствие запретно для меня».

Хосров: «Твоя стезя — явить свое терпенье».

Ферхад: «Горя, нельзя явить свое терпенье» .

Хосров: «Стань терпелив, и в сердце будет свет»,

Ферхад: «Хотел бы я... да вот уж сердца нет».

Хосров: «Полно скорбей любви опасной дело».

Ферхад: «Чего милей любви всевластной дело?»

Хосров: «Ей сердце дал, хоть душу сбереги».

Ферхад: «Томлюсь. Душа и сердце — не враги».

Хосров: «Чего-нибудь страшишься в этой муке?»

Ферхад: «Лишь тягости мучительной разлуки».

Хосров: «Хотел бы ты наложницу? Ответь».

Ферхад: «Хотел бы я и жизни не иметь».

Хосров: «Зачем горишь в такой любви великой?»

Ферхад: «Осведомись у сладостного лика».

Хосров: «Ты принужден о Сладостной забыть».

Ферхад: «Но без души, нам сладостной, не жить!»

Хосров: «Она — моя, забудь, что в ней улада».

Ферхад: «Забвения не стало для Ферхада».

Хосров: «Коль встречу с ней, что скажешь мне — врагу?»

Ферхад: «Небесный свод я вздохом подожгу».

Что вымолвить в ответ, не ведал ум Хосрова.

И увидел Хосров: его бессильно слово.

И вымолвил друзьям: «Меж земнородных нет,

Умеющих бросать так огненно ответ.

Я золотом речей его не оплетаю.

Его, как золото, на камне испытаю».

И, как железный меч, он обнажил язык,
Чтоб к глыбе каменной алмаз кирки приник:

«Мы ищем путь прямой, удобный для дороги.
Нам трудно обходить окрестных гор отроги.

Ты в каменной горе пророй просторный путь,
Ведь он послужит мне, об этом не забудь.

Никто бы не сумел за это взяться дело,
Лишь знание твое его бы одолело.

Ты честью Сладостной мне поклянись; другой
Не знаю клятвы я такой же дорогой.

Ты должен выполнить большую просьбу эту.
Ты должен выполнить простую просьбу эту».

И многомогущий муж дает ему ответ:
«Я гору уберу, к тому преграды нет.

Давай условимся! Трудом займусь я старым,
Но обязательство я выполню не даром,

И сердце шахское мне клятву дать должно:
Пусть Сахар Сладостной с себя стряхнет оно».

Разгневался Хосров; едва лишь не простерла
Его рука булат, чтоб вражье ранить горло.

Но мыслит: «Не страшусь, хоть все ему суля.
Не взрыть ему горы — там скалы, не земля.

А хоть бы и земля, — и с ней не будет сладу!
А хоть бы взрыл ее, — куда снесет громаду?»

И быстро говорит: «Согласен я; когда
Забуду договор — да будет мне беда!

Яви в своем труде, стан подтянув потуже,
Всю силу, что живет в таком могучем муже».

И вымолвил Ферхад, не ведающий лжи;
«О справедливый шах; мне гору укажи!»

И подведен к горе, что Бисутуном ныне
Зовут, каменотес, терзавшийся в пустыне,

И явно, что Ферхад свой блеск не сохранит,
Что вся гора тверда, что вся гора — гранит.

Но с радостной душой, подбодренный Хосровом,

Шел разрыватель гор, горя порывом новым.

Взлетел он на гору, как бурный ветер яр,
И подпоясался, и первый дал удар.

И вот он с первым же руки своей движеньем
Стал покрывать скалу одним изображеньем:

Киркою стан Ширин он высек; так Мани
Свой украшал Эрженг, творя в былые дни.

И, лишнего киркой не совершая взмаха,
На царственном коне изобразил он шаха.

Так юная творить ему велела кровь.
Он был возвышенным, вела его — любовь.

Но с юным — злая весть должна коснуться слуха
Что сделала судьба — горбатая старуха!

РАССЕКАНИЕ ГОРЫ ФЕРХАДОМ И ЖАЛОБЫ ЕГО

Недолго высекал те образы Ферхад,
Был изваянием покрыт гранитый скат.

И рассекать скалу с утра до темной ночи
Он начал. Сладостной пред ним сияли очи.

Чтоб гору побороть, свою он поднял длань.
За гранью грозная откалывалась грань.

Ударит он киркой в расщелину гранита —
И башня тяжкая от стен его отбита.

Ударит — гору с гор руки низвергнет взмах,
Свержением громад людей ввергая в страх.

И яхонты сверлил алмазами ресниц он,
И гору умолял пред ним склониться ниц он:

«Гора! Хоть встала ты гранитною стеной,
Ты дружелюбней будь — рассыпсья предо мной.

Ну, в честь мою лицо ты раздери немного!
Дай, чтоб кирке моей везде была дорога!

А нет — клянусь Ширин! — кроша тебя, кроша,
Покуда будет жить во мне моя душа,

Тебя терзать начнет, клянусь, мое упрямство,
Поставлю душу я с тобой на ратоборство».

ШИРИН НАПРАВЛЯЕТСЯ К ГОРЕ БИСУТУН, И КОНЬ ЕЕ ПАДАЕТ

В один счастливый день тех благодных годин
Сидела меж подруг прекрасная Ширин.

И в дружеских речах, рожденных для улады,
Невзгод и радостей раскидывалиськлады.

Одна припомнила отраду прошлых дней,
И сердцем радостным все радовались с ней.

Другая, новых дней предсказывая сказку,
Грядущей радости придумала завязку.

Немало плавных слов, ласкающих сердца,
Подруги заплели — не видно и конца.

Но речь звенящая сцепляется не втуне:
Услышала Ширин слова о Бисутуне.

И молвит весело подательница благ:
«Я водрузить хочу на Бисутуне стяг.

Шепнула мне душа, что мне увидеть надо,
Как рушится скала под натиском Ферхада.

Быть может, искорка, ничтожная на вид,
От камня отлетев, мне сердце оживит».

И оседлать коня велит она, — и гибкий
Оседлан ветерок разубранною зыбкой:

Гульгун был далеко, — и, полного огня,
Другого взять Ширин позволила коня,

И скачет, заблестев весною золотою,
Красавицам Ягмы равняясь красотою,

И скачет, заблестев нарциссами очей.
Как сто охапок роз под россыпью лучей.

Пусть большей нежности, чем в ней, и не приснится.
Но на коне Ширин стремительна, как птица.

Она, что гурия, взлетела на седло,
Ничто с ней быстротой равняться не могло.

Вбивают гвозди в синь ее коня подковы,
И над землей она — бег небосвода новый.

Когда, разбрасывая мускус и несрин,
К горе, вся в серебре, подъехала Ширин,—

От блеска щек кремни раскопанного стана
Зажглись рубинами из копей Бадахшана.

К горокопателю, подобному горе,
Мчит гору гурия, сверкая в серебре.

Ее рубины чтя, покорный приговору,
Ферхад, как рудокоп, рубил упорно гору.

Как смерить мощь его, когда он рыл гранит?
И мер таких наш мир безмерных не хранит!

С гранитным сердцем друг бросал в него камень,
Но, чтобы гору срыть, он все напруг уменьше.

Сам с гору, гору рыл и днесь, как и вчера,
А горе перед ним, как Демавенд-гора.

Но для того отбил края он от гранита,
Что радости он ждал и милой от гранита.

Он омывал гранит рубином жарких слез.
Но час пришел: гранит к нему рубины взнес.

Когда же уст Ширин увидел он два лала, —
Пред ним сокровище в граните запылало.

Булат в его руке стал сердца горячей,
И стала вся скала, что глинистый ручей.

Одной рукой вздымал он, словно глину, камень,
Другой бил камнем в грудь, скрывающую пламень.

Вонзилась в грудь любовь; он видел светлый мир.
Что идол каменный! Ведь перед ним — кумир.

И с молоком в руке у Сладкоустой чаша.
И молвила она: «Испей во здравье наше».

И чаша Сладостной к устам поднесена.
И чаша сладкая осушена до дна.

Коль кравчий — Сладкая, — о счастья избыток!
Не только молоко, яд — сладостный напиток.

Рассудка этот пир влюбленного лишил,
И кравчий пиршество оставить порешил.

Стан Сладкой отягчен: парчи не гибки струи.

Конь Сладкой утомлен под гнетом пышной сбруи.

Будь золотой скакун, под нею той порой,
Все ж под серебряной склонился бы горой.

Конь, равный ветерку, что мчится лугом росным,
Упал под ездоком; своим жемчугоносным.

Но лишь увидел тот, в ком трепетала страсть,
Что с вихря милая готова наземь пасть, —

Коня усталого, отдавшийся порыву,
Он поднял над землей, схватив его за гриву.

Он в замок снес Ширин; Ферхадова рука
Обидеть не могла на ней и волоска.

И положил ее он на ковер, и снова
Он к Бисутуну шел, к труду опять готовый.

И вновь с киркою он, вернувшись из палат.
И те же камни вновь дробит его булат.

На горный кряж взошел, хоть сердце мучил пламень.
На кряже головой вновь бился он о камень.

Как лань, узревшая на высях призрак трав,
Он бросил солончак, на кладбище взбежав.

ХОСРОВ УЗНАЕТ О ПОЕЗДКЕ ШИРИН. ГИБЕЛЬ ФЕРХАДА

Вседневно хитростно искал владыка мира
Каких-нибудь вестей о действиях кумира.

Он больше тысячи лазутчиков имел.
Был каждому из них дан круг особых дел.

Лишь пальчиком Луна дотронется до носа,
Они спешат к царю для нового доноса.

Когда на Бисутун вошла Ширин и там
Узрела кряж сродни булатным крепостям, —

Все соглядатаи промолвили владыке:
«Ферхад увидел рай в ее прекрасном лице,

И сила дивная в Ферхаде возросла:
Силач взмахнет киркой — и валится скала.

Восторгом блещет он, в его душе разлитым.
Он, меж гранитных глыб, сам сделался гранитом.

Железом, что дробит угрюмых скал табун,
Сутулой сделает он гору Бисутун.

Воинственен, как лев, твой недоброжелатель
И рвет не даром кряж, ведь он — кладоискатель.

Лисица победит, в уловках зная толк,
Хоть в состязание с ней вступит сильный волк.

Хоть гряда ячменя увесистей динара,
Весы шепнут: «Динар, ты ячменю не пара».

Коль с месяц он свою еще промучит грудь, —
То из спины горы наружу выйдет путь».

И шах изнемогал от этой яркой схватки.
Как сохранить рубин? Не разрешить загадки!

И старцев он спросил, гоня кичливость прочь:
«Какими мерами могли бы вы помочь?»

И старцы молвили, не медля ни минуты:
«Коль хочешь, шахиншах, распутать эти пути,

Ты дай Ферхаду знать среди его вершин,
Что смерть внезапная похитила Ширин.

Немного, может быть, его ослабнут руки, —
И он прервет свой труд от этих слов разлуки».

И принялись искать глашатая беды,
Чей хмурый лоб хранит злосчастия следы,

Того, кто как мясник в крови вседневной сечи,
Того, кто из усов огонь смертельный мечет.

И вот научен он дурным словам; сулят
Иль золото ему, иль гибельный булат.

Идти на Бисутун, свершить худое дело
Он должен. Для него иного нет удела.

И дерзостный пошел, вот перед ним — Ферхад.
Кирку сжимала длань, не знавшая преград.

Ферхад, что дикий лев, с себя сорвавший путы.
Рыл гору он, как лев, напрягшийся и лютый.

О лике сладостном слагая песни, бил
Он яростно гранит; он словно пламень был.

Ферхаду вымолвил нежданного глашатай,
Как будто горестью неложною объаты»:

«Беспечный человек! Вокруг себя взгляни.
Зачем в неведение свои проводишь дни?»

Ферхад: «Я друга чту, и для него с охотой
Я время провожу, как видишь, за работой.

Того я друга чту, чьи сладостны слова
И кем на жизнь мою получены права».

И вот когда узнал горькоречивый вестник:
Тут ворожит Ширин — пленительный кудесник,

Он, тягостно вздохнув, сказал, потупя взгляд:
«О смерти Сладостной не извещен Ферхад!

О, горе нам! Когда сей кипарис веселый
Был сломлен бурей, подувшей в наши доли,

Мы амброю земли осыпали Луну,
Снесли дорогой слез на кладбище Весну.

И, прах похоронив прекрасной черноокой,
Направились домой мы в горести глубокой».

В Ферхада за клинком он направлял клинок,
Вздыхал за стоном стон, чтоб сильный изнемог.

Когда «О Сладкая! — сказать посмел. — О горе!» —
О, как такой вещун не онемел, о, горе!

Чье сердце этих тайн хотело б не хранить?
Внимал им или нет — не смеешь говорить!

Когда в Ферхадов слух метнули вестью злою, —
С вершины пал Ферхад тяжелою скалою.

Вздохнул Ферхад, и вздох был холоден: копье
Казалось, в грудь его вонзило острие.

Рыдая, молвил он: «Не зная облегченья,
Я ведал тяжкий труд, и смерть полна мученья.

Пускай пастух овец бесчисленных пасет,
Волк жертву нищего из стада унесет.

Да, цветнику сказал шербетчик, рвущий розу:
«Вернуть все взятое не забывай угрозу».

Проворный кипарис покрылся прахом! Ах,

Зачем же мне чело не осыпает прах?

Румяных лепестков развеяна станица!
Зачем же мне сады, когда вокруг — темница?

Уж пташка унеслась в край отдаленный свой!
Зачем же не кричу я тучей громовой?

Погас над миром свет, горевший звездным знаком!
Зачем же в этот день мир не покрылся мраком?

В небытии с Ширин свидание мое!
Я, не промедливши, уйду в небытие!»

Оповестил о ней он и моря и сушу,
И, прах поцеловав, свою он отдал душу.

Всем ведомо: судьбе иного дела нет,
Как души отнимать, гасить для смертных свет.

К злосчастному стремясь, рок позабыл о мере,—
И входят бедствия, все распахнувши двери.

Он видит: счастья нет, лишь горечь дни сулят:
Он вложит сахар в рот — тот обратится в яд.

За розу ухватясь, он скажет: «Ты близка мне».
Не росы на него посыплются, а камни.

Увидит бурный мир, увидит: мир — не гладь.
Из мира этого свою забрать бы кладь!

Поводья свесились, неудержимо время,
А юности нога попасть не может в стремя.

Свой рок преодолеть придет тебе пора,
Лишь только ты уйдешь из этого шатра.

В четвертых небесах прибудешь к серафимам,
Чтоб в сонме светочей все ж сделаться незримым.

Мир — див; храни свой дух — да будет скован див!
Дух добронравием от дива оградив.

Не делай для себя свой нрав суровый адом.
Пусть раем станет он, ведя других к уладам.

Коль человечен ты, послушай речь мою:
Не только в небесах, но ты и здесь — в раю.

О глаз! Беспечный глаз! Ты мир узри воочью.
Мир обними, как те, недремлющие ночью.

Как долго под землей ты будешь спать, о друг!
Крутящихся небес тебя забудет круг.

Лет пятьдесят игры злокозненной промчится,—
Сей костью глиняной доколь тебе кичиться?

Пусть и пять тысяч лет — срок воровской игры,—
Брось кость, ведь все равно играешь до поры.

Что крепче, чем кремь? Под ветра частым взмахом
Он все же стал песком, он стал зыбучим прахом.

О коврик кожаный — земля! И вновь и вновь
На этот коврик льют одну лишь только кровь!

Кровавые дожди впитала эта суша.
Кто мог бы из-под них спасти и Сиявуша?

В песчинках взвившихся, что закрутил бурун,
Несется Кей-Кобад иль мчится Феридун.

И людям не найти на всем земном покрове
Горсть глины без людской, людьми пролитой, крови.

Кто знает, что таил сей вековечный храм,
Счет вечерам его и счет его уграм?

Столетие пройдет — и все течет сначала.
Лишь век умчится прочь — уж век другой примчал.

И с веком человек свой также кончит век,
Чтоб он на сущность дней своих не поднял век.

Но что в крупицах дней среди тысячелетий
Увидеть сможешь ты иль услышать на свете?

Все ж и добро и зло в столетье каждом есть,
И в том для мудрого о некой тайне весть.

Коль ты не хочешь быть в гонении бескрайном,
Ты век не поучай другого века тайнам.

Чреда ночей и дней, что пегий конь, летит,
От бега времени ничто не защитит.

Хоть ты на сто наук свершил свои набеги,
Тобой не будет взят в поводья этот пегий.

Себя боготворить не должен ты, о нет!
Забвение себя — спасения завет.

Котел земли кипел по воле звезд, но что же?
Необработанной земля подобна коже.

Небес игорный дом, незримый для очей,
Все деньги отобрал у многих богачей.

Иль кажется тебе, что ты с невестой? Мудрый!
Мечту на ветер брось, не будь с сереброкудрой.

Быть может, грянет смерч, и злой его полет
Невесту — жизнь твою — с землею разведет.

Придет ли смерч иль нет, забудь свою усладу.
Не зажигай в ночи напрасную лампаду.

На горсти праха ты. В твоей горсти лишь прах.
Хоть руку для земли зажег бы ты впотьмах, —

Ей будет нипочем твою увидеть муку,
Ей не присыпать, нет, израненную руку!

Нам тягостная плоть созвездьями дана,
Так часто мучима недугами она!

Ведь с кровли прыгнуть вниз нетрудно. Только в злости
Твой неизбежный рок твои сломает кости.

Но люди, что во сне не ощущают тел,
Не смогут пострадать от многих сотен стрел.

Свое дыхание, что управляет нами,
Мы ветром осени прикармливаем сами.

Но мертв твой каждый вздох, когда в нем нет любви.
Твой каждой вздох сочтен; ты страстно проживи.

Ты, умирая, смерть встречай бесстрашным взглядом,
Но в страсти, человек, ты должен быть Ферхадом,

Любил, чтоб на кирку приладить рукоять,
Строитель дерево гранатовое брать.

Была ему кирка помощницею верной,
Всегда с подручною в борьбе его безмерной.

Когда его вещун тоскою захлестнул,—
Кирку он за гору в отчаянье метнул.

Кирка впилась в гранит, а рукоять отбило,—
Вошла во влажный прах, а после вот что было:

Гранатовый побег из рукояти взрос,

И, ставши деревом, гранаты он принес.

И каждый этот плод всех снадобий полезней.
И немощных любых излечит от болезней.

Не зрел их Низами, но измышлять не стал,
А в древней книге он об этом прочитал.

СМЕРТЬ МАРКАМ

Не радуйся, Хаким, так волили созвездья:
За все свои дела дождешься ты возмездья.

Знай, будет оценен поступок твой любой!
Рок препоясался — следит он за тобой.

Когда Хосров послал, все зная про Ферхада,
Ширин свое письмо, исполненное яда,

Так было сумрачным угодно небесам,
Чтоб в Руме царствовать не стала Мариам.

Твердят: «Отравы злой ее убила сила.
Ведь это месть Ширин, что также яд вкусила».

Но, истину блюдя, не слушай, что твердят:
Низвергнул Мариам лишь властной мысли яд.

Индусы, видел я, являли силу мысли, —
Вмиг листья свежие, как мертвые, повисли.

И, одурманив люд, они порой луну,
Как шар сияющий, бросали в вышину.

Лишь только Мариам прекрасная навеки
Замкнула сладкий рот и опустила веки, —

Как, ощутив себя уж не в ее руках,
Всю вольность прежнюю вкушает шахиншах.

Когда сторел престол — как дерево Марии;
Как пальма, шах расцвел, как «дерево Марии».

Но все же Мариам оказан был почет, —
И в сумрачном дворце день горестно течет.

И месяц шах провел в молитвенном обряде,
Не трогал тронных дел и в черном был наряде.

Лишь обо всем Ширин была извещена,
Почуяла меж роз и тернии она:

Ей было радостно свою оставить гневность, —
Ведь чистоту души уничтожает ревность.

Но все ж росли печаль и сокрушение в ней:
Прозрела Судный день за сменой смертных дней.

В течение месяца, чтоб быть душой с Хосровом,
Веселья под своим она не знала кровом.

А месяц миновал — и в душах нету ран,
И мир уже забыл свой горестный изъян.

И предалась Ширин уверенной надежде:
Пошлет ему письмо и вспыхнет он, как прежде.

Все, все слова души в него метнет она,
Как в почву сеятель бросает семена.

СОЧУВСТВЕННОЕ ПИСЬМО ШИРИН ХОСРОВУ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МАРИАМ, НАПИСАННОЕ В ОТМЕСТКУ

Взяла она калам; за первую вторая
Строка обдумана; реченья подбирая

Столь сладковейные, как майская листва,—
Так заплела она начальные слова:

«Во имя господа, что там, на звездном троне,
Прощает смертного, воздевшего ладони,

Владыки светлого небесной стороны, —
Кому служения людские не нужны.

Питая существа, с них не берет он платы.
И лал вправляет он в камней подземных латы.

И птиц на высях гор и тварь в глубинах рек
Он в горькую тоску ввергает не навек.

За добрые дела он все прощает людям,
Мы в бедствиях всегда к нему тянуться будем.

Все длань его взнесла — от Рыбы до Луны,
Он знает все дела — от Рыбы до Луны.

Два цвета знает он: в тьме — полночь, полдень — ярок.
То горький колоквинт, то сахар их подарок.

В дворце и золотом и черном слышит он
То свадебный напев, то стоны похорон.

Твоей невесте, шах, не стало в мире места,—
Не бойся: для тебя есть не одна невеста.

Она ушла во тьму, — была ведь не впотьмах:
Ведь ведала, что скор на пресыщенье шах.

Пусть лучше у него подруги нет на ложе, —
Ну что ж, насыщен он! Она ушла — ну что же!

Он снова бросит взор на розовый цветник
И молвит: «Предо мной цветок иной возник».

Грущу: ушла во мрак нежнейшая из кукол.
А свет ее, как всех, и нежил и баюкал.

О нежный сердцем шах, не плачь! Иль ты не рад,
Что клад укрыт в земле? Она была ведь — клад.

Ты горе не вкушай, тебя разрушит горе.
Ведь землю жесткую и ту иссушит горе.

Ах, сердце хрупкое от горя кто спасет?
Всех с этой нежностью во взоре кто спасет?

О шах! От Мариам ты отведи повода,
Не скажет и Иса, где все ее угода.

Пусть нежная жена сошла в подземный дол,
Не надо покидать свой царственный престол.

Ты в кубок лей вино, не лей в свой кубок слезы.
Горюя, новых бед накличешь ты угрозы.

Живи, покуда смерть не встала у ворот.
Пусть умерла она. Родившийся — умрет.

Смерть смертного узрев, не каждый будет в горе
Дни долгие влачить, — он все забудет вскоре,

Оставившим наш мир обиды не чини.
Терпения хотят — не слез хотят они.

Коль тело смертного подвергнется недугам, —
То власти царственной не быть к его услугам.

Что возносишь над ручьем ты вопли в вышину?
Пусть Тигр уменьшился на капельку одну.

Над Тигром пей вино, оно — твоя услада.
Одной корзины нет из всех корзин Багдада.

Души бессонницу дремотой потуши.

Ушедшая из глаз пусть выйдет из души.

Хоть стройный кипарис исчез из сада мира, —
Останься, ты — душа, ты — вся улада мира.

В почете должном будь, и вечно будь один.
Горит прекраснее единственный рубин.

Для солнца кто ровня? Назвать была б обида.
Два солнца чтить нельзя — таков устав Джемшида.

Двум птахам сладко спать под снегом зимних пург.
Ты должен быть один: ты — сказочный Онмург.

Утратил ценный дал, но ты ведь царь, и щедро
Бесценных лалов ряд тебе откроют недра.

Та голова ценней, с которой равной нет.
Ценней алмаз, чей свет — неповторимый свет.

Газель умчалась прочь; но, друг великолепий,
Газелей множество твои вмещают степи.

Пусть зернышко одно утратил твой хырман, —
Да будет целый ток тебе судьбою дан!

Пусть розы нет, — забудь, что есть на свете терны,
Мир воскресит цветы течением размерным.

Останься, пусть ушла румийская краса, —
Не плачь о Мариам: останется Иса».

ПОЕЗДКА ХОСРОВА К ЗАМКУ ШИРИН ПОД ПРЕДЛОГОМ ОХОТЫ

Лишь только свет воздвиг свой позлащенный стяг
И мрак он разогнал, как скопище бродяг, —

Припомнил царь: на дичь так радостна охота!
И счастья попытать пришла ему охота.

В душе была Ширин, как свет бывшего дня,
И в степи весело направил он коня.

Вот най, вот барабан! Гремят его раскаты, —
И закружился мир, веселием объятый.

Знаменоносцев ряд вздымает шелк знамен.
Кто смел, спешит к царю — ловитвою прельщен.

Царь блещет на коне. Как должно по обрядам,
Венчанный строй владык идет с Шебдизом рядом.

Шел слева Ниатус. Как он, забыв свой сан,
С рукою у седла шел справа богдыхан.

Пылает лик царя. Душа Хосрова рада,
И набекрень надел венец он Кей-Кубада.

И солнце молвило: «К ноге его прильну!»
А конь кольцо рабынь повесил на луну.

Как будто над луной зыбучей тучей вея,
Над головой царя струился стяг Кавея.

Все в золоте мечи вокруг царя горят, —
Как будто вкруг царя оград замкнулся ряд.

Сквозь них протиснуться — напрасная отвага.
Никто сквозь этот строй не мог бы сделать шага.

СВИДАНИЕ ХОСРОВА С ШИРИН

Узрев Луну, что свет простерла по округам,
Для тополя сего он сердце сделал лугом.

Увидев гурию, что здесь, в земном краю,
Ворота заперла, как гурия в раю.

Увидев светлый ум, готовый к обороне,
Чуть не повергся в прах сверкающий на троне.

И с трона он вскочил, чтоб вмиг облобызать
Пред ней свои персты, — и сел на трон опять.

С мольбой о милости он к ней приподнял длани,
Он осыпал ее сладостями пожеланий:

«Как тополь, ты стройна, юна и хороша.
Да будет радостна всегда твоя душа!

Твое лицо — заря; с ним блещет вся природа.
Ты — стройный кипарис, опора небосвода.

От свежести твоей во мне весенний свет.
Поработил меня учтивый твой привет.

Ты ткани и ковры постлала по дорогам,
И мчался я к тебе, как будто бы чертогом.

Ушных подковок лал, исполненный огня,
Дала ты для подков мне верного коня.

За ценным даром вновь я одарен был даром;

От жарких яхонтов мой лик пылает жаром.

Ты — россыпь радостей! Как лучший дар возник
Передо мной твой лик! Да светится твой лик!

Я — молоко, ты — мед. Твои усладны речи.
И выполнила ты обряд почетной встречи.

Но для чего врата замкнула на замок?
Ошиблась ты иль здесь мне что-то невдомек?

Меня назначила ты в плен земле и водам —
Сама же в высоте явилась небосводом.

Но я не говорил, что, мол, вознесена
Хосрова мощь над той, что светит, как луна.

Нет, я ведь только гость. Гостей приезжих взоры
Не упираются в железные затворы.

Опасным пришлецом могу ли быть и я?
Ведь для меня лишь ты — источник бытия!

Приветливых гостей, приблизившихся к дому,
Высокородные встречают по-иному.

Ведь если смертен я, — ты также не пери,
И с райских жительниц примера не бери».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХОСРОВА ОТ ЗАМКА ШИРИН

Уж солнце, как газель хотанскую, уводит
Веревка мрака в ночь, и вот на небосводе

Газелей маленьких за рядом вьется ряд, —
То звезды на лугу полуночном горят.

Царь, что газель, в чью грудь стрела вошла глубоко,
Внял яростным словам Ширин газелеокой.

И хлопья снежные помчались в мрак ночной,
И капельки дождя мелькали, как весной.

От горести гора слезливой стала глиной.
И сердце ежилось, бредя ночной долиной.

Снег, словно серебро, пронзал окрестный мрак;
И на Шебдиза пал серебряный чепрак.

Звучал упреками Хосрова громкий голос,
Черноволосую не тронув ни на волос!

Как долго он молил, как жарко! Для чего?
Сто слов — да не годны! Все! Все до одного!

Молил он и вздыхал — был словно пьян — все глубже
Вонзались стрелы в грудь — о, сколько ран! — все глубже.

И вот еще текла в своем ненастье ночь,
А царь, нахмурившись, от врат поехал прочь.

То он к Шебдизу ник, то, будто от недуга
Очнувшись, все хлестал и торопил он друга.

Он оборачивал лицо свое к Ширин,
Но ехал, ехал прочь. Он был один! Один!

И ночи больше нет — ее распалась риза,
Но нет и сильных рук, чтоб направлять Шебдиза.

Царь воздыханья вез, как путевой припас;
Он гроздя жемчуга на розы лил из глаз.

«Когда бы встретил я, — так восклицал он в горе,
Колодезь путевой, иль встретил бы я взгорье»

Я спешил бы здесь, и я б не горевал,
Навеки близ Ширин раскинувши привал»,

То вскинет руки царь, то у него нет мочи
Не плакать, — и платком он прикрывает очи.

И вот военный стан. Царем придержан конь,
А сердце у царя как вьющийся огонь.

Серебряный цветок освободили тучи,
И месяц заблистал над этой мглой летучей.

И царь вознес шатер до блещущих небес,
Для входа подвязав края его завес.

Но не прельщался царь всей прелестью вселенной,
Он сердце рвал свое, как рвет одежды пленный.

Он, позабыв покой, сжав пальцами виски,
Не поднимал чела с колен своей тоски.

Придворным, и ловцам, и стражам, и дестурам
Царь повелел уйти; остался он с Шапуrom.

Как живопись творя, стлал пред царем Шапур
Узоры, говоря: «Не будь, владыка, хмур».

На пламень горести он лил благую влагу.

Смеяться в горький час имел Шапур отвагу.

«Тебя от горечи хочу я уберечь:
Поверь, нежна Ширин. Ее притворна речь.

Столь омрачившимся останешься доколе?
Ты рвешься к финикам, ты знай — и пальма колет».

Хосров — он не сводил с Шапура жадных глаз —
Обильным жалобам открыл потайный лаз:

«Ведь видел ты, с какой пришла ко мне отравой
Та, что весь мир смутит улыбкою лукавой?

И бог не страшен ей! Смела, дерзка она!
Ну что же, женщина — так значит нескромна.

Я шапку снял пред ней и бросил пред собою.
Как стройный кипарис, я встал пред ней с мольбою.

Но оттолкнула трон с порфиною она,
Ствол царственный снесла секирою она.

В мороз ее душа не сделалась горячей.
Ее безжалостность увидел каждый зрячий.

И речь ее была — секира и стрела.
В словах почтительных так много было зла.

Есть тернии в любви, но в этот час вечерний
Без меры я познал уколы этих терний.

Но и в моей груди ведь тоже сердце есть.
И злоба тоже ведь у страстотерпца есть.

Пусть как Харут она, слетевший с небосклона,
Пусть в родинке ее все чары Вавилона,

Но так был холоден ее зимы налет,
Что для меня Ширин уж не Ширин, а лед.

Но от моей любви, терпевшей поношенья,
Мне ведом — О Шапур! — источник утешенья!

Ребенка скверный нрав известен мамке.
Нет Соседа, чтоб не знал, каков его сосед.

Ширин — мой тайный враг! Мрак под личиной света.
Таится ненависть под нежностью привета.

Как жаден был мой пыл, как был напрасен он!
И вот, отверженный, рассудка я лишен.

Не слушала она: крутилась непогода;
И речь моя текла как будто больше года.

Мне в тьме полуночной свечи не принесла.
Бальзама мне от ран в ночи не принесла.

Хоть, встретить Сладкую для каждого отрада,
Хоть сладостна Ширин, — мне новых встреч не надо!

Ведь встреча всех обид мне не искупит, нет!
Ведь с горьким вкусом хлеб никто не купит! Нет!

Быть под ногой слона, быть мертвым на кладбище
Отрадней, чем просить у злого скряги пищи.

Быть лучше под водой, быть рыбой, чем свои
Моления нести в пристанище змеи.

Отрадней землю рыть. Да! Лишь не довелось бы
В дом недостойною свои направить просьбы!

Жемчужин чистых блеск не в чистых ли морях?
Кто роет черный прах — найдет лишь черный прах.

Покинь пустую копь! Иль, чтоб душа угасла,
Мне быть светильником, в котором нету масла?!

Жизнь стоит ли вручать той прихотливой, той
Лукавой, для кого она лишь звук пустой?

Клянусь, еще таит подлунная долина
С павлином равную подругу для павлина».

СВАДЬБА ХОСРОВА И ШИРИН

Всем розам небеса, сперва сказав: «Пробудим
Вас в день весны», — потом их предлагают людям.

Великий рок, венцу жемчужины даря,
Венец в жемчужинах наденет на царя.

Пловцы ныряют вглубь на поиски жемчужин,
Чтоб стал жемчужин блеск с венцом царевым дружен.

Став слаще, чем джуляб, прекрасней, чем пери,
Ширин, позвав царя, промолвила: «Бери,

Пей сладкий кубок мой, пребудь в истоме сладкой,
Ты сладостно забудь все в мире, кроме Сладкой».

В словах, являющих величие и честь,

Ширин потайную царю послала весть:

«Не прикасайся ты сегодня ночью к чаше:
Два опьянения не входят в сердце наше.

Что яство для людей, чей ум затмит вино?
Поймет ли — солоно ль, не солоно ль оно?

Хмельной, найдя все то, к чему стремился страстно,
Промолвит: «Я был пьян, все бывшее — неясно».

И те, что во хмелю откроют свой замок,
Потом бронят воров, и всем им невдомек».

По нраву эта весть пришлась владыке мира.
«Исполню, — молвил он, — веление кумира».

Но пьют в веселый день!.. Будь сломлена печать!
Себя на празднике не надо огорчать!

Пел снова Некиса, бренчал бербет Барбеда,—
Звенела над Зухре их нежная победа.

То, полный сладости, пел мелодичный руд:
«Пусть длятся радости, пусть чаши все берут!»

То кубок прозвенит, сверкая пред Барбедом:
«Всегда удачи свет тебе да будет ведом!»

И в сладостных мечтах о сладостной Ширин
Хосров испробовал немало терпких вин.

И промежутки царь все делает короче
Меж кубками. И вот проходит четверть ночи.

Когда же должен был, почтителен и тих,
К невесте царственной проследовать жених, —

Его, лежащего без памяти и речи,
К ней понесли рабы, подняв к себе на плечи.

И вот глядит Ширин: безвольный, допьяна
Царь упоен вином. Себя укрыв, она

Тому, кто все забыв, лежит как бы сраженный,
Другую милую отдаст сегодня в жены.

Она схитрила, что ж, — ты так же поступай
С тем, кто придет к тебе, упившись через край.

Из рода матери всегда жила при Сладкой
Старуха. Словно волк была она повадкой.

И с чем ее сравнить? О диво! О краса!
Скажу: как старая была она лиса.

Две груди старая, как бурдюки, носила.
И плеч ушла краса, колен исчезла сила.

Как лук изогнутый» была искривлена
С шагренью схожая, шершавая спина.

Ханзол, несущий смерть! Кто глянул бы не косо
На щеки, — в волосках два колющих кокоса.

Ширин, надев наряд на это существо,
Послала дряхлую к Парвизу для того,

Чтоб знать, насколько царь повержен в хмель могучий
И сможет ли Луну он отличить от тучи.

Старуха полого раздвинула края,—
Как будто из норы к царю вползла змея.

Как сумрак хмурая — таких не встретишь часто,—
Была беззубая, но все ж была зубаста.

Царю, когда к нему вошла сия лиса,
Уже овчинкою казались небеса.

Но все ж он мог понять, — он на усладу падкий:
Не так весенние ступают куропатки.

Не феникс близится — ворону видит он.
Влез в паланкин Луны чудовищный дракон.

«В безумстве я иль сплю? — он прошептал со стоном.
Где ж поклоняются вот таким драконам?

Вот кислолицая! Горбунья! Что за статья!
Да как же горькая сумела Сладкой стать?»

Хосрова голова пошла как будто кругом.
Решил он: сей карге он сделался супругом.

...Старуший слышен крик... Промолвила Луна:
«Спасти ее!» И вот к царю идет она.

К лицу прибавив семь искусных украшений,
Откинув семь завес, вошла; плавней движений

Не видел мир. Пред ней — ничто и табарзад.
Вся сладость перед ней свой потупляет взгляд.

Она — что кипарис, сладчайший из созданий.
Она — сама луна, закутанная в ткани.

Что солнце перед ней, хотя она луна!
Ста драгоценней стран подобная весна!

Подобной красоты мир не смущали чары.
Все розы в ней одной, в ней сладости — харвары.

Она — цветы весны. О них промолвишь ты:
Одним счастливым, зная, подобные цветы!

Блестящий Муштари пред ней померкнет. Пава
Пред павною Ширин совсем не величава.

Ее уста — любовь. О, как их пурпур густ!
Но все ж ее уста еще не знали уст.

Весь Туркестан попал в силок ее дурмана.
Лобзания Ширин ценнее Хузистана.

О розы свежих щек! Состав из роз, взгляни,
Заплакал от стыда; его печальны дни.

Ты, томный взор, нанес сердцам несчастным раны!
О поволока глаз! Ты грабишь караваны!

Ширин! Ведь ты вино: уносишь ты печаль.
Нет горя там, где ты. Оно уходит вдаль.

О сахар сахара, о роза роз! О боже!
Она явилась в мир сама с собою схожей.

И царь протер глаза: они ослеплены.
Так бесноватых жжет сияние луны.

И, как безумцы все, смущен он был Луною
И хмеля сонного затянут глубиною.

...И пробудился царь. Ночи свершился ход.
Царь видит пред собой наисладчайший плод.

Невесту светлую ему послало небо, —
Пылающий очаг, назначенный для хлеба.

Ушел небиза хмель за тридевять земель.
Сладчайший поцелуй согнал с Парвиза хмель,

Он словно вин испил необычайных, новых.
И сад расцветших роз был сжат в руках царевых.

Лишь покрывало с уст, как эта ночь, ушло, —

Терпение царя мгновенно прочь ушло.

Краса весь разум наш вмиг обратит в останки.
Мани своим вином отравят китайнки.

Ворвался в Хузистан в неистовстве ходжа,
Лобзаний табарзад похитил он, дрожа.

Таких рассветных вин, как эти, — не бывало.
Таких блаженных зорь на свете — не бывало!

И начал он собирать охапки сладких роз.
И сам он розой стал в часы веселых гроз,

И молвил он любви, что миг пришел, что надо
Уже вкушать плоды раскрывшегося сада.

То яблоч, то гранат он брал себе к вину,
То говорил, смеясь: «К жасмину я прильну».

И вот уже слились два розовых их стана.
И две души слились, как розы Гюлистана.

Сок розы в чашу пал, о радости моля
И сахар таять мог в плену у миндаля.

Так сутки протекали, и вот вторые сутки.
Нарцисс с фиалкой спят, и сладок сон их чуткий.

Так два павлина спят в тиши ночных долин...
Поистине красив склонившийся павлин!

Они, покинув сон, прогнав ночные тени,
Послали небесам немало восхвалений.

И, тело жаркое очистивши водой,
Молитвы должны свершили чередой.

Все близкие к тому, кто был на царском троне,
Окраской свадебной окрасили ладони:

В хне руки Сементурк, в хне руки Хумаюн,
В хне руки Хумейлы, и лик их счастья — юн.

Однажды царь сидел в своем покое, взглядом
Окидывая дев, с ним восседавших рядом.

Им драгоценности он роздал. Запылал
В их ожерелиях за лалом рдяный лал.

Он отдал Хумаюн Шапуру, — сладким садом
Его он наградил, сладчайшим табарзадом.

Затем дал Хумейлу царь Некисе, а вслед
Красотку Сементурк в дар получил Барбед.

Ну а Хотан-Хотун премудрую и видом
Прелестную Хосров связал с Бузург-Умидом.

С почетом отдал царь Шапуру всю страну,
В которой некогда цвела Михин-Бану.

Когда вступил Шапур в предел своих владений,
В них множество воздвиг прославленных строений.

Та крепость в Дизакне, чья слава немала,
Шапуром, говорят, построена была.

И одаряет вновь всей радостью Хосрова
Благожелательство небесного покрова.

Свершенья, молодость и царство — лучших уз
Вовек не видел мир, чем их тройной союз.

И дня без лютни нет, и ночи нет без кубка...
Все в мирных днях забыть — нет правильной поступка.

Лишь радости вкушай, их так приятен вкус,—
И огорчений злых забудешь ты укус.

Он пил, дарил миры, он радовал народы.
И в наслаждениях текли за годом годы.

Когда ж прошли года и духом он прозрел,
То устыдился он всех дерзновенных дел.

И белый волос стал у щек неожиданным стражем.
«О молодость, прощай!» — его увидев, скажем.

Быть в мире иль не быть? Граница — волосок,
И волосок — седой. И час твой — недалек.

Для взора смертного все чернотой одето —
Лишь только до зари, до вспыхнувшего света.

Мы греемся в саду, пока снежинок рой
Не ляжет на листву серебристой камфорой.

Постигни молодость! Она — пыланье страсти.
Весь мир, вкушая страсть, в ее всесильной власти.

Но седовласый рок возьмет права, и он
Твою изгонит страсть. Таков его закон.

«Как быть? — у старика спросил красавчик с жаром.
Ведь милая сбежит, когда я буду старым».

И отвечал старик, уже вкушавший тишь:
«Друг, в старости ты сам от милой убежишь».

Коль ртуть на голове — она бежит от мира,
Бежит от серебра напрасного кумира.

От мрака локонов печаль умчится вдаль.
Черноволосых взор — пугает он печаль.

Войска тоски бегут перед тобой, нубиец.
Ведь только радуясь, живет любой нубиец.

Окраска черная глазам на пользу: рьян
И радостен, юнец стремится в Индостан.

Все понял царь и внял он белому жасмину.
Он в юных днях — как я — постиг свою кончину.

Хотя Хосров сдержал любой бы свой обет,
Но мир обманывал, и царь страшился бед.

То на золотой доске он в нард играл, то бегом
Шебдиза тешился, былым отдавшись негам.

То он Барбеда звал, то слушал водомет,
То обнимал Ширин, как бы вкушая мед.

Ширин и царский трон, Барбед и бег Шебдиза —
Излюбленный предел всех радостей Парвиза.

И вспомнил он, — смутясь, все предвещавший сон,
И сад его души был мраком полонен.

Все то, что создали, он знал, земля и воды,
Хоть так прекрасно все, сотрут, разрушат годы,

До полнолуния растут лучи луны,
Потом — уменьшатся, потом — уж не видны.

Я дереву в саду, в саду плодовом внемлю:
«Созревшие плоды повергну я на землю».

НАСТАВЛЕНИЯ ШИРИН ХОСРОВУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЗНАНИИ

Был светлый день; Ширин про мудрость, про дела
Правления с царем беседу повела:

«О царь, есть мудрецы по их направься следу!

О справедливости давай вести беседу.

Стремился долго ты мечты осуществлять,
Ты чаянья свои осуществишь опять.

Ты милостиво дал цвести твоим пределам,
Но их не погуби несправедливым делом.

Страшись! Отшельники молитвословный жар
Вздывают с просьбою о ниспослание кар.

И старой женщины молитва на рассвете
Тебя за это все в тугие схватит сети.

Без пользы закричишь, горе глаза воздев,
Когда тебя сметет их справедливый гнев.

Был древле ряд зеркал в руках владык взнесенных
Зеркал, затмившихся от вздохов угнетенных.

Когда счастливым дням с тобой не по пути,
Удачу не во всем сумеешь ты найти.

Когда листок древес уже свисает хилый,
В нем с ветром осени бороться нету силы.

Насилий не чини, не угнетай свой край
И подданных своих приветливо ласкай.

Я в страхе: может быть, то повторится снова,
Что некий царь сказал. Его я помню слово:

«Я счастьем был храним, — оно ушло, и вот
Оковы разомкнул озлобленный народ»,

Он думал, что народ был обделен вселенной.
Он думал, что владел один лишь он вселенной.

Чванливо думая, что в жизни все течет
Лишь только для него, — утратил он почет,

Другой счастливец встал — и царь, всем несший муку,
С напрасною мольбой протягивает руку,

А если б не язвил он сотней жал народ,
Его бы одного всегда желал народ.

Ты знаньем овладел и царством целым тоже,
Ты с черным волосом, но ведь и с белым тоже.

Будь к вечности готов, дни хрупки и легки...
Недолог твой привал — увязывай тюки.

Ты золото с серебром сольешь в единый слиток,
Но Судный день сотрет сокровищ преизбыток.

Храни тебя господь, но все же посмотри,
Что унесли с собой ушедшие цари?

Когда хранишь свой скarb, то он твой враг и мститель.
Раздашь его — и он твоих путей хранитель.

Ты летопись прочти: где Дарий, где Джемшид?
Всех солнечный огонь посменно сокрушит!

Напевов девяти внимая всем уладам,
Ты умудрай свой дух их сокровенным ладом».

ОПИСАНИЕ ШИРУЙЕ И КОНЦА ЦАРСТВОВАНИЯ ХОСРОВА

Хосров премудрости достигнул высоты,
И наглухо забил он лавку суеты.

Был у Хосрова сын от Мариам. С пеленок,
Дыша, он дурно пах. Казалось — это львенок.

Он звался Шируйе. Знал я и ведал свет,
Что он, когда ему лишь девять было лет,

Промолвил про Ширин во дни отцовской свадьбы:
«Ширин под пару мне! Вот мне кого поймать бы!»

О вере ли его поведать, о любви,
Про знание иль про злость, горящую в крови?

Весь наполнял дворец он мрачным дымным смрадом.
И на него Хосров взирал суровым взглядом.

И так сказал Хосров: «Мудрец Бузург-Умид!
От сына этого душа моя скорбит.

Он отвратителен, а в некие минуты
И страшен. От него в грядущем ладу я смуты.

Злокознен он, как волк, что рыщет, что не сыт:
Он и для матери опасности таит.

Хорошего не ждать от тех, кто полой скверны.
Все в пепел обратит огонь такой неверный.

Кого бы речью он сумел к себе привлечь?
Ему лишь самому его приятна речь.

Нет фарра, сана в нем. В нем только смрад пожара.
Он на фарсанг бежит от сана и от фарра.

Он дым, всклубившийся из моего огня.
И, мною порожден, бежит он от меня.

Я голову в венце вознес над целым светом,
Но, коль наследник он, — какая польза в этом?

Не любит он Ширин, сестер не любит он.
И, глядя на меня, он злобой омрачен.

Что красота ему! Он — что осел: закрыто,
Ослу прекрасное. Ему милей корыто.

Змееныш мной рожден, так, стало быть, и я, —
Наверно, думает мой «славный» сын — змея.

Чтоб сделаться плодом, цветок возник не каждый.
И сладость сахара сокрыл тростник не каждый.

В былом отцеубийц немало я найду.
Железо — из руды и все же бьет руду.

И множество чужих с врожденным чувством чести
Нам ближе, чем родня, исполненная лести».

«О прозорливый шах! — сказал Бузург-Умид. —
Твой ум — познать и свет и тьму тебя стремится.

Пускай твоя душа в нем злое примечала.
Но сущности твоей в нем кроются начала.

Ты с сыном не враждуй, на нем твоя печать,
От кровной связи кровь не надо отлучать.

Никто не станет, шах, бить деревцо граната, —
В венце своих плодов горит оно богато.

А тута деревцо и треплют и трясут, —
Ведь головою вниз детей повесил тут.

Ты благ — и сын твой благ. Ведь слепок самый точный.
Сажаемый чеснок — и выросший плод чесночный.

Когда кроют парчу, владыка, то к чему
Обрезки отвергать? — Берут их на кайму.

Пускай строптив твой сын, забудь свои невзгоды.
Строптивость не страшна — ее смиряют годы.

Он юн. Но буйных дней промчится череда, —

От буйства в старости не станет и следа».

ХОСРОВ УЕДИНЯЕТСЯ В ХРАМ ОГНЯ. ШИРУЙЕ ЗАКЛЮЧАЕТ ЕГО В ТЕМНИЦУ

Решает царь Хосров, уже усталый телом,
Что должен храм огня быть царственным пределом,

Что суеты мирской забыть он должен след,
И лишь огню служить, как праведный мобед.

И в храм ушел Хосров, земному чуждый долу.
И прыгнул Шируйе, как лев, к его престолу.

Ликует львенок, пьет, — сильна его рука,
Но все ж за шахом он следит исподтишка.

И вот отвергшему житейские обузы
Он мрак темничный дал, дал не свободу — узы.

Он злобствовал: блестел зубов его оскал.
И лишь одну Ширин к царю он допускал.

Но говорил Хосров: «Я пью живую воду:
С Ширин и в сотнях уз я чувствую свободу!»

И молвил царь Луне, ему подавшей пить:
«Ты не грусти, Ширин, так может с каждым быть.

Но грянувших ветров нежданные оравы
Терзают кипарис, им незаметны травы.

Стрела, возжаждавши желанного достичь,
Всегда охотится на избранную дичь.

Землетрясение раскалывает горы, —
Возвышенным страшны созвездий приговоры.

Пусть счастья больше нет, твое участие — есть.
Но если ты со мной, то, значит, счастье — есть».

И сладкоустая чело к нему склоняла,
И от чела его печали отгоняла:

«Текут дни радости, дни плача — чередой,
За неудачею удача — чередой.

Коль рок смешает все в неистовстве упорном,
Погибнет тот, кто все увидит в свете черном.

Ты цепи мыслей злых из разума гони, —
С цепями на ногах свои проводишь дни.

Чтоб рок свой победить, в тебе не хватит силы, —
Но многие спаслись и на краю могилы.

Не всех здоровых, верь, минует страшный жар,
Не каждый жар больных — погибельный пожар.

Порою думаешь: замок ты видишь сложный, —
Глядь, это не замок; ты видишь ключ надежный.

Очисть премудрый дух, забудь свою тоску.
Ведь к горю горе льнет, как влага льнет к песку.

Кто трон твой захватил? Ведь это лишь Муканна, —
Он сотворит луну для вящего обмана.

Но с этакой луной мир все же будет мглист:
Его не озарит железа круглый лист.

В стране, где черный дух во все проникнул тьмою,
Снежинки черными покажутся зимою.

Бесчинствам не дивись, будь стойким-до конца, —
Встречай насмешкою деяния глупца.

Бесстыдны наши дни, им в совести— нет нужды.
Чуждайся этих дней, они величью чужды.

К кому по совести относится наш свет?
К тому, что не рожден и в ком уж жизни нет.

Кто на века войдет в непрочную обитель?
Так не грусти, что в ней и ты не вечный житель.

Когда бы мир забыл про смену дней, про тлен, —
То не было бы, верь, и в царствах перемен.

Хосрову небеса, крутясь все снова, снова,
Трон царский отдали, забыв про Кей-Хосрова.

И розовый цветок, украсивший цветник,
Блеснул слезой росы, но тотчас же поник.

Утративши блага, что ценит наше племя,
Вздыхни и вымолви: «С меня свалилось бремя».

Пусть ценится людьми все, что имеешь ты,
Пушай твой скарб возьмут, но уцелеешь ты!

Влекомый к радости, ты с лютней схож. Невольно
Вскричишь: когда колки подкручивают — больно.

Как сладко не иметь заботы никакой!
Из всех мирских улад всех сладостней покой.

Дремли, коль у тебя вода с краюхой хлеба.
Беспечность — вот страна под ясным светом неба.

Ты голову держи поднятою всегда.
О ней заботиться — тяжелая беда!

Пусть в крепких узах ты, пусть ты в кругу ограды,
Ведь крепко берегут сокровища и клады.

Ты не считай, что ты низвергнут с высоты.
Два мира — два твоих везира. Ты есть ты.

Ты — сердце мира, царь! Для плеч твоих — порфира.
И снова ты в игре свой вырвешь мяч у мира.

Ты избран меж людьми! Творец, тебя любя,
Весь мир сверкающий раскинул для тебя.

Будь радостен! Забудь тоску земного дола!
Что этот плен венца! Что этот плен престола!

Для царства сделай ты, печали отстраня,
Престолом — целый мир, венцом — светило дня».

И царь внимал Ширин. И каждое реченье
Одушевляло дней поспешное течение.

И чтобы скорбь царя утишить, превозмочь,
Не раз Ширин с царем всю коротала ночь.

ШИРУЙЕ УБИВАЕТ ХОСРОВА

Полуночь, скрыв луну, как будто гуль двурогий,
Сбивает небеса с назначенной дороги.

Бессильны времена, хоть мощь у них и есть.
И слепы небеса, хоть звездных глаз не счесть.

Ширин стопы царя в цепях червонных, пени
Сдержав, взяла к себе на белые колени.

И сладостный кумир с цепями черных кос
На золотую цепь ронял алмазы слез.

Прекрасная стопы, натертые до крови,
Ласкала и, склонясь, к ним прижимала брови.

Журчала речь ее, как струй чуть слышных звон:
Под звуки нежных слов нисходит сладкий сон.

И в слух царя лила, лила она усладу.
Слова царя в ответ к ее склонялись ладу.

Когда уснул Хосров, когда умолкнул он,
Передался Ширин его спокойный сон.

Спит нежная чета, а звездные узоры
Свои бесстыдные на них бросают взоры.

Хотела крикнуть ночь: «Злодейство у ворот!»,
Но мгла гвоздями звезд ее забила рот.

И бес сквозь роузан, взор устремивши книзу,
Уже пускается к Сладчайшей и к Парвизу.

Он беспощадностью похож на мясника.
Рот — пламень, а усы — два черные клинка.

Как вор укрытый клад, глядя сурово, ищет —
Так ложе царское, так он Хосрова ищет.

Нашел... и пересек он тяжестью меча
Хосрова печень... Так! Погашена свеча!

И крови под мечом взметнулся ток летучий,
Как пурпур молнии бросается из тучи.

И, разлучив чету, сей бес, удачей пьян,
Как сумрачный орел, взметнулся в роузан.

И царь, в блаженном сне погубленный навеки,
Все ж приоткрыл уста и чуть приподнял веки.

Весь кровью он залит... Глядит он, чуть дыша...
Смертельной жаждою горит его душа.

Подумал царь: «Ширин — жемчужину жемчужин
Я пробужу, скажу: глоток воды мне нужен».

Но тут же вспомнил тот, чей взор покрыла мгла.
Что множество ночей царица не спала.

«Когда она поймет, к какой пришел я грани, —
Ей будет не до сна среди ее стенаний.

Нет, пусть молчат уста, пусть дышит тишина,
Пусть тихо я умру, пусть тихо спит она».

Так умер царь Хосров, ничем не потревожа
Ширин, уснувшую у горестного ложа.

ПРОБУЖДЕНИЕ ШИРИН

Кровавый ток лился, все расширялся он...
Нарциссы глаз Ширин свой позабыли сон.

Порой, в былых ночах, о горестях не зная,
Она бросала сон при сладких звуках ная.

А ныне — не гляди, иль сердце заболит! —
Кровь жаркая царя проснуться ей велит.

Как птица, вскинулась от хлынувшего света.
Ее ужасный сон ей предвещал все это.

И сорвана Ширин с Хосрова пелена, —
И видит кровь она, и вскрикнула она.

Увидела не сад, не светлое создание:
Встречает взор ее разрушенное зданье.

Престол, что без венца, ее увидел взор,
Светильник брошенный: все масло выкрал вор.

Разграблена казна, ларец лежит разъятый,
Войска ушли. Где вождь? Сокрылся их вожатый!

И мраком слов своих Ширин чернила ночь
И плакала; затем пошла неспешно прочь.

И с розовой водой вернулась к изголовью,
Чтобы омыть царя, обрызганного кровью.

Льет амбру с мускусом — и крови больше нет,
И тело царское сверкает, словно свет.

И тот последний пир, что делают для властных,
Устроила Ширин движеньем рук прекрасных.

И, раматами овеявши царя,
На нем простерла ткань алее, чем заря.

Усопшего царя как будто теша взоры,
Надела и сама роскошные уборы.

ШИРУЙЕ СВАТАЕТСЯ ЗА ШИРИН

Для сердца Шируйе Ширин была нужна,
И тайну важную да ведает она.

И молвил ей гонец, его наказу вторя:
«С неделю ты влачи гнет выпавшего горя.

Недельный срок пройдет — покинув мрак и тишь,
Ты двухнедельною луной мне заблестишь.

Луна! В твоей руке над миром будет сила.
Все дам, о чем бы ты меня ни попросила.

Тебя, сокровище, одену я в лучи,
От всех сокровищниц вручу тебе ключи».

Ширин, услышав речь, звучащую так смело,
Вся стала, словно нож, вся, как вино, вскипела.

И молвила гонцу, потупясь: «Выждем срок!»
Так лжи удачливой раскинула силок.

И скоро Шируйе такой внимает вести:
«Когда желаешь ты царить со мною вместе,

Ты соверши все то, что я тебе скажу.
Я благосклонностью твоею дорожу.

Уже немало дней я чувствую всей кровью,
Что я полна к тебе растущею любовью.

И если в дружбе я, как ведаешь, крепка, —
Все для меня свершить должна твоя рука.

В своих желаниях я так необычайна, —
Но есть в них, Шируйе, и сладостная тайна.

В тот час, когда с тобой соединимся мы,
Я все тебе скажу среди полночной тьмы.

Прошу: ты пышный свод дворцового айвана
Снеси, хотя достиг он яркого Кейвана.

И дальше: повели, чтоб выкинули вон
Из царского дворца Хосрова древний трон.

Чтоб след могущества разрушили, чтоб рьяно
Взыграл огонь и сжег весь пурпур шадурвана.

Джемшида чашу, царь, вели сломать, чтоб к ней
Не мог нас привлекать узор ее камней:

И коль Парвиза власть уже не ширит крылья,
Пускай Шебдизу, царь, подрежут сухожилья.

Когда исполнят все, исполнят все подряд, —
Пусть погребения свершается обряд.

Дай шахматы царя из яхонтов на зелье

Целебное — сердцам подаришь ты веселье.

Пусть голубой поднос разломают, — бирюза
Пусть в перстнях и серьгах всем радует глаза.

Не слушай, как Хосров, ты без конца Барбеда,
Навеки изгони ты из дворца Барбеда.

Когда моих забот исчезнет череда,
Служением тебе так буду я горда!

И я склонюсь к тебе той сладкою порою
И тайну замыслов, как молвила, открою».

И сердце Шируйе отрадою полно,
По слову Шируйе все было свершено.

Все замыслы Ширин свершились друг за другом:
Все сделал Шируйе, чтоб стать ее супругом.

«Твой выполнен приказ», — услышала она.
И пылом радостным прекрасная полна.

Все из вещей царя, все из одежд царевых, —
От обветшалых риз и до нарядов новых, —

Все нищим раздавать велит она скорей.
Все на помин души — души царя царей.

СМЕРТЬ ШИРИН В УСЫПАЛЬНИЦЕ ХОСРОВА

Заря меж облаков встает не в зыби ль сладкой?
Но сладкий день, взойдя, принес погибель Сладкой.

Хабешский негр, во тьме несущий камфору,
Рассыпал тюк — и луч прошел по серебру.

Из крепости смотрел на месяц чернокожий —
И вдруг оскалил рот, смеясь, как день пригожий.

Вот кеянидские носилки, лишь заря
Блеснула, сделала царица для царя..

Носилки в золоте; в кемарское алоэ
Рубины вправлены, напомнивши былое.

И царь, как повелел времен древнейших чин,
На ложе смертное положен был Ширин.

В назначенный покой, Ширин услышав слово,
На царственных плечах цари внесли Хосрова.

И там пред мраморным бесчувственным лицом
Носилки обвили торжественным кольцом.

И каждый палец стал у бедного Барбеда
Калам расщепленный. Весь мир был полон бреда.

На этот хмурый мир взирал Бузург-Умид.
Он, миру верящий, от мкра ждал обид.

Стенал он: «Небеса да внемлют укоризне:
Лишился жизни шах — и нас лишил он жизни.

Где всех народов щит? Где слава всех царей?
Где стяг и острый меч, что всех мечей острей?

Где тот, чья на миры легла победно риза?
Где скрылся наш Кисра? Где нам сыскать Парвиза?

Коль к переезду ты далекому готов,
Равно, Джемшид ли ты, Кисра, иль ты — Хосров!»

Прислужниц и рабов понура вереница. С
редь них, как кипарис, идет Ширин-царица.

В кольце ее серег сокровища морей,
На плечи за кольцом легло кольцо кудрей.

Насурьмленных бровей растянутые луки,
Хной, как пред свадьбою, окрашенные руки.

И золотой покров течет с ее чела,
И ткань Зухре огнем вдоль стана потекла.

Кто мог бы смертные так провожать носилки?
Прохожих опьянял и страстный взор и пылкий.

Как опьяненная, сопровождала прах,
Идя с припляскою, как будто на пирах.

Все, глядя на Ширин, решали вновь и снова:
«Не в горести она от гибели Хосрова».

И думал Шируйе, в себе таящий тьму,
Что сердце Сладостной склоняется к нему.

И всю дорогу шла с припляскою царица.
Вот купол перед ней... Вот шахская гробница.

Рабыни скорбные столпились за Ширин,
Роняя жемчуг слез на щек своих жасмин.

Внесли царя под свод. Вкруг сумрачного ложа

Встал за вельможею, безмолвствуя, вельможа.

И у Ширин жрецом был препоясан стан,
И в склеп вошла Ширин — и ею знак был дан

Гробничный вход прикрыть. И вот в наряде алом
К носилкам царственным идет она с кинжалом.

И, рану обнажив носителя венца,
Прижала алый рот ко рту ее рубца.

И так же в печень, в бок царица захотела
Свой погрузить кинжал, свое пронзая тело.

И ложе царское ее покрыла кровь,
Как будто кровь царя, растекшаяся вновь.

И вот она с царем без возгласа, без речи,
Уста прижав к устам, к плечам прижавши плечи.

Но вскрикнула она, от рта отъявши рот...
И слышит за дверьми сгрудившийся народ,

Что две души слились, что в теле нету муки,
Что нет в душе тоски, что нет сердцам — разлуки.

Тебе, чьим пламенем для смертных озарен
Был этот брачный пир, — да будет сладок сон!

Пусть тот да ощутит всевышнего десницу,
Кто тихо вымолвит, прочтя сию страницу:

«Аллах, оберегай могильный этот прах!
Двух пламенных прости, о благодный аллах!»

Осанна Сладостной, осанна сладкой смерти!
О смертные, любви, все победившей, верьте!

Так умирают те, что страстно влюблены,
Так души отдавать влюбленные должны.

И женщина ли та, в которой столько воли?
Муж с женщиною схож, когда боится боли.

Порою сладостно бегущая с плеча
Скрывает тканых львов изгибами парча.

Взмыл на дорогах зла самум слепой и дикий,
Жасмин он оборвал, снес кипарис великий.

И тучи поднялись из-за морей беды,
И грозы грянули из черной их гряды.

И ветер из равнин как бы единым взмахом
Весь воздух слил в одно с взнесенным черным прахом.

Лишь о случившемся сумели все узнать, —
Восславили Ширин. И возгласила знать:

«Прославим этот час! Земля, в просторах зланных
Невест, подобных ей, рождай для пиршеств брачных!

Мутриба в Африке, мутриба на Руси
Создать подобный пир — напрасно не проси».

...Все, положив с царем прекрасный прах царицы,
Ушли и наглухо замкнули дверь гробницы.

И размышляли все над сладостным концом.
И на гробнице так начертано резцом:

«Узнай, Ширин, чей прах взяла сия могила,
Себя своей рукой в знак верности убила».

СМЫСЛ СКАЗА О ХОСРОВЕ И ШИРИН

О ты, что мудростью сродни былому сказу,
Не думай, что сейчас ты внял пустому сказу:

Вняв сказу этому, пролей потоки слез,
Омой мою Ширин водой из горьких роз.

Она весенним днем, подобно розе милой,
Склонилась над своей безвременной могилой.

Кыпчакский мой кумир! Мой нежный хрупкий знак!
Погибла, как Ширин, и ты, моя Афак.

Прекрасен лик и стан, и разум твой был ярок!
Дербентом правящий тебя мне дал в подарок.

Ее фата была как воинский доспех,
А рукава узки. К ней не проник бы грех.

Всем недоступная и всех прекрасных строже —
Она стелила мне супружеское ложе.

По-тюркски тронулась в кочевья, словно нож
В меня вонзив, свершив не тюркский ли грабеж?

Но коль тюрчанки нет и тщетны все погони,
Над тюркорожденным, господь, простри ладони.